

Univerzita Karlova v Praze

Filozofická fakulta

Disertační práce

2009

Mgr. Inna Kalita

Univerzita Karlova v Praze

Filozofická fakulta

Ústav slavistických a východoevropských studií

Slovanská filologie

Inna Kalita

Rusko-běloruská jazyková interference v Bělorusku

Russian-Belarusian language interference in Belarus

**Русско-беларуская языковая интерференция
в Беларуси**

Disertační práce

vedoucí práce - Prof. PhDr. Jiří Marvan, Ph.D.

2009

Děkuji vedoucímu práce Prof. PhDr. Jiří Marvanovi, Ph.D.
za cenné rady, vstřícnost a poskytnutí materiálů k mé disertační
práci.

Prohlašuji, že jsem tuto disertační práci na téma «Rusko-běloruská jazyková interference v Bělorusku» vypracovala samostatně a výhradně s použitím citovaných pramenů, literatury a dalších odborných zdrojů.

V Ústí nad Labem dne 4.12.2009

podpis

Rusko-běloruská jazyková interference v Bělorusku

Předkládaná disertační práce se věnuje jazykové situaci v Bělorusku na přelomu XX. – XXI. století. Představuje běloruskou jazykovou scénu v kontextu východoslovanském, a zároveň v širší postkoloniální jazykové kontinuitě, která v současné době prožívá novou etapu rozvoje. Současná jazyková situace v Bělorusku je charakterizována jako výsledek historických interferenčních vztahů, je zdůrazněna její dichotomie, která se projevuje ve všech rovinách, a tím podmiňuje nutnost komplexní analýzy s využitím všech možných lingvistických a nelingvistických různorodých spojení.

Interference jako důsledek kontaktu se projevuje ve všech rovinách minoritního jazyka, z nichž každá odráží různorodé příznaky interference. Jsou analyzovány úrovně současné interference, je zmíněn starší proces vzájemného vlivu a jeho důsledků v současných východoslovanských jazycích na příkladu adaptace výpůjček z církevní slovanštiny.

Práce se podrobněji věnuje zkoumání úrovně řečové interference. Cíl výzkumu – určit místo trasjanky v systému podobných, ale ne totožných jevů, vyjmout ji z nevyhraněné kategorie 'sociolingvistický fenomén'. Uváděná definice má být podnětem k vytvoření objektivního hodnocení jazykových non-standardních inovací, poukázat na „vhodnost“ jazykové zátěže pro udržení funkcí spisovného jazyka.

Trasjanka a příbuzný, paralelně se vyvíjející ukrajinský suržik, které lingvisté definují jako sociolingvistické fenomény, jsou včleněny do nové kategorie, která zpřesňuje i určuje jejich místo v systému blízkých, ale ne totožných jevů, jako jsou pidžiny, kreoly, nekodifikované formy, sociolekt, naciolekt, slang.

Lingvistická část práce na příkladu podstatného jména představuje mezijazykové rozdíly. Postfixace obou jazyků vykazuje značné rozdíly v produktivitě stejných přípon. Interference na úrovni akcentologie (prozodie) identifikuje faktory, které přispívají k porušení segmentální a suprasegmentální roviny jazyka-hosta. Charakteristika fonetických rysů běloruštiny pomáhá pochopit některé příznaky trasjanky.

Autorka zveřejnila výsledky „terénního“ výzkumu, které byly provedené v roce 2008 v Bělorusku. Pozornost je věnována etapám a zvláště jazykové politiky Běloruska ve XX. století, některým možným přístupům k plánování a revitalizaci národního jazyka. Zmiňuje se o prospěšnosti využití teorií managementu a marketingu, jakož i dosavadních zkušeností „Společnosti přátel běloruského jazyka“ („Таварыства беларускай мовы“ (ТБМ)), s ohledem na aktuálně probíhající projekty na www.budzma.org, generalizovat pojetí jednotlivých autorů.

Russian-Belarusian language interference in Belarus

The work is dedicated to the language situation in Belarus at the turn of the 20th and the 21st century. It presents the Belarusian language situation in the context of the East Slavic languages and in a more widespread, postcolonial language continuum which finds itself in a new development phase. The contemporary language situation in Belarus is characterized by historical interferential influence; an emphasis is put on its binary nature which may be found in all spheres, and demonstrates the inevitability of a complex analysis. The work deals with the degrees of the contemporary interference, touches upon the process of mutual influence and its impact on the contemporary East Slavic languages is studied on the example of the adaptation of “cerkovnoslovjanizm” (the language of the Orthodox Church).

The aim of the work is to present a common language situation in Belarus which has been developing in the situation of asymmetrical bilingual direction. Anyway, the work doesn't claim to describe all the characteristics concerning language interference in Belarus. The real contemporary bilingual situation is described. The level of speech interference is analyzed in detail.

“Trasyanka”, as the type of the language used in Belarus, is described in a special chapter and it is focused at summarizing previous studies, presenting various and mostly opposed linguistic and non-linguistic views. And on the basis of all the opinions the reasonable approach to language innovation is founded. The study task is to define the place of “trasyanka” among the similar but not identical phenomena, to identify its “sociolinguistic phenomena”. The definition that is offered to use will help to evaluate objectively non-standard language innovations and will prove language balance that supports a literary language.

“Trasyanka” and the Ukrainian “surzhyk”, which is developing at the same time, are both defined by the linguists as sociolinguistic phenomena, are classified differently and put in a new category that clarifies and defines their place among the similar but not identical phenomena as “pigeon”, a creolized language and all the varieties of slang.

The language part of the work deals with inter-language differences shown on the example of the noun. Suffixes which are used by the both languages show great productivity difference in the processes of word formation. Interference which takes place on the accent level represents factors that influence the imbalance of segmental and supersegmental levels of the “visiting language”. Phonetic characteristic of the Belarusian language helps to understand some special features of “trasyanka”.

The results of language analysis being made in Belarus in the year 2008 are also presented. The steps of language politics in Belarus in the 20th century are described. Some approaches how to improve the situation with a national language, which are based on marketing and management theory, the experience of organizations such as “Tavaryststva belaruskaj movy”, the projects such as www.budzma.org and the ideas of some authors are offered.

Список сокращений

БНФ – Беларуский Народный Фронт
ВКЛ – Великое Княжество Литовское
КХП – Консервативно-Христианская Партия
ТБМ – Таварыства беларускай мовы
т.ч. – в том числе
т.е. – то есть
т.о. – таким образом
обл. – область
д. – деревня
ж.р. – женский род
м.р. – мужской род
с.р. – средний род

I – после цитат в указанных источниках обозначает Интернет-источник, например: (ВИНОГРАДОВ: 1990: I), полностью адрес указан в библиографии.

Сокращения, использованные в таблицах

Б – беларус, беларусский (в колонке национальность – беларус; в колонках язык – беларусский язык)

Р – русский, (в колонке национальность – русский, в колонках язык – русский язык)

У – украинский, (в колонке национальность – украинец, в колонках язык – украинский язык)

б/о – без ответа

с/о – среднее образование

с/с – среднее специальное образование

с/т – среднее техническое образование

н/с – незаконченное среднее образование

в/о – высшее образование

н/з – не знает

уч. – учащийся

м. диал. – местный диалект

смеш. – смешанный

Б+Р – беларусский и русский

Р+Б – русский и беларусский

У+Р – украинский и русский

У+Б – украинский и беларусский

Р+У+Б – русский, украинский, беларусский

Б/АЗ – беларуска/азербайджанка

Р. – респондент

№ Р. – номер респондента

+ положительный ответ

- отрицательный ответ

СОДЕРЖАНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ	7
ВВЕДЕНИЕ	13
1. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ. СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ.....	18
1.0. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ ДИСКУРСЕ	18
1.1. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ	20
1.2. БИЛИНГВИЗМ	21
1.3. БИЛИНГВИЗМ И ЕГО ТИПЫ.	24
1.4. ДИГЛОССИЯ	26
2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ	29
2.0. ЯЗЫКОВЫЕ КОДЫ СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА БЕЛАРУСИ	29
2.1. УРОВНИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ	32
2.1.0. <i>Уровень языковой</i>	32
2.1.1. <i>Лексико-грамматическая интерференция</i>	33
2.1.2. <i>Лексико-стилистическая интерференция</i>	34
2.1.3. <i>Старшие процессы интерференции в зеркале современных восточнославянских языков. Судьба церковнославянизмов</i>	34
2.1.3.0. <i>Пополнение белорусского и русского словарей церковнославянизмами</i>	34
2.1.3.1. <i>Семантическая стратификация 'благо' в восточнославянских языках</i>	37
2.1.3.2. <i>Русское 'благо'</i>	37
2.1.3.3. <i>'Блага' в белорусском языке</i>	37
2.1.3.4. <i>'Благо' в словообразовании: западославянское vs. восточнославянское</i>	38
2.1.3.5. <i>'Благо' в украинском языке</i>	39
2.1.4. <i>Русификация современного белорусского или вторичное церковнославянское влияние</i>	39
2.1.5. <i>Грамматическая интерференция</i>	40
2.1.5.0. <i>Расхождения в морфологической структуре</i>	41
2.1.5.1. <i>Имя существительное (бел. назоўнік)</i>	41
2.1.5.2. <i>Реализация агентивного значения</i>	42
2.1.5.3. <i>Некоторые особенности словообразования</i>	43
2.1.5.4. <i>Суффиксальная стратификация</i>	43
2.1.5.5. <i>Словообразовательные интерфиксы</i>	44
2.1.5.6. <i>Особенности собирательных существительных</i>	44

2.1.5.7. Имена собственные	45
2.2. УРОВЕНЬ РЕЧЕВОЙ	46
2.3. УРОВЕНЬ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЙ	48
2.3.0. Нарушение акцентологических норм как этнопоказатель	48
2.3.1. Причины нарушений сегментного и суперсегментного уровней языка-гостя. Характеристика некоторых фонетических аспектов белорусского языка	49
2.3.1.1. Алфавит и графика	49
2.3.1.2. Особенности вокализма. Аkanie, яkanie	50
2.3.1.3. Протетические а, і	51
2.3.1.4. Дифференциальный графический маркер	52
2.3.2. Некоторые особенности сонорного состава	52
2.3.2.1. Соотношения гласный : сонорный - [i] : [j]	52
2.3.2.2. Соотношения гласный : сонорный - [y] : [y̯]	55
2.3.3. Выводы. Основные элементы фонетической безэквивалентности	55
2.4. УРОВЕНЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ	56
2.4.0. «Антагонистический микс взаимоисключающих ценностей и/или эрзацев»	56
2.4.0.1. Плоскости психологической обусловленности интерференции	57
2.4.0.2. Отношения языков А и В	57
2.4.0.3. Психология языкового «почтения»	59
2.4.0.4. Обстановка	60
2.4.0.5. Элементы советской матрицы	60
2.5. ПАРЕМИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СДВИГОВ В МЕНТАЛЬНОЙ МАТРИЦЕ	61
2.5.1. Белорусский паремийный фонд	61
2.5.2. Общие показатели ментального и иноментального	61
2.5.3. Современный слой белорусских паремий	62
2.5.4. Символика национальных концептов и способы выражения	64
2.5.5. Текст : социальный контекст	66
2.6. РЕАЛЬНЫЙ ПЛАН ГОСУДАРСТВЕННОГО ДВУЯЗЫЧИЯ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ	67
2.6.0. Билингвизм постсоветской Беларуси в контексте СНГ	67
2.6.1. Билингвизм белорусских СМИ	68
2.6.1.0. Типы белорусских изданий	68
2.6.1.1. Особенности языка независимых изданий 90-х годов XX – начала XXI вв.	71
2.7. БЕЛАРУССКАЯ ШКОЛА. БИЛИНГВИЗМ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ	82

2.7.0. Специфика белорусского образования. Язык обучения	82
2.7.1. Типы школ в Беларуси	82
2.7.2. Отголоски Чернобыля в системе образования	85
2.7.3. Некоторые аспекты языкового дуализма	85
2.8. БИЛИНГВИЗМ В СИСТЕМЕ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПЕЧАТЕЙ	86
2.8.1. Надписи на официальных документах	86
2.8.2. Язык товарных знаков и этикеток	87
2.9. ПОНЯТИЕ 'РОДНОЙ ЯЗЫК' ДЛЯ БЕЛАРУСА	88
2.9.1. Документально-художественный проект «Як я стаў беларусам»	89
2.9.2. Осознание национальности. Импульсы	90
3. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НА РЕЧЕВОМ УРОВНЕ.....	94
3.0. КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ?	94
3.1. ТРАСЯНКА	94
3.1.0. Определение и сущность трясанки	94
3.1.1. Происхождение и семантика	97
3.1.2. Отношение к термину трясанка	99
3.1.3. Возникновение и краткая история взросления трясанки	100
3.1.4. Психологические мотивы и истоки	103
3.1.4.0. «Тутэйшасць» как психологический подтекст возникновения трясанки	103
3.1.4.1. Психологические детерминанты	105
3.1.4.2. Регламентация отдельных уровней	106
3.1.4.3. Комплекс неустроенности (деформированности, неустойчивости)	107
3.1.4.4. Критерии для классификации причин развития трясанки	107
3.1.5. Отношение к трясанке как к явлению	110
3.1.6. Журналисты о трясанке	113
3.1.7. Трясанка и типологически родственные явления	114
3.1.8. Многоаспектность трясанки	115
3.1.9. Вопрос непрестижности белорусской трясанки	117
3.2. СУРЖИК	121
3.2.0. ОПРЕДЕЛЕНИЕ СУРЖИКА В СЛОВАРЯХ	121
3.2.1. Дефиниции и возраст суржика	121
3.2.2. Концептуализация понятия	124
3.2.3. Психологические мотивы и истоки суржика	124

3.2.4. Украинские журналисты и писатели о суржике	125
3.3. ТРАНСКОД	128
3.3.0. К введению термина ТРАНСКОД	128
3.3.1. Исходные понятия	128
3.3.2. Источники	129
3.3.3. Понятие ТРАНСКОД	132
3.3.4. Транскод и пиджины	133
3.3.5. Транскод и креольские языки	135
3.3.6. Транскод и социолект	138
3.3.7. Транскод и нациолект	139
3.3.8. Транскод и просторечие	139
3.3.9. Транскод и русский сленг	141
3.4. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОТЛИЧИЯ ТРАНСКОДА ОТ РОДСТВЕННЫХ ЯВЛЕНИЙ	143
3.5. ТРАНСКОД КАК ЯЗЫКОВАЯ ИННОВАЦИЯ	145
3.6. ГРАНИЦА МЕЖДУ ТРАНСКОДОМ И СТИЛИСТИЧЕСКИМ ПРИЁМОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТРАСЯНКИ/СУРЖИКА – ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ	148
4. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, БЕЛАРУСЬ, 2008 ГОД.....	150
4.0. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	150
4.0.1. Общая характеристика	150
4.1.0. Цели	150
4.1.1. Специфика исследуемого региона	150
4.1.2. Позиция исследователя	151
4.1.3. Теоретические константы	153
4.1.4. Установки респондентов	154
4.2. АНКЕТА	154
4.3. ДАННЫЕ АНКЕТ. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕСПОНДЕНТОВ	155
4.4. РЕЗУЛЬТАТЫ АНКЕТИРОВАНИЯ	155
4.4.0. Общие показатели	156
4.4.0.1. Отношение Респондентов к трасянке	156
4.4.1. Региональные особенности: г/п Новогельня Гродненской области	157
4.4.2. Фактор субъективной самооценки на частном примере одной семьи	157
4.4.3. Выводы	158

5. К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРИНЦИПОВ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛАРУСИ	160
5.1. О ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ БЕЛАРУСИ XX – XXI ВВ.	160
5.1.0. <i>Этапы языковой политики</i>	160
5.1.1. <i>Первый период беларусизации, 20-30-е годы XX века</i>	160
5.1.1.1. <i>Особенности периода</i>	161
5.1.2. <i>Предвозрождение. Роль БНФ</i>	165
5.1.3. <i>Официальный период второго Возрождения XX века (1989 – 1994)</i>	167
5.1.4. <i>Неофициальный период Возрождения конца XX – начала XXI вв.</i>	168
5.1.5. <i>Современная ситуация в Беларуси</i>	170
5.2. АНАЛОГИИ И ПАРАЛЛЕЛИ	171
5.2.0. <i>О старых и новых парадигмах</i>	171
5.2.1. <i>Беларусь – Ирландия</i>	171
5.2.2. <i>Беларусь – Лужица</i>	172
5.2.3. <i>Чехия – Словакия. Надо ли Минску быть второй Братиславой? О невозможности рождения «исторических близнецов»</i>	174
5.2.4. <i>Словацкий – беларусский: языковые параллели</i>	177
5.2.5. <i>О некоторых аспектах постсоветского билингвизма</i>	179
5.2.5.1. <i>Субъекты РФ</i>	180
5.2.6. <i>Некоторые заметки о официальной объективности и неофициальной субъективности</i>	183
5.3. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА	184
5.3.0. <i>О языковой политике и проблематике терминологии</i>	184
5.3.1. <i>Традиции и беларусский ракурс</i>	186
5.3.2. <i>К вопросу об этнической мобилизации</i>	187
5.4. ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ НА ПУТИ К ЭТНИЧЕСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ. НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	189
5.5. О ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕОРИИ МЕНЕДЖМЕНТА И МАРКЕТИНГА ДЛЯ СОЗДАНИЯ МОДЕЛЕЙ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНА ЯЗЫКОВОЙ КОРРЕКЦИИ (РЕВИТАЛИЗАЦИИ)	191
5.5.0 <i>SWOT-анализ</i>	191
5.5.1. <i>SWOT-анализ: пометки к беларусской ситуации</i>	192
5.5.2. <i>Возможные пути к языковой ревитализации на основе подходов современного менеджмента</i>	193
5.6. БЕЛАРУСЬ: ЯЗЫК + ПОЛИТИКА = ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА. БЫЛО. ЕСТЬ. ЧТО БУДЕТ?	195
5.7. ПЕРСПЕКТИВЫ	197

5.7.1. Психологические детерминанты и «исторические тормоза»	198
5.7.1.0. Традиционность	198
5.7.1.1. Досоветская история	198
5.7.1.2. Национальные идентификаторы	199
5.8. БЕЛАРУСЬ, XXI ВЕК. КАК ВСТРЕТИТЬ ВЕСНУ ИЛИ КАК ИСПОЛЬЗОВАТЬ ТРАСЯНКУ, ЧТОБЫ «ЯЗЫК СЕРЦА» ПРЕВРАТИТЬ В «ЯЗЫК ХЛЕБА»	201
5.8.0. О наметившихся тенденциях	201
5.8.1. О некоторых возможных подходах к белорусской ситуации	203
5.8.1.0. Миф и консолидация	203
5.8.1.1. Национальная религиозная конфессия	203
5.8.1.2. Субъекты языковой политики	203
5.8.1.3. Базовый набор	204
5.8.1.4. Опора на «Стратэгію развіцця беларускай мовы ў XXI ст.» Таварыства беларускай мовы	204
5.8.1.5. Аспекты взаимоотношений	205
5.8.1.6. Использование ресурсов	205
5.8.1.7. Консолидация	207
5.8.1.8. Сферы действия	207
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	209
БИБЛИОГРАФИЯ	214

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I Национальный состав населения Республики Беларусь

Приложение II (I, II) Новые правила белорусского языка от таможни!

Приложение II (I, II) Таможенная декларация

Приложение III (I) Дзьве мовы ў мяне / Два языка у меня

Приложение IV (I, II) Банкноты Национального банка Республики Беларусь,
находящиеся в обращении

Приложение V (I-IV) БЕЛПОЧТА

Приложение VI (I, II) Анкета

Приложение VII (I-X) Полевые исследования, Беларусь, 2008 год.

Результаты анкетирования (июль 2008)

Приложение № VIII (I - III) Конституции

ВВЕДЕНИЕ

Специфическая языковая ситуация, сложившаяся в Беларуси на рубеже XX – XXI веков, привлекла внимание многих лингвистов: среди которых Н. Мечковская, С. Запрудский, А. Лукашанец, Н. Борщевская, Л. Мельникова, Г. Цыхун, Т. Рамза, Г. Вешторт, Л. Крысин, И. Лисковец, Л. Кунцевич, О. Николаева, Ю. Коряков, Ж. П. Жанто, Е. Руденко, М. Флаер, Г. Генчель, Й. Марван, Х. Гладкова, М. Гигер, М. Слобода, К. Кедрон и другие. Интерференция в Беларуси – явление не новое, но современная ситуация, сложившаяся в результате исторических коллизий и постоянных интерференциальных связей, дефинируется как нестандартная.

Восточнославянский языковой континуум находится на новом этапе развития. Политика распавшегося СССР, некогда направленная на создание „советский нации“ и постепенное слияние национальных языков в „советский“, потерпела крах, но оставила неизгладимый след. СССР распался на национальные государства, большинство из которых провозгласило государственный статус национального языка. Однако этнокультурные отношения восточных славян продолжают характеризоваться с точки зрения советской теории „старшего русского брата“, прочно закреплённой в советское время, и сегодня по инерции владеющей сознанием постсоветских народов.

Современная языковая ситуация в Беларуси – результат долгих интерференциальных воздействий, её нужно рассматривать в нескольких ипостасях. Подход к белорусскому языку как к языку, *находящемуся под угрозой*, или как к *малому* языку, традиционный для западных и некоторых белорусских славистов, до определённой степени верен, но не достаточен.

Белорусский язык также является представителем неомогенной постколониальной семьи, объединившей различные по происхождению, времени возникновения, этапам развития языки, но тем не менее,

объединённые общей 70-летней историей, где в горнило плавки были положены не только национальные традиции и языки. Нужно отметить, что в этой семье положение белорусского языка – это положение на ближней позиции, наиболее опасной – позиции непосредственного соседства с мажоритарным языком, усугублявшееся, в отличие от украинской ситуации, значительно меньшим количеством населения (носителей языка).

В условиях крайне идеологизированной политики СССР, в результате невиданного в истории эксперимента по созданию советского менталитета – стиранию национальных стратификаторов, произошло нарушение языковых систем, хотя каждый из языков подвергся дестабилизации в разной степени.

Бинарность белорусской ситуации, проявляющаяся во всех сферах, должна рассматриваться с учётом всех лингвистических и нелингвистических поливалентных связей. Возникновению белорусско-русского билингвизма способствовало соседство, подобный алфавит, некоторые общие этапы исторического развития двух языков. Вопрос национального языка в Беларуси всегда был и остаётся одним из самых проблематичных. Беларусь является постсоветской страной, где предпочтение отдано русскому языку. Формальная констатация государственности двух языков не соответствует практической реализации и претворяется в главенствующей роли русского языка во всех жизненных сферах. Особняком стоит белорусская литература, фактом своего существования выдвигающая идею необходимости ревитализации языка.

Интерференция на территории Беларуси имеет глубокие корни, её зарождение не относится к возникновению либо распаду СССР, она гораздо старше. Русско-беларусской интерференции предшествовала польско-беларусская. Беларусское восприятие можно характеризовать как бипсихологизм – двойной стандарт языкового и ценностно-категориального мышления, проявления которого обнаруживаются и в ранней истории. Истории, создавшей для будущих поколений лингвистические загадки;

истории, именующей беларусов литвинами с родным 'русским' (Руденко – Чернявская: 2003, Булгакаў: 2007, Каліта: 2007(б))* языком.

Сложившийся языковой дисбаланс ограничивает все функции беларусского языка. Назрела не только необходимость реформы правописания, но и необходимость создания механизмов преодоления двойственности мышления.

Данная работа не претендует на полноту освещения языковой интерференции в Беларуси. Внимание уделено реальному плану современного билингвизма, его конкретным проявлениям в коммуникативной сфере, сфере образования, СМИ, системе товарных знаков. Более подробно рассмотрен уровень речевой интерференции, за которым твёрдо в короткий срок закрепился термин *трасянка*. Трасянка и развивающийся параллельно украинский суржик, дефинируемые лингвистами как социолингвистические феномены, в данной работе определены в новый разряд, который, по мнению

* Каліта: 2007(б). Литвин – политоним (не этноним), житель ВКЛ любой национальности – еврей, украинец, татарин и т.д.

'Руский' с одной буквой *с* не в значении 'русский национальный' – соотносящийся с современной национальностью. 'Русь' рассматривается как территория, подлётшая крещению, 'русские' – крещёные, 'омытые водой'. Позднее вся 'Русь' делится на части, далее название 'Русь' ('омытая водой' – т.е. Русь от X, или скорее, от IX века) теряет своё первоначальное значение, трансформируется в **Русию – Росию – Россию** и закрепляется только за одной нацией.

Термин 'Великая Росия', как прародина современной России становится употребимым примерно с 1540 годов, в 1584 году при возведении на трон русского царя Фёдора Иоанновича, в его титуле значилось – "государь и самодержец всея Великия Росии".

Трансформация 'руский' в значении 'крещёный' в этноним *русский* сопровождается возникновением в восточнославянском написании второй буквы *с* и относится к XVII веку. В то время это отличие не требовало пояснений, однако в письменной традиции ещё не было устоявшимся. В приветственных стихах царю Алексею Михайловичу Симеон Полоцкий употребляет несколько вариантов, встречаем непоследовательное употребление и переходный вариант *русийский*.

«Не бойся, земле Российская, и не устрашайся.
Дѣдич с востока пришол, ему низко поклоняйся.
Алексей Михайлович всѣх россов царь и государь
И иных народов великий князь, так теж и владарь,
Который поднял за благочесте велии труды,
Дабы во русийской земли оттряс ереси всюды. <...>»
«Вы з неволи увесь русийский народ свободили
И ереси из земли давной русской скоренили» (ПОЛАЦКІ: 1990, 314-315).

автора работы, уточняет и определяет их место среди близких, но не тождественных явлений, как пиджины, креолы, просторечие, социолект, нациолект, сленг, с которыми трясянку и суржик сравнивают в последнее десятилетие. Предлагаемое понятие раскрывает их многоплановый характер и должно явиться толчком к пересмотру подходов к нестандартным языковым инновациям, к их более объективной оценке. В работе прослеживаются некоторые параллели развития двух языков, приводятся сведения из истории и статистические данные, некоторые неязыковые аспекты и взаимосвязи, необходимые для объяснения основных культурных взаимовлияний и раскрытия темы.

Следует отметить, что название работы имеет обобщённый характер. *Русско-беларусская языковая интерференция* представляет: 1) один из вариантов весьма многообразного национально-русского двуязычия, 2) отражает примарный вектор влияния, исходную точку, однако при этом интерференция в Беларуси не понимается как влияние лишь в указанном направлении. Сам продукт интерференции является показателем, что в настоящее время активно развивается секундарный вектор – беларусско-русский, указатель сопротивляемости национального языка внешнему влиянию. Порядковое обозначение 'русско : беларусская' обозначает точку исхода, но ни в коем случае не обозначает однонаправленность, т.к. в основе понятия интерференция лежит *взаимодействие*. Поэтому под данным названием понимаем разнонаправленные процессы, в т.ч. обратный процесс – адаптацию субкодов русского языка беларусской языковой системой. Следует также отметить, что эти два влияния являются тесно переплетёнными, весьма тяжело вычленив одно из целого и отделить их друг от друга.

Данная работа, возникшая в русле социолингвистики, в процессе наработок переросла её рамки, т.к. рассматриваемые инновации, как компонент социальных отношений, оказались стремительно развивающимися. Учитывая связь языка и общества, механизмы воздействия социальных факторов на язык, уклон был сделан в сторону интерпретационной социолингвистики; необходимость объяснить причины возникновения и

развития описываемого явления привела к использованию подходов лингвокультурологии. Связи между языком и другими компонентами культуры, затрагивающие область лингвокультурологии, в белорусской ситуации отражают социальные нормы, детерминирующие речевое поведение, механизмы и критерии отбора социально значимых единиц. Эти связи также очерчивают новые аспекты языковых контактов как двунаправленные одновременные процессы: распад СССР (*локализация* – по определению М. Гродзинского) и глобализация (*европеизация*).

При разработке темы были использованы различные методы научного исследования, представляющие собой синтез лингвистических, социологических, лингвокультурологических, аналитических подходов и компаративных техник. Были проведены полевые исследования: анкетирование, интервьюирование, наблюдение – результаты которых коррелируют с ранее проведёнными аналогичными опросами; изучение документов, товарных знаков, сравнение разнонаправленных изданий, использованы данные Белстата. Были использованы методики наблюдения и описания, наблюдение над эстрадным текстовым (песенным и разговорным) материалом, проведены отдельные сравнения развития языка в диахронном контексте.

1. ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ПОНЯТИЕ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ. СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ

1.0. Языковые контакты в изменяющемся дискурсе

Ушедший век принёс в лингвистику много нового. Инновации связаны с осознанием важности национального стержня языка, с появлением дисциплин, рассматривающих национальную составляющую как гибкий элемент, влияющий на язык как комплекс. Национальное „Я“ приобрело новое содержание и оболочку.

Глобализация, способствующая миграции и взаимодействию языков и культур, затронула экономическую, культурную, и, закономерно, языковую сферы. Развитию контактов содействует расширение компьютерных сетей. Мультикультурализм, объединяющий разные типы межнациональных диалогов, свидетельствует о реформировании типов коммуникации: современный мир становится более открытым и переплетённым, открываются границы государств и языков.

Общим названием для обозначения языковых взаимодействий различных типов является термин *языковые контакты*.

Языковые контакты в широком смысле обозначают языковые явления, возникающие в результате взаимодействия двух или более языков. Языковые взаимодействия обозначают терминами: *интерференция, билингвизм, двуязычие, диглоссия, конвергенция (интеграция), дивергенция, полилингвизм, мультилингвизм*. При дефиниции названных терминов среди учёных возникает много разногласий, сами понятия несут множество семантических коннотаций.

У истоков теоретического изучения *языковых контактов* стоял У. Вайнрайх (*Languages in contact* (1953) и др. работы). Данная тема разрабатывалась учёными различных стран, во французском языкознании – А. Мейе, у истоков чешской социолингвистики стояли представители Пражской лингвистической школы: В. Матезиус, Б. Гавранек, Й. Вахек и др., американской – Ф. Боас и Э. Сепир, немецкие ученые во главе с Т. Фрингсом –

создателем лейпцигской школы. Значительный вклад в теорию языковых контактов внесли работы В. Розенцвейга, Г. Пауля, Э. Хаугена, У. Лабова, А. Гилмана, А. Эпштейна, Р. Брауна, Г. Клосса, Б. Бернштейна, Ч. Фергюсона, В. Ламберта, Й. Фишмана.

Разработка социолингвистических направлений в разных странах имеет свои особенности и методологию. Начало социолингвистическим исследованиям в СССР было положено в 20-е – 30-е годы XX в., у их истоков стояли Л. Якубинский, Б. Ларин, В. Виноградов, Г. Винокур, М. Сергиевский, В. Жирмунский, Л. Щерба. Многие определения В. Виноградова и Б. Ларина стали классическими. Однако, при наличии необъятного материала для практического изучения языковых взаимовлияний близкородственных и неродственных языков, языков малых народов в пределах СССР, разрабатывая вопросы языковых контактов, советское языкознание отдавало предпочтение проблемам изучения иностранных языков.

Постсоветское пространство характеризуется складыванием новой парадигмы, обусловленной изменением статуса русского языка. Вопросы билингвизма рассматриваются в новом ракурсе, тенденция к их изучению возрастает со стороны лингвистов – представителей постсоветских стран, т.к. *национально-русское* двуязычие в каждой стране имеет свои особенности. Независимые государства, находясь на разных стадиях ассимиляции, сегодня ведут различную, часто значительно отличающуюся национальную и языковую политику. К новейшим исследованиям билингвальных реалий постсоветского пространства относятся работы Н. Мечковской, О. Жиронкиной, С. Запрудского, О. Сербенской, Т. Кудояровой, Х. Багирокова, С. Елебесовой, И. Лисковец, А. Лукашанца, Г. Санхоровой, Ф. Гариповой, Л. Масенко, Ю. Корякова, и других.

1.1. Интерференция

Интерференция вообще обозначает переплетение, столкновение, взимопроникновение, скрещивание, гибридизацию.

ЧЕШСКИЙ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ характеризует понятие *интерференция* как „скрещивание (влияний)“. «Из англ. *interference interfere* – „вмешиваться, впутываться“, изначально „удары копыт о себя“ (у лошадей при беге), из ст.фр. *entere-, ferir inter* лат. *ferire* „бить, ударять“» (REJZEK: 2001, 240, перевод)¹.

Ранее чем в лингвистике, научный термин *интерференция* употреблялся в физике, где он обозначает *взаимовлияние звуковых, световых и электрических волн*. Биологический термин *интерференция* дефинирует *состояние, при котором размножение одного вируса ограничено или уменьшено под влиянием другого*. В педагогической терминологии – *отрицательное влияние уже имеющихся знаний на процесс обучения чему-то новому (изучение чужого языка, при котором родной язык, усвоенный с детства, может являться препятствием)*.

Интерференция – «*взаимопроникновение языковых элементов в результате контакта языков (от лат. *inter* – взаимно и *ferens, ferentis* – несущий, переносящий)*» (ГЛУМАЧАЛЬНЫ СЛОЎНІК БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ: 1977, перевод)².

Лингвистический термин **языковая интерференция** (*interference*) был введён Пражской лингвистической школой, представители которой обозначали им *процессы отклонения от норм контактирующих языков*. У. Вайнрайх характеризовал **интерференцию** как „*вторжение норм одной системы в пределы другой*“ (ВАЙНРАЙХ: 1972, 27).

¹ (REJZEK: 2001, 240) «*Interference 'křížení (vlivů)*'. Z angl. *interference od interfere* – „zasahovat, plést se“, původně „*narážet kopyty o sebe (o koni při běhu)*“, ze stfr. *entere-ferir* z *inter-* лат. *ferire* – „*bít, tlouci*“».

² (ГЛУМАЧАЛЬНЫ СЛОЎНІК БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ: 1977, т. 2, 554) «*Інтэрфэрэнцыя* ж.

2. Узаемапрапікненне моўных элементаў ў выніку кантактавання моў (ад лац. *inter* – узаемна і *ferens, ferentis* – які нясе, пераносіць)

По мнению В. Виноградова – «Интерференция – взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при языковом контакте, либо при индивидуальном усвоении неродного языка» (ВИНОГРАДОВ: 1990, 685).

Сопоставив различные дефиниции, в широком смысле будем определять *языковую интерференцию* как

- 1) *процесс языкового взаимовлияния,*
- 2) *результат языкового взаимодействия – возникновение языковых изменений, обусловленных контактом.*

Интерференция вызывает изменения в области языковой структуры, при этом, в процессе преобразования важную роль играет носитель языка.

1.2. Билингвизм

В современной лингвистике нет единого мнения в вопросе разграничения понятий *билингвизм* и *диглоссия*. По способу своего образования термины *билингвизм*, *двуязычие* и *диглоссия* одинаковы, отличаются языками-родителями. Если судить по этимологии, названные термины должны быть равнозначными, но в практике встречаемся с различными дефинициями и их обоснованиями. Кроме того, как синоним употребляется термин *языковая аккомодация*, который, по мнению С. Запрудского, более конкретен в сравнении с *билингвизмом* – термином-зонтом, т.к. „под ним могут прятаться слишком разные феномены“ (ЗАПРУДСКИ: 2008, 60, перевод)³.

³ (ЗАПРУДСКИ: 2008, 60) „Як вядома, вираз “білінгвізм” з’яўляецца тэрмінам-парасонам, пад якім могуць хавацца даволі розныя феномены <...>“.

Автор данной работы для характеристики белорусской ситуации использует термин билингвизм, придерживаясь позиции, что термин *билингвизм* тождествен русскому термину *двуязычие*, белорусскому *дзвюхмоўе*. *Билингвизм* – обозначение общей картины сосуществования двух языков, *диглоссия* понимается как вид билингвизма (двуязычия), *аккомодация* как понятие более конкретизированное, отражающее конкретные примеры взаимодействия на различных уровнях.

Билингвизм в **широком смысле** обозначает *использование в речи двух языков в зависимости от контекста общения*. При конкретизации понятия, уточнении многочисленных критериев, как, напр., степень владения языками, возраст, понятие *билингвизм* вырастает в разветвлённую систему.

В. Розенцвейг двуязычие характеризует как «*владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения*» (РОЗЕНЦВЕЙГ: 1972, 9).

«**Билингвизм.** Владение и попеременное использование одним и тем же лицом или коллективом двух разных языков или диалектов одного языка; двуязычие. (От лат. *bis* – дважды и *lingua* – язык)» (ГЛУМАЧАЛЬНЫ СЛОЎНІК БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ: 1977, т. 1, 375, перевод)⁴.

«Двуязычие –

1. Совместное, равноправное существование в стране двух языков.
2. Знание двух языков и использование их; билингвизм» (ГЛУМАЧАЛЬНЫ СЛОЎНІК БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ: 1977, т. 2, 161, перевод)⁵.

⁴ (ГЛУМАЧАЛЬНЫ СЛОЎНІК БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ: 1977 т. 1, 375) «**Білінгвізм** – у, м. Валоданне і папераменнае карыстанне адной і той жа асобай ці калектывам дзвюма рознымі мовамі або рознымі дыялектамі адной мовы; двухмоўе. (Ад лац. *bis* – двойчы і *lingua* – мова)».

⁵ (ГЛУМАЧАЛЬНЫ СЛОЎНІК БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ: 1977, т. 2, 161) **Дзвухмоўе** –я, н.

1. Сумеснае, раўнапраўнае існаванне ў краіне дзвюх моў.
2. Веданне дзвюх моў і карыстанне імі; білінгвізм».

«Термин „двуязычие“ следует понимать при этом двояко. Во-первых, речь может идти о соприкосновении двух языков в определённом географическом районе, причём каждый из жителей говорит на своём языке. <...> Во-вторых, <...> те же самые индивиды наряду с основным языком более или менее хорошо владеют и другим языком. Этот вид двуязычия, связанный не с территорией, а с людьми, живущими на ней, и является той основой, на которой возникают живые отношения между языками <...>» (ШПЕРБЕР: 1972, 386).

«Под двуязычием подразумевается способность тех или иных групп населения объясняться на двух языках. Так как язык является функцией социальных группировок, то быть двуязычным значит принадлежать одновременно к двум таким различным группировкам» (ЩЕРБА: 1974, 313).

«В условиях билингвизма два языка сосуществуют друг с другом в рамках одного коллектива, использующего эти языки в различных коммуникативных сферах в зависимости от социальной ситуации и других параметров коммуникативного акта. В условиях диглоссии наблюдаются сходные отношения между разными формами существования одного языка (литературным языком, койне, диалектами)» (ШВЕЙЦЕР: 2007: I).

По мнению К. Копецкого, билингвизм или языковая двуязычность – *«совершенное владение двумя языками, как правило, родным языком и чужим, так что при определённых условиях чужой язык может равноценно заменить язык родной»* (КОРЕСКҮ: 2002: I).

Й. Неквапил билингвизмом называет возможность употреблять два (более) языка, выделяет билингвизм⁶ (а) индивидуальный, (б) групповой, отдельно общенародный, государственный (или мультилингвизм, и в том случае, когда речь идёт об употреблении двух языков) (NEKVAPIĽ: 2000/2001, 17).

Таким образом, билингвизм (двуязычие, языковая аккомодация) – использование двух языков в зависимости от ситуации общения, является

⁶ (NEKVAPIĽ: 2000/2001, 17) «**Bilingvismus** Schopnost užívat dva jazyky, popř. více jazyků (dvojazyčnost, popř. Vicejazyčnost). Rozlišuje se bilingvismus (a) individualni a (b) skupinovy, zejména celospolečensky, statní (v tomto druhem případě se někdy užívá termín multilingvismus, a to i tehdy, jde-li o užívání jen dvou jazyků)».

неотъемлемым элементом интерференции (процесса языкового взаимодействия контактирующих языков) и необходимым условием для её развития.

1.3. Билингвизм и его типы

Общая дефиниция билингвизма, т.е. *владение двумя языками* сегодня дополнена классификациями, свидетельствующими о расширении его границ.

По мнению Ф. Чермака, билингвизм никогда не может быть *полным* – индивидуум не может владеть двумя языками в совершенстве. Многие учёные объясняют такой взгляд наличием безэквивалентной лексики, различным количеством семантических оттенков, различной валентностью тех же единиц в разных языках, – всё это причины, вызывающие проблемы при переключении кодов. Активация языка проявляется в зависимости от ситуации, места, обстановки общения, содержания сообщаемого, также обусловлена адресатом.

Ф. Чермак отмечает, что билингвизм не может быть идеальным или равномерным:

«<...> всегда преобладает для определённой цели один язык, а для другой цели – другой; особенно типичны для билингвальных говорящих различия в знаниях, а следовательно преферировании плана эмоционального выражения (включая, напр. проклятия и ругательства), интеллектуальные изъяснения и т.д. Преобладает мнение, что ранее почти ставший постулатом равномерный билингвизм, не может существовать, т.е. нельзя искать ни общую языковую систему для двух/более языков, и ни две/более полностью параллельных и развитых системы для каждого языка отдельно. Билингвизм является и названием для ситуации параллельного употребления двух языков в целой языковой коммуне» (ČERMÁK: 2004, 53, перевод)⁷.

⁷ (ČERMÁK: 2004, 53) «Bilingvizmus ovšem není nikdy úplný (žádný mluvčí nezná oba jazyky plně) ani ideální, v rovnovážném stavu, protože vždy převažuje pro určitou funkci jeden jazyk a pro jinou zase druhý; zvlášť typický je u bilingvních mluvčích rozdíl ve znalosti, a tedy i preferenci emocionálního vyjadřování (včetně např. – kleteb a nadávek), vyjadřování intelektuálního apod. Navíc převažuje spíše názor, že dříve často postulovaný rovnovážný bilingvizmus ani existovat nemůže, tj. že nelze hledat jazykový systém společný pro dva/více jazyků ani dva/více plně paralelních a rozvinutých systémů pro každý jazyk zvlášť. Bilingvizmus je ovšem i název pro situaci

К приведённому мнению можно привести пример (собственные исследования, опрос) восприятия билингвом (русским по происхождению, родившимся и прожившим детские годы в Узбекистане) русского мата. Молодой человек (говорящий с детства на русском, узбекский только понимал) отзывался крайне негативно о мате, как о явлении унижающем и позорящем русский язык. Объяснял свой взгляд тем, что в узбекском языке нет мата, но при необходимости употребляются другие языковые средства, которые для узбеков обидны.

В соседнем Казахстане ситуация выглядит иначе – многие, не владеющие русским языком на коммуникативном уровне, в качестве ругательства употребляют русский мат.

Многие языки постсоветского пространства не имели мата, сегодня русский мат выступает в роли „постсоветского эсперанто“. Новые поколения не во всех республиках изучают русский язык, как ранее, но мат укоренился и в неславянских языках.

Билингвальность Ф. Чермак относит к фактам *малоосознаваемым*, говоря, что *большинство населения планеты в какой-либо степени билингвно* (ЇЕРМАК: 2004, 53). Г. Вишневская утверждает, что *билингвов (двуязычных) в мире больше, чем монолингвов, и, таким образом, билингвизм в современном мире следует признать весьма распространенным явлением* (ВИШНЕВСКАЯ: 2002). Некоторые формы билингвизма имеют *смешанный вид*, можно предположить, что они встречаются чаще, чем каждая в отдельности.

В целом классификация билингвизма постоянно пополняется, принято выделять следующие виды: *координативный, субординативный, активный, пассивный, синхронный (симультанный), адитивный, максимальный, минимальный, подростковый, симметрический, диагональный, горизонтальный, доминантный, функциональный, инципиентный, инфантный, интегративный, интернациональный, изолированный, латентный, примарный (первичный), секундарный (второстепенный),*

paralelního užívání dvou jazyků v celé jazykové komunitě. Málo uvědomovaným faktem je v tomto druhém smyslu to, že většina mluvčích na zeměkouli je v nějakém stupni bilingvní».

рецептивный, рецессивный, ранний, поздний, этнический, культурный, смешанный, естественный, индивидуальный, групповой, социальный, детский, взрослый и другие (J. ŠTEFÁNIK: I).

1.4. Диглоссия

Диглоссия – вид билингвизма (двуязычия), характеризующийся функциональным распределением *кодов* или *субкодов*. Члены языковой коммуны используют коды (любой естественный или искусственный язык) попеременно в зависимости от ситуации и контекста общения. Кодом в социолингвистическом понимании является любой язык, территориальный или социальный диалект, сленг. Понятие субкод является результатом дальнейшей градации или дробления кода на составляющие (подсистемы). Субкоды образуют код как систему, взаимодополняют друг друга.

Если при билингвизме кодом называем оба языка – матрицу (родной, усвоенный с детства от родителей) и язык-гость (язык-завоеватель), а переход с одного языка на другой называем *переключением кодов*, то диглоссные ситуации представлены взаимоотношениями: 'код : субкод', 'субкод : код', 'субкод : субкод'.

В практике отношения диглоссии возникают между:

- различными стилями одного языка ('субкод : субкод' – публицистический, научный и др., каждый из них, имея свою систему средств выражения и выполняя специфические функции, не свойственные другим, представляет строго определённую сферу употребления);
- литературным языком и диалектами – 'код : субкод' (или между диалектами ('субкод : субкод'));
- литературным языком и просторечием – 'код : субкод';
- литературным языком и сленгом – 'код : субкод'.

В вопросе разграничения межъязыковой диглоссии и билингвизма не существует единого мнения, часто эти понятия употребляют как синонимичные (ОНЛАЙН ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КРУГОСВЕТ: 1)⁸, либо выделяют варианты диглоссных ситуаций, М. Гигер также указывает на необходимость разделять диглоссию современную и контекстуально-историческую (předmoderní), разница между ними обусловлена как с точки зрения возможности её изучения: 1) рассмотрение языковых контактов может быть основано лишь на анализе письменных текстов, что не может дать целостной картины языковой ситуации; 2) так и с точки зрения анализируемых форм языка: письменный язык в нетерминологическом значении (отсутствие грамматик) в ранний письменный период и в оппозиции к нему современный кодифицированный язык (GIGER: 2006, 73-86).

Й. Черны диглоссию в Чехии ставит на уровень употребления в школе (на работе) кодифицированной нормы (литературного варианта) чешского языка, а в быту – обиходно-разговорной формы. Часто под диглоссией понимают употребление кодифицированной и некодифицированной форм одного языка. В. Виноградов диглоссией называет *«одновременное существование в обществе двух языков или двух форм одного языка, применяемых в разных функциональных сферах»* (ВИНОГРАДОВ: 1990: 1).

⁸ (ОНЛАЙН ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КРУГОСВЕТ) « <...> владение разными подсистемами одного национального языка и использование их в зависимости от ситуации или сферы общения называется внутриязыковой диглоссией.

Помимо этого термин «диглоссия» может обозначать и владение разными языками и попеременное их использование в зависимости от ситуации общения; в этом случае термин употребляется без определения «внутриязыковая».

В отличие от двуязычия и многоязычия, диглоссия обозначает такую форму владения двумя самостоятельными языками или подсистемами одного языка, при которой эти языки и подсистемы функционально распределены: например, в официальных ситуациях – законотворчестве, делопроизводстве, переписке между государственными учреждениями и т.п. – используется официальный (или государственный) язык, если речь идет о многоязычном обществе, или литературная форма национального языка (в одноязычных обществах), а в ситуациях бытовых, повседневных, в семейном общении – другие языки, не имеющие статуса официальных или государственных, иные языковые подсистемы – диалект, просторечие, жаргон».

Автор данной работы для обозначения социально-коммуникативной системы современной Беларуси применяет термин *билингвизм*, исходя из следующего:

1) государственный статус имеют два языка: белорусский и русский (статус не обеспечивает реальное равноправие двух языков, однако не декларирует строгое разграничение их функций, т.е. нет отношения функциональной дополнительнойности;

2) наличие языкового балласта (трясянки) свидетельствует о необходимости *транскодирования* определённых ситуаций (или *трансконцептуализации* – термин Й. Айдуковича, касающийся перевода фразеологии (Айдукович: 2008));

3) отсутствие строго дефинированной сферы, где один из языков был бы напрочь исключён* (в отличие от русской ситуации: по традиции церковь использует церковнославянский при богослужении, в Беларуси существует

* Ситуация, которую на официальном уровне воспринимают как одноязычную, по определению О. Трусова: „агрессивное русское одноязычие“, даёт примеры некоторых исключений, напр.:

1) (ШЕВЦОВ: 2008) **«Брестская идеологическая вертикаль, вроде, раз в неделю стала говорить по-белорусски»**

«Вот так сегодня шел, думал об этом и столкнулся лицом к лицу с работником облисполкома. Тот говорит:

- Знаешь прикол? У нас в управлении идеологии его начальник ввел день белорусской мовы.

- ???

- Да, теперь все наши идеологи раз в неделю будут говорить только на белорусском. Типа, подавать пример чиновникам...

Пришел в редакцию, перепроверил. Действительно главный идеолог области Александр Рогачук ввел в управлении белорусский язык. Пока раз в неделю. Не знаю, как это оформлено юридически, но распоряжение он отдать может – это факт».

2) Через месяц в прессе появилось сообщение под названием **«Вслед за брестскими идеологами по-белорусски заговорила милиция»**, которое информирует, что *сотрудники УВД Брестского облисполкома завели день языка.*

3) В армию призвано (2008 г.) поколение, отдельные представители которого были воспитаны на белорусском языке (З. Железниченко, А. Калита, Ф. Вечёрка), поэтому наблюдается новый аспект развития правовых и коммуникативных отношений, в которых белорусская русскоязычная армия некомпетентна, т.к. она не способна соблюсти закон, признающий официальный статус двух языков. Министр обороны Л. Мальцев считает, что в белорусской армии не существует проблем с белорусским языком, однако отдельные представители – их единицы, высказывающие желание получать команды на белорусском, всегда сталкиваются с проблемами, которые, как правило, выходят на страницы газет, как исключительные случаи.

беларусскоязычная традиция («Царква» – *беларуская грэка-каталіцкая газета*: <http://carkva-gazeta.org> и др.);

4) в бытовых ситуациях выбор основного коммуникативного средства индивидуален и широко вариативен.

2. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

2.0. Языковые коды социально-коммуникативного пространства Беларуси

Интерференция в Беларуси представлена взаимодействием близкородственных контактирующих языков: белорусского и русского. При крайне неравномерном функциональном распределении двух языков, роль балласта между ними выполняет трасянка (подробно см. 3.1.).

Систему **национального языка*** представляют:

«1. письменная разновидность белорусского языка: 1.1. общелитературный язык; 1.2. „тарашкевица“; 2. устная разновидность: 2.1. общелитературный язык; 2.2. „тарашкевица“; 2.3. народные говоры; 2.4. социальные диалекты; 2.5. „трасянка“» (см. ЛУКАШАНЕЦ: 2009(а), 36).

Наряду с национальными субкодами в языковом пространстве Беларуси присутствуют: 1. письменная разновидность русского языка: 1.1. общелитературный язык; 2. устная разновидность: 2.1. общелитературный русский язык (русские СМИ в эфире); 2.2. нациолект русского языка; 2.3. русский сленг, 2.4. русский мат; 3. языковой код белорусского Полесья; 4. языки национальных меньшинств.

Код *беларуский общелитературный язык : белорусские диалекты* как субкоды вступают в контакт на уровнях: 1) писатель-выходец из определённой диалектной среды как автор художественных произведений; 2) (в малой степени) в образовании, в диалектных ареалах, т.к. белорусских школ мало. Влияние белорусского общелитературного языка на живой диалект ограничено.

* Среди лингвистов нет единого мнения относительно того, какими субкодами представлена сегодня система национального языка, различны подходы Н. Мечковской, Ю. Корякова, И.Лисковец, А. Лукашанца и других.

«В Беларуси и Украине нивелирование диалектов (обычное в XIX–XX вв. для разных ареалов) шло под влиянием не „своего“ наддиалектного (литературного) языка, но „чужого“ – русского» (Мечковская: 2009, 46).

Новым аспектом является влияние литературного языка на урбанизованного жителя, сознательно выбирающего белорусский язык как средство коммуникации.

*Тарашкевица** – дискутабельный языковой субкод, покидающий языковую арену, сыгравший определённую роль не в развитии современного белорусского языка как такового, но как психологическая провокация, альтернативный вариант, создающий иллюзию выбора, провоцирующий проведение языковой реформы.

Н. Мечковская употребление тарашкевицы в 2000 г. дефинировала как *„клубные игры для посвящённых“* (Мечковская: 2001, 178), по сегодняшнему определению А. Лукашанца: тарашкевица – *„второй вариант литературно-письменного белорусского языка, ориентированный на письменную традицию 20-х*

* Тарашкевица (или классическое правописание) – неофициальный альтернативный вариант белорусского правописания в конце XX – начале XXI вв. Его основа была заложена в эпоху Первого Возрождения (20-30-е годы XX в.) грамматикой Б. Тарашкевича 1918 года издания. Название 'тарашкевица' данный вариант правописания получил в честь автора грамматики, которая с 1918 по 1929 год переиздавалась 5 раз (факсимильное издание вышло в 1991 году). Это вариант, употреблявшийся до реформы орфографии 1933 года, после реформы оставшийся достоянием белорусской эмиграции, при этом не был однородным сводом правил, обнаруживал отличия у разных её пользователей. В Советской Беларуси перед распадом СССР, а особенно в период Перестройки, тарашкевица начала конкурировать с официальной (школьной) нормой, которую иначе называют "наркомовкой" (от Постановления Совета Народного Коммисариата). Тарашкевицу в конце XX века как альтернативный вариант правописания предложил В. Вечёрка, предпринявший попытку её унификации. В 2005 году вышло издание «Классическое правописание. Современная нормализация», авторами которого были Ю. Бушляков, В. Вечёрка, З. Санько, З. Савка. В начале 90-х годов XX в. тарашкевицу активно использовали издания независимого сектора: «Наша нива», «Свабода», «Пагоня». Противостояние тарашкевицы и наркомовки в конце XX века часто было показателем политической приверженности. Критики тарашкевицы упрекают данный вариант в польском влиянии, критики наркомовки – в засилье в нём русских признаков. Несмотря на то, что в 2008 году популярнейшая среди национально-сознательных белорусов газета «Наша Нива» перешла на официальный стандарт – наркомовку, не утихают споры о двух вариантах правописания. По мнению В. Вечёрки, наркомовка отличается от тарашкевицы оторванностью от живого языка, – такой же упрёк можно выдвинуть и в адрес тарашкевицы. К чисто языковым признакам тарашкевицы можно отнести, прежде всего, употребление мягкого знака. Другие признаки отражены в данной работе в анализе языка независимых изданий (см. 2.6.1.1.).

годов XX века и письменную практику белорускоязычного зарубежья” (Лукашанец: 2009(a), 38, перевод)⁹.

«С точки зрения сферы употребления и преобладающего круга пользователей «тарашкевицу» можно охарактеризовать как отдельный социолект (социальную разновидность национального языка) – своеобразный молодёжный сленг с выраженным политико-идеологическим оттенком). Как показывают наблюдения, для некоторой части поклонников “тарашкевицы” её использование – своеобразная «возрастная мода», переболев которой, они переходят на общелитературный стандарт» (Лукашанец: 2009(a), 38, перевод)¹⁰.

Беларуский литературный язык : трасянка взаимодействуют на разных уровнях. Авторы художественных произведений, журналисты, авторы песен используют трасянку с целью создания более полного, колоритного портрета, как элемент песенного креатива, литературного и театрального творчества.

Трасянка : белорусские диалекты находятся в неразрывной связи, активно взаимодополняя друг друга, этому в значительной мере способствует урбанизация.

Русский литературный язык : белорусские диалекты взаимодействуют на уровне СМИ – народ. Русскоязычная пресса, телевизионные программы, в последнее время передачи религиозного содержания с участием служителей церкви, как естественный источник информации, вызывают живой интерес у жителей диалектных зон. На этом фоне ориентированная на русскую культуру система белорусского образования, основным языком обучения которой является русский, дополняет целостную картину неравного взаимовлияния.

⁹ (Лукашанец: 2009(a), 38) «<...> другі варыянт літаратурна-пісьмовай беларускай мовы, арыентаваны на пісьмовую традыцыю 20-х гадоў XX стагоддзя і пісьмовую практыку беларускамоўнага замежжа <...>».

¹⁰ (Лукашанец: 2009(a), 38) «З пункту гледжання сферы выкарыстання і пераважнага кола карыстальнікаў “тарашкевіцу”, відаць, можна ахарактарызаваць як асобны сацыялект (сацыяльную разнавіднасць нацыянальнай мовы) – своеасаблівы маладзёжны слэнг з выразным ідэалага-палітычным адценнем). Як паказваюць назіранні, для некаторай часткі прыхільнікаў “тарашкевіцы” яе выкарыстанне з’яўляецца своеасаблівай “узроставай модай”, перахварэўшы якой яны пераходзяць на агульналітаратурны стандарт».

Русский литературный язык : *трасянка* встречаются в среде русскоязычных, проживающих в Беларуси. Трасянка, основанная на базе белорусской фонетики (опора на специфически белорусские звуки: твёрдый [дж], мягкие [дз'], [ц'], сонорный [ŷ]), является для русскоязычных фонетическим этнопоказателем.

Языки национальных меньшинств на территории Беларуси, по понятной причине, не могут избежать влияния *трасянки* и *русского литературного языка* (основного языка школьного обучения). В меньшей мере ощутимо взаимовлияние языков национальных меньшинств и белорусского литературного языка. Определённую роль играет польский язык, т.к. в Беларуси проживает свыше 395 тысяч (3,95 %) поляков¹¹, которые сохраняют родной язык как домашний (диалектная форма), как язык богослужения и школьного обучения (литературная форма).

Отдельный вопрос – взаимоотношения микроязыка белорусского Полесья и остальных кодов и субкодов коммуникативной системы. Данный субкод, при разумном подходе – создании условий для развития его письменно-литературного варианта, видится одним из возможных источников питания общелитературного белорусского языка.

2.1. Уровни интерференции

2.1.0. Уровень языковой

Интерференция, как результат контакта, отражается на всех уровнях миноритного национального пространства, на каждом проявляя свои маркеры. На уровне языковом интерференция проявляется:

1) совмещением двух языков в одном издании, где каждый текст самостоятелен, издание может быть объединено общей тематикой;

¹¹ По данным переписи населения 1999 г.: см. **Приложение № 1**. Национальный состав населения Республики Беларусь.

2) совмещением лексических единиц или грамматических показателей двух языков (см. **Приложение № 2**);

3) в художественных произведениях использование единичных лексем другого языка для придания колорита (стилистическое средство);

4) в белорусских русскоязычных СМИ употребляются белорусские паремии, вставные конструкции.

2.1.1. Лексико-грамматическая интерференция

Миноритный язык заимствует иностранную лексику посредством мажоритарного. На русский язык в советское время переводилась зарубежная классика, на национальные – лишь в единичных случаях, языком кино был русский; эти традиции обусловили вхождение русских лингвокультурем (литературных, исторических, географических, ценностных) в сферу восприятия национальных культур, сопроводив их соответствующими лексемами.

Вместе со способом адаптации, характерным для русского языка, заимствованные лексемы перешли в национальные языки, хотя при прямом заимствовании из языка-источника они в большинстве случаев приобрели бы другую фонетическую оболочку и грамматические категории. Напр., в русском заимствованные из чешского топонимы на **-о** приравниваются к несклоняемым заимствованиям из французского типа *депо, пальто*, поэтому *Брно* не склоняется. Для белорусской традиции, которая более флексибильна, было бы естественно склонение такого типа заимствований (как в языке-источнике), но т.к. они были усвоены через русский, категория их склонения осталась застывшей. Несмотря на то, что заимствования через русский были почти «слепыми», многие из них в национальных языках прошли процесс домистикации.

«Беларусский и украинский в этих (французских) заимствованиях чаще подобны русскому <...> Но характерным является, что принципы фонематического внедрения в белорусском и украинском отличны от

русских, как указывает их правописный вид <...> Сравн. пьеса – Б. *n'eca*, <...> актёр – Б. *акцёр* <...>, пейзаж – Б. *пейзаж*, *краявід* <...>, политика – Б. *палітыка* <...>, галстук – Б. *гальштук*» (LEŠKA: 2003, 421, перевод)¹².

2.1.2. Лексико-стилистическая интерференция

В современном белорусском языке нередки случаи, когда для обозначения одного понятия употребляются две лексические единицы, как, напр., *чай* (общеευропейское из китайского) и *гарбата* (из латинского посредством польского), избирательность употребления которых в XX в. зависела от политической ориентации носителей. К концу XX в. эти единицы тяготеют к стилистическому расслоению: *чай* – обозначение чёрного, зелёного (т.е. растущего как чайное дерево), *гарбата* – травяной сбор (ромашка, липа и др.). Специализация значений часто связана с употреблением собственной лексики и заимствованиями; старший процесс специализации XVI – XVII веков характеризуется *неусвоением церковнославянизмов*, усвоенных русским языком. Это ярко отражает лексема 'благо' и однокоренные, адаптированные восточнославянскими языками по-разному, что указывает на необходимость учёта социокультурных условий усвоения заимствований (см. 2.1.3.1. – 2.1.3.5.).

2.1.3. Старшие процессы интерференции в зеркале современных восточнославянских языков. Судьба церковнославянизмов

2.1.3.0. Пополнение белорусского и русского словарей церковнославянизмами

Пополнение словаря до XV в. в русском и белорусском языках шло различными путями. В русском языке церковнославянизмы не заменялись единицами живого языка, они заимствовались и становились его неотъемлемой частью.

¹² (LEŠKA: 2003, 421) «Br a U se v těchto výpůjčkách nejčastěji shoduje s R; <...> Charakteristické je, že zásady fonemického zdomácnování v Br a U jsou jiné než v R, jak ukazuje jejich pravopisná podoba <...> *Srov.* пьеса – Br. *n'eca*, <...> актёр – Br. *акцёр* <...>, пейзаж – Br. *пейзаж*, *краявід* <...>, политика – Br. *палітыка* <...>, галстук – Br. *гальштук*».

«Примерно к XV столетию завершается христианизация Руси. Термины церковного обихода перестали быть экзотизмами для русского уха, вошли в число слов, общих для русского и церковнославянского языков» (МУСОРИН: 2000: I).

В русском языке церковнославянизмы, имея синонимы, приобрели стилистически возвышенную окраску и сохраняют её по сей день, напр.: *очи, древо*.

«Временами славянизмы и русизмы образуют устойчивые противоположные пары, где задачей одних является передача значений отвлечённости, книжности, поэтичности, а задача вторых – передать конкретность, практичность, казуальность: *град – город, хлад – холод, мраз – мороз, злато – золото, глава – голова, страж – сторож, власть – волость, прах – порох, хранить – хоронить* <...>» (ПАЦЮПА: 2009: I, перевод)¹³.

Церковнославянизмы органично вписаны в лексический запас русского языка. Они делятся на группы, среди которых есть и непродуктивные классы, типа глаголов на -ать: *алкать, жаждасть, клеветать, лобзать*.

«В конце XVII – начале XVIII века эти глаголы были вовлечены в общеязыковой процесс выравнивания форм в парадигмах по образцу I продуктивного класса глаголов. Авторы „Словаря Академии Российской“ (выпуски 1789, 1822 гг.) наряду с традиционными непродуктивными формами зафиксировали „новые“ продуктивные формы: *лобжу – лобзаю, стражду – страдаю* и т.д.» (КОЛОСОВА: 2007: I).

В белорусском языке церковнославянизмы малочисленны, часто воспринимаются как заимствования из русского, т.к. во-первых, фонетически неудобоваримы, во-вторых, белорусский лексикон имеет собственные ресурсы (что может быть свидетельством большого лексического разнообразия старобелорусского языка в эпоху активного заимствования церковнославянизмов). Церковнославянские лексемы, относящиеся в русском к широкоупотребимым, в белорусском имеют свои эквиваленты:

¹³ (ПАЦЮПА: 2009: I) «Часамі славянізмы і расеянізмы зьяўляюць устойлівыя супраціўныя пары, дзе на ролю першых прыпадае значаньне адцягненасьці, кніжнасьці, паэтычнасьці, а на ролю другіх – канкрэтнасьці, практычнасьці, пабытовасьці: *град – город, хлад – холод, мраз – мороз, злато – золото, глава – голова, страж – сторож, власть – волость, прах – порох, хранить – хоронить, падеж – падёж, невежда – невежа, бремя – беремный, мрак – морочить і г.д.*».

<i>вещь, время, воздух, глагол, общий</i>				
↓	↓	↓	↓	↓
<i>рэч, час, паветра, дзеяслоў, агульны</i>				

Разному отношению двух соседних языков к церковнославянизмам содействовали различные процессы в их развитии и различные условия:

- 1) Принципиально разный подход к священному тексту в Руси Московской и в Руси Литовской;
- 2) Факт, что на рубеже XVI – XVII веков в ВКЛ старобеларусский язык занимал более значительную позицию, чем церковнославянский, в культовой сфере этому способствовал перевод Библии Ф. Скорины на старобеларусский (1517 – 1519 гг., место издания – Прага, 1522 – 1523 гг. – Вильно (ощутимо западославянское присутствие)), а в сфере общественно-коммуникативных отношений – использование Статутов ВКЛ (1529, 1566, 1588 годов, последний* частично действовал до 1840 г.). Статус старобеларусского языка, выполнявшего в ВКЛ роль государственного, обусловил крайне ограниченное количество церковнославянских заимствований, часть их была адаптирована фонетически и морфологически (*окаянный* (рус.) – *акаянны* (бел.), *исповедь* (рус.) – *споведзь* (бел.), *Владимир* (рус.) – *Уладзімир* (*Валадар* – *валодаць*) (бел.).

* Е. Руденко и Ю. Чернявская замечают: «Ряд исследователей, сторонников „великорусской концепции“, полагал, что этот язык не более, чем модификация русского, отказывая ему в специфичности и самобытности. Эта точка зрения легко опровергается следующим фактом: для издания в Москве Третьего Статута ВКЛ понадобился его перевод, в чём не было бы никакой необходимости, будь Статут написан по-русски» (РУДЕНКО – ЧЕРНЯВСКАЯ: 2003, 385).

2.1.3.1. Семантическая стратификация 'благо' в восточнославянских языках

Кроме стилистической стратификации церковнославянизмов, различной квантитативности и способов грамматического освоения, в восточнославянских языках наблюдается семантическое расщепление одного из важнейших концептов – лексемы 'благо'.

2.1.3.2. Русское 'благо'

Синоним к русскому *благо* – *добро*, антоним *зло*, лексическая единица является базой для образования эмоционально-возвышенных сложных слов с **позитивной оценочностью** (*благословение, благовидный, благоговеть, благодатный, благозвучие, благоденствие, благодетель, благонадёжность, благоразумие*); в русских словарях встречаем около ста сложных единиц с первой частью *благо*. В современном языке они охватывают церковно-религиозную и общественно-политическую сферы: *(не)благонадёжность, благосостояние, (не)благополучный, (не)благосклонность, (за)благовременный*. Наиболее частотны: *благодарность, благодарить, благодарю*, наряду с нейтральным *спасибо* – *благодарю* звучит более официально. Русский литературный язык однозначно связывает семантику единицы **благо** с понятием *добро*, и лишь диалекты, как свидетельствуют словари, иногда выражают её отрицательную маркированность.

2.1.3.3. 'Бла́га' в белорусском языке

Блага – наречие, (в русском – существительное), *добра* является антонимом *блага*, синонимы: *кепска, дрэнна, млосна* (чаще о душевном или физическом состоянии человека). Прилагательное *благі*¹⁴ входит в состав белорусских

¹⁴ (Тлумачальны слоўнік Беларускай мовы: 1977, 381, 382)

« БЛАГІ, -ая, -ое.

1. Які не мае станоўчых якасцей, не адпавядае патрабаванням; які адмоўна ацэньваецца <...>;
2. Які не адпавядае патрабаванням маралі; дрэнны ў маральных адносінах <...>;
3. Непрыемны для іншых (пра манеры, характар і пад.) <...>;
4. Нездаровы, з хваравітым выглядам <...>;
5. Які не абяцае нічога добрага; несучышальны <...>;
6. Недастатковы для якой-н. мэты, у якіх-н. адносінах <...>;
7. Які выклікае агіду; гадкі, непрыстойны (пра выразы, словы) <...>.

паремий: *благія вочы, благі час, на благі канец* (рус.: *злой глаз, в недобрый час, на худой конец*).

Беларусские чередования *г/ж, г/з* способствуют образованию единиц *блажэць (худзець, марнець), блазан, блазенскі, блазнаваты, блазнота, блазнюк* и др. – все названные единицы **отрицательно маркированы**, в т.ч. в паремиях: *Благі з ліхім знаюцца, адзін на другога спасылаюцца* (рус.: *Пётр кивает на Ивана, Иван кивает на Петра*).

2.1.3.4. 'Благо' в словообразовании: западославянское vs. восточнославянское

Беларусская и украинская лексемы-соответствия русскому *благодарить* подобны **западославянским формам** и образованы от другого корня.

Бел.	Укр.	Чеш.	Польск.	Рус.
<i>дзякаваць</i>	<i>дякувати</i>	<i>děkovat</i>	<i>dziękować</i>	<i>благодарить</i>
<i>падзяка</i>	<i>вдячність</i>	<i>vděčnost, vděk</i>	<i>wdzięczność</i>	<i>благодарность</i>
<i>удзячны</i>	<i>вдячний, вдячливий</i>	<i>vděčný</i>	<i>wdzięczny</i>	<i>благодарный</i>

Аналогичные отличия наблюдаются и в граничащем с белорусским литовском языке: *благодарить – dėkoti, благодарность – dėkingumas, padėka, благодарный – dėkingas, благодарю – dėkiui*.

2.1.3.5. 'Благо' в украинском языке

Украинский язык, в отличие от однозначной для русской *литературной нормы* позитивной оценочности и негативной белорусской (ГЛУМАЧАЛЬНЫ СЛОЎНІК БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ: 1977, 381-382), стоит на позиции дуализма – имеет слова с позитивными коннотатами (Бусел: 2004, 54)¹⁵, тождественные русским, и

¹⁵ (Бусел: 2004, 54)

«Бла́го, -а, с.

1. Добра, щастя
2. тільки мн. блага, благ. Достатки, вигоди, дари природи і т. ін; все те, чого потребує людина в житті.
3. невідм., у знач. присудк. сл., заст. Добре».

не употребляемыми в белорусском. Украинские единицы *благоволити, благоговійно, благодатний, благодіяння, благодуюшно* и др., словарь приводит с пометкой *устаревшее*. Также как и белорусский, украинский отражает отрицательную семантику однокоренных лексем *блага, благий, деминутива блаженький (слабий, кволий), блазенство (удавання з себе блазня, дурника; штукарство)*, а также *блазнюк*. В украинском языке единицы с корнем *благ-* (в значении *добро*) встречаются и в составе паремий: *Благословляло/благословило на світ* (всходило солнце).

2.1.4. Русификация современного белорусского или вторичное церковнославянское влияние

Сложные церковнославянизмы (которые в значительном количестве заимствованы русским, в т.ч. в качестве продуктивной словообразовательной модели): *благообразие, пребогатоцветный, краснолепый, сердцевеселящий, многогрешный* (ПАЦЮПА: 2009: I), не получили распространения в белорусском языке.

«Эта черта церковнославянского словообразования на русской почве получила дальнейшее развитие: *видоизменять, разновидность, закономерность, победоносный, умиротворенный* (по-беларусски, соответственно: *адмяняць (змяняць), адменьнік, рэгулярнасьць, пераможны, заміраны*). К византийским калькам в XVIII – XIX веках присоединились кальки из немецкого языка, где также расширены сложные слова. В белорусском языке чаще, чем в русском, употреблялись немецкие корни, слова с корнями немецкого происхождения: *кошт, кшталт, гвалт, меркаваць, кіраваць, мардаваць* прижились давно, но сложные и сложносокращённые словообразовательные модели почти совсем не употреблялись» (ПАЦЮПА: 2009: I, перевод)¹⁶.

¹⁶ (ПАЦЮПА: 2009: I) «Гэтая рыса царкоўнаславянскага словаўтварэння на расейскай ніве атрымала далейшае развіццё: *видоизменять, разновидность, закономерность, победоносный, умиротворенный* (па-беларуску, адпаведна: *адмяняць (змяняць), адменьнік, рэгулярнасьць, пераможны, заміраны*). Да бізантыйскіх калек у XVIII–XIX стст. прытачыліся калькі з нямецкае мовы, дзе таксама пашыраныя складаныя словы. У беларускай мове часцей як у расейскай ужываліся нямецкія карані, словы з каранямі нямецкага паходжання: *кошт, кшталт, гвалт,*

Суффиксальные и сложные лексемы, употребляемые в современных белорусских СМИ, говорят о вторичном влиянии церковнославянского, которое сегодня однозначно воспринимается как русификация*; т.к. церковнославянизмы настолько глубоко укоренились в русском языке, что современные его носители не ощущают их чужеродность и часто не подозревают об их заимствованном происхождении, многие единицы: *благородный, могущество, (пре-)имущество, вероломный, гостеприимство, суеверие* тесно связаны с укладом быта и воспринимаются как собственные.

2.1.5. Грамматическая интерференция

Грамматическая интерференция часто проявляется в применении белорусских правил согласования на русские лексемы, напр., *добры́й собака, мой́ тень, больно́й мозоль*.

«Грамматическая интерференция возникает тогда, когда правила расстановки, согласования, выбора или обязательного изменения грамматических единиц, входящие в систему языка S, применяются к примерно таким же цепочкам языка C, что ведёт к нарушению норм языка C, либо тогда, когда правила, обязательные с точки зрения грамматики языка C, не срабатывают ввиду их отсутствия в грамматике языка S» (ВАЙНРАЙХ: 1972, 36).

С. Иванова отмечает, что расхождения между двумя языками, белорусским и русским, проявляются преимущественно *на морфологическом, а не на синтаксическом уровне*.

« <...> в текстах на близкородственных языках значительные расхождения выявляются на уровне грамем, в частных и грамматических значениях, которые противопоставляются в рамках морфологических категорий (например, рус. средний род vs. бел. мужской род, рус. единственное число vs. бел. Pluralia tantum), при

меркаваць, кіраваць, мардаваць прыжыліся даўно, але складаныя і складанаскарочаныя словаўтваральныя мадэлі амаль зусім не ўжываліся».

* Потюпа дефинирует современную русификацию белорусского языка прежде всего как вторичное влияние церковнославянизмов.

сохранении подобия в их обобщённом категориальном значении. Расхождение в граммемах – компонентах грамматических категорий – это отражение соотношения плана содержания и/либо плана выражения морфологических и синтаксических категорий в процессе текстообразования» (ИВАНОВА: 2001, 163, перевод)¹⁷.

2.1.5.0. Расхождения в морфологической структуре

Проявление расхождений в морфологической структуре двух языков чаще основано на использовании различных словообразовательных элементов (аффиксов, флексий). Данные расхождения являются основой для их замены в тряснке. Рассмотрение несоответствий на примере имени существительного поможет понять, что дефинируемая многими лингвистами лексическая база тряснки как превалирующая русская – не соответствует действительности.

2.1.5.1. Имя существительное (бел. назоўнік)

Для имён существительных в обоих языках характерны те же грамматические категории, способы словообразования и передачи грамматических значений. Отличие, не фиксируемое грамматиками – наличие в белорусском языке *вокатива*.

Для аффиксации существительных обоих языков, также как и для славянских языков в целом, более характерна постфиксация, однако со значительными отличиями продуктивности одних и тех же суффиксов. К общеславянским суффиксам существительных принято относить **-ик-, -ец-, -ак, -анн-, -енн-, -ость-**.

¹⁷ (ИВАНОВА: 2001, 163) «<...> пры вивучэнні граматычных асаблівасцей у тэкстах на блізкароднасных мовах значныя разыходжанні выяўляюцца на ўзроўні грамама, у прыватных і граматычных значэннях, якія супрацьпастаўляюцца ў межах марфалагічных катэгорый (напрыклад, рус. ніякі род vs. бел. мужчынскі род, рус. адзіночны лік vs. бел. Pluralia tantum), пры захаванні падабенства ў іх абагульненым катэгарыяльным значэнні. Разыходжанне ў грамама – кампанентах граматычных катэгорый – гэта адлюстраванне суадноснасці плана зместу і/або плана выражэння марфалагічных і сінтаксічных катэгорый у працэсе спараджэння тэкстаў».

2.1.5.2. Реализация агентивного значения

Носитель агентивного значения, суффикс **-тель**, обозначающий действующее лицо, производителя действия, характерен для русского языка.

«В русском языке суффикс **-тель** получил особое распространение в эпоху образования Московского государства, причём он является продуктивным и в наше время. Этим можно объяснить то, что он используется и в названиях неодушевлённых предметов <...> например: *выключа-тель, двига-тель, измери-тель, расшири-тель*» (ЖЫДОВІЧ и кол.: 1957, 89, перевод)¹⁸.

В белорусском языке искусственное навязывание **-тель** (фонетический эквивалент **-цель**) происходило на протяжении всего советского периода, не смотря на то, что для образования агентивного значения белорусский язык имел собственные суффиксы. Общеславянская модель образования существительных на **-тель** не была принята белорусским языком, вместо него употребимы **-льнік, -нік, -ец/-ца, -овец/-аўца, -чык, -шчык, -н, -іт, -ач, -ар, -аль, -к-а, -ыр** и др (СЦЯЦКО: 2002). В тоже время формант был унаследован русским под влиянием старославянского: *изобрета-тель – вынаход-нік, победи-тель – перамож-ца, зри-тель – гляд-ач, служи-тель – служ-к-а, предводи-тель – правад-ыр*.

«Чаще всего белорусские эквиваленты русских лексем на **-тель** имеют суффикс **-льнік**. В «Русско-белорусском словаре» 1982 года образований с **-льнік** 294 (56% от общего количества 525 соответствий). Второе место принадлежит образованиям с **-нік** (80 лексем). А вот слов с **-цель** в белорусской части этого словаря всего 50 (в русской 525). Почти все они заимствованы из русского языка или являются кальками. Большинство из них – дублиеты к белорусским, которые ничего нового не дают <...> *дубільнік – дубіцель, збаўца і збавіцель, выхавальнік і выхавацель, гасільнік і гасіцель*» (СЦЯЦКО: 2002, 21, перевод)¹⁹.

¹⁸ (ЖЫДОВІЧ и кол.: 1957, 89) «У рускай мове суфікс **-тель** атрымаў асаблівае пашырэнне ў эпоху ўтварэння Маскоўскай дзяржавы, прычым ён з'яўляецца прадуктыўным і ў наш час. Гэтым можна вытлумачыць тое, што ён выкарыстоўваецца і ў назвах неаддушаўлёных прадметаў <...> напрыклад: *выключа-тель, двига-тель, измери-тель, расшири-тель*».

¹⁹ (СЦЯЦКО 2002, 21) «Найчасцей беларускія эквіваленты да расійскамоўных лексемаў на **-тель** маюць суфікс **-льнік**. У «Русско-белорусском словаре» 1982 года ўтварэнняў з **-льнік** 294 (56% ад агульнай колькасці 525 адпаведнікаў). Другое месца належыць утварэнням з **-нік** (80

Лексемы с **-цель** в белорусском не создают словообразовательную базу. Суффиксальное словообразование существительных для передачи агентивных значений в белорусском вместо суффикса **-тель** использует 18 других суффиксов. Их замена в белорусском языке, происходившая в советский период, сейчас пошла на убыль, в новейших словарях и СМИ наблюдается тенденция очищения языка от «*-тель-овых*» существительных.

2.1.5.3. Некоторые особенности словообразования

Ю. Потюпа обращает внимание на соответствие белорусских бессуффиксальных сложных форм русским суффиксальным: *домостроительство* – *дамарад*, *земледелец* – *земляроб*, подчёркивает, что в особенности для отглагольных существительных не характерны концовки **-аньне**, **-эньне**: *новообразование* – *наватвор*, *лесонасаждение* – *лесасеў*, *смолотечение* – *смалацёк*; при необходимости обозначить действие употребляются глаголы с **-ва-** с одним корнем: *жертвоприношение* – *ахвяраваньне*, *сеноуборка* – *сенаваньне*, *стихотворство* – *вершаваньне*» (ПАЦЮПА: 2009: I).

2.1.5.4. Суффиксальная стратификация

В современный белорусский язык возвращаются вытесненные в советское время, но широко употребляемые в XIX в. суффиксы **-ец/ца**, **-овец/-аўца**: *навуковец*, *вытворца*. П. Стецко связывает отставку данного суффикса с прозаическими причинами:

«Во время реализации идеи на "слияние языков" в суффиксе **-ца-а** увидели преграду на пути "сближения языков" (в русском языке бытует только два слова с суффиксом **-ца-а** (и то с отрицательным значением *пропойца* и *убийца*) и стали подправлять его "укороченный мундир" **-ц-** на двухфонемный **-ец-** либо заменять другими суффиксами (**-чык/-шчык**, **-цель**)» (СЦЯЦКО: 2002, 25, перевод)²⁰.

лексемаў). А вось словаў з суфіксам **-цель** у беларускай частцы гэтага слоўніка ўсяго 50 (у расійскай 525). Амаль усе яны пазычаны з расійскае мовы ці калькі з яе слоў. Більшыня з іх – гэта дублетныя да беларускіх, якія нічога новага не дадаюць <...> *дубільнік* – *дубіцель*, *збаўца* і *збавіцель*, *выхавальнік* і *выхавацель*, *гасільнік* і *гасіцель*».

²⁰ (СЦЯЦКО: 2002, 25) «Падчас рэалізацыі ідэі на "зліццё моваў" у суфіксе **-ца-а** ўбачылі перашкоду на шляху "збліжэння моваў" (у расійскай мове бытуе толькі два словы з суфіксам **-ца-а** (і то з

К специфически белорусским относятся суффиксы: *-ухн-а, -ян-я, -янят, -яг, -анят*: *Божухна, вачаняты, птушаняты*; к нехарактерным русские суффиксы: *-лец*: *владелец*; *-ш, -иш/-ыш*: *мамаша, плохиш*.

Весьма специфичен ситуативный белорусский суффикс *-іх*, добавляемый к имени мужчины, но называющий женщину: *Лявон-іх-а, Сымон-іх-а*, он двупланов тем, что являясь показателем ж.р. и называя женщину, одновременно представляет её мужа – *Лявон, Сымон*; является показателем того, что женщина замужем.

Функционально белорусский суффикс *-іх* подобен чешскому форманту *-ова (-ová)*, употребляемому при образовании женских фамилий: *Мареш – Мареш-ова (Mareš – Mareš-ová)*, *Свобода – Свобод-ова (Svoboda – Svobod-ová)*, с той разницей, что в чешском языке это образование является *официальной нормой*, фамилия жены образуется от *фамилии* мужа добавлением *-ова*, в белорусском языке – от *имени* мужа и является *разговорным вариантом*.

Существительные белорусские и русские не всегда имеют одинаковые грамматические показатели, часто отличается род: **бел.: м. род:** *сабака, цень, стэп, медаль*; **рус.: ж. род:** *собака, тень, степ, медаль*; **бел.: ж. род:** *пара*; **рус.: м. род:** *пар*.

2.1.5.5. Словообразовательные интерфиксы

Белорусский язык в качестве словообразовательного интерфикса в сложных словах использует *а, е (я)*: *складаназалежны, велагонкі, самакат, сярэднеазіяцкі, сярэднямесячны*; русский *о, е*: *сложноподчинённое, велогонки, самокат, среднеазиатский, среднерусский* (исключение в белорусском под воздействием русского *Чарнобыль*, т.к. *о* находится в ударной позиции, хотя автор старобелорусской литературы – *Ф. Кміта-Чарнабыльскі*).

адмоўным сэнсам: прапойца і убійца) і сталі падпраўляць яго “падкарочаны мундзір” -ц- на дзвюхфанемны -ец- або на іншыя суфіксы (-чык/-шчык, -цель)».

2.1.5.6. Особенности собирательных существительных

Квантитативные различия наблюдаются в разряде собирательных существительных, которые в белорусском представлены большим разрядом *общеупотребительных единиц*, напр.: *крылле* (рус: *крылья* мн.ч.), *галлё* (рус: *ветки* мн.ч.), *шчаўё* (рус: *щавель*), *смецце* (рус: *мусор*), *ламачча* (рус: *лом, валежник, хворост*).

2.1.5.7. Имена собственные

Под влиянием русского языка в XX в. огромные изменения претерпела система собственных имён. Прежде всего это касается имён (людей), ставших редкими либо совсем исчезнувших. Ещё в письмах и литературе XIX века широко использовались не употребляемые сегодня имена: *Карусь, Каятан, Вікенці, Маўрыкі, Юстын, Мілеці, Геранім, Францішак, Вінцэнт, Альгерд, Тодар, Мар'ян, Юльян, Люцыян, Людвік, Фларыян*, женские: *Анэля, Разалія, Дамініка, Марцыяна, Цэзарына, Элёдыя, Тэафіля*. В начале XX в. встречались: *Язэп, Ян, Еўдакім, Казімір, Браніслаў, Антошь і Антося, Юзік, Сымон, Лявон, Адам, Станіслаў, Уладзіслаў, Вацлаў, Цішка, Пімен*, женские *Сцепаніда, Васіліна, Алаіза, Данута*. *Алесь* – белорусское имя, ставшее красивым псевдонимом а также символом принадлежности к белорусской оппозиции. Сегодня эти имена вышли из активного словаря.

Разрушительное воздействие на национальные системы имён оказала советская унификационная политика, когда при всеобщей паспортизации малопонятные для русского слуха имена повсеместно заменялись русскими. Это коснулось всех, без исключения, советских народов.

«Конец 1945 года. Сегодня я вернулась из поселка. Вчера за нами приехали русские и сказали, что нам надо ехать в поселок и получать важные бумаги. <...> Всюду ходят чужие люди, говорят по-русски, показывают на нас пальцами и смеются <...>

Нас повели в дом. Человек, который сидел за столом, спросил, как меня зовут. „Вынгэнэ“, – ответила я. Но он сказал, что это только фамилия, а надо иметь еще имя и отчество. Он попросил, чтобы я выбрала имя и отчество из тех, которые он мне перечислит. Я выбрала, он дал мне бумагу и поздравил с тем,

что у меня теперь есть паспорт. Теперь я Вынтэнэ Мария Васильевна» (АБРЮТИН: 2005: I).

Традиция переименования населённых пунктов, улиц, имевшая место в советское время повсеместно, привела к вымыванию и обеднению белорусского ономастикона и денационализации топонимической карты.

2.2. Уровень речевой

Интерференция на речевом уровне представлена трясянкой. Трясянка – негомогенное, неустоявшееся языковое явление, включающее индивидуальные проявления отдельных личностей, диалектные особенности, она проявляет определённую тенденцию к системности, образованию неписанных норм, одновременно характеризуется непрерывной обновляемостью в разговорной речи и СМИ. Трясянка часто характеризуется как явление, возникшее в определённой социальной среде и отражающее социальную стратификацию белорусов.

«„Трясянка“ широко распространена в коммуникации деревенских верхов и городских низов. В городе она может выступать как средство социальной „эмблемы“ (недавних) мигрантов из деревень в города, как символ групповой идентификации и солидарности нижних социальных слоёв, а в деревне – как своеобразный „пароль“ в отношениях между деревенскими верхами. Смешанное белорусско-русское произношение является инструментом интеграции некогда „чисто“ белорусскоязычных людей в российскую культуру и может представить собой первый этап языкового сдвига от белорусского языка к русскому)» (ЗАПРУДСКІ: 2008, 70, перевод)²¹.

Развитие этого феномена происходит быстрыми темпами, поэтому его определения быстро претерпевают изменения. Определение трясянки как *социолекта*, изначально неверное, устаревает: *«использование смешанной речи*

²¹ (ЗАПРУДСКІ: 2008, 70) «„Трясянка“ шырока распаўсюджана ў камунікацыі вясковых вярхоў і гарадскіх нізоў. У гораде яна можа выступаць як сродак сацыяльнай „эмблемы“ (нядаўніх) мігрантаў з вёскі ў горад, як сімвал групавой ідэнтыфікацыі і салідарнасці ніжніх сацыяльных слаёў, а ў вёсцы – як своеасаблівы „пароль“ у зносінах паміж вясковымі вярхамі. Змешанае беларуска-рускае маўленне з'яўляецца інструментам інтэграцыі колішніх „чыста“ беларускамоўных людзей у расійскую культуру і можа ўвасабляць сабой першы этап моўнага зруху ад беларускай мовы да рускай)».

(„трасянки“) ограничено устной речью, но не ограничено функционально и социально. „Трасянка“ присутствует в устной речи представителей самых разных социальных слоёв населения страны во всех сферах использования белорусского языка» (ЛУКАШАНЕЦ: 2009(а), 39 перевод)²².

Ежедневно обновляющаяся трасянка (подробно см. 3.1.) выходит за рамки сниженно маркированного явления. Об этом свидетельствуют белорусскоязычные блоги и живые журналы: тема трасянки в них очень популярна, как в самовыражении отношения^{23,24} авторов к самой трасянке, так и в упражнениях на трасянке²⁵.

²² (ЛУКАШАНЕЦ: 2009(а), 39) «Выкарыстанне змешанага маўлення („трасянкi“) абмежавана вусным маўленнем, але не абмежавана функцыянальна і сацыяльна. „Трасянка“ прысутнічае ў вусным маўленні прадстаўнікоў самых розных сацыяльных слаёў насельніцтва краіны ва ўсіх сферах выкарыстання беларускай мовы».

²³ Источник: <http://laksiej.livejournal.com/3238.html>

«Сапраўды, трасянка – гэта ня проста сумесь беларускае і маскальскае, гэта прадукт з зусім новымі якасьцямі. Як ёсьць паасобку кісларод ды вадарод; а ёсьць грымучы газ, які ня проста сумесь двух папярэдніх. І, як таго кіслароду, патрэбна няшмат у параўнаньні з вадародам, каб атрымаць выбуханебяспечны грымучы газ, так і беларускае мовы можа хапіць зусім крышку (часам дастаткова адной толькі фанэтыкі), каб атрымаць жэстчайшую жэсьць. Каб у гэтым пераканацца дастаткова паслухаць песьні „Кумба“ N.R.M.а, „Тэрмінатар“ Лявона Вольскага, ці эмацыйны выступ нашага ўсенароднага „дасонцападобнага“ .:)

P.S. „Карочэ, я сібе сіводня праўлюсь сам.
Сматру на сябя ў зеркала – крутой пацан.
Клёвая кепка, красоўкі, штаны.
Не-не, ну атвецьце, пацаны!...“
Music:N.R.M. „Кумба“»

²⁴ Источник: <http://zmij-vish.livejournal.com/34114.html>

«Мова для мяне – гэта тарпеда! Так пэўна яна. Нездарма кажуць, што словам можна забіць. Я адношуся да беларусаў, якія маюць у сваім арсенале толькі тры тарпеды: беларускую, расейскую і трасянку. У жыцці я карыстаюся беларускай, але пры нагодзе выкарыстоўваю і тарпедную запаску. Дарэчы, што датычыцца гэтак званай трэцяй тарпеды – трасянкi. Гэта выключная зброя. У акадэмічных установах яе не вувучаюць – яе прыгажосць, дасканаласць, моц можна зразумець толькі ў пэўных аддаленых беларускіх мястэчках і з экрану дзяржаўнага тэлебачання. Гэтая трэцяя тарпеда самая лепшая, што ёсць у беларуса! Можна сказаць, што яна – сумесь расейскай і беларускай мовы, але гэта будзе няправільна. У гэтай трэцяй аб’ядналіся калгаснік і шахцёр, чыноўнік і бухгалтар, гандлярка і сантэхнік! Калі гэта і сумесь, дык ейная квінтэсэнцыя ўнікальная! Бо гэтую тарпеду напампавалі звадкаваным газам хлебных палёў і гарадскіх праспектаў!».

²⁵ Источник: <http://sobor.by/forum/viewtopic.php?f=20&t=778&view=unread>

«Вай, вай, вай! Ну зачэ́м сразу мерзость? Если кто гаварит и пишит с акцэнтам, то это не мерзость а шарман, однако. Вот у беларусов "как слышыцца, так и пишыцца". И ко́гда Лукашенко произносит "празидент", "жэ́ншчыны", то так говорят 80% белорусов. Это не мерзость – это старая беларуская

В „массы“ трясянку несёт беларусская эстрада: «Крамбамбуля», «Ляпис Трубецкой», «Разбітае сэрца пацана», ранее популярный дуэт «Саша и Сірожа», выпустивший на трясянке диски «Опера для ленивых», а также постановка на сцене Театра Беларускай Драматургии спектакля «Войцэк» немецкого режиссёра М. Добравлянской.

2.3. Уровень акцентологический

2.3.0. Нарушение акцентологических норм как этнопоказатель

Проявление интерференции у нерусского носителя русского языка лишь на уровне акцентологии – показатель хорошего владения языком. Оно отличает беларусов – активных билингвов. Нарушение этих норм, как правило, не идентифицируется самими беларусами, но ощущается русскими – жителями РФ воспринимается как этноразличительный показатель: «Самое главное – сознание народа: это мы, которые говорим *начать*, а это они, которые говорят *начАть*» (МИТИНА: 2007: I).

При сопоставлении фонетических систем описываемых языков, при наличии большого количества общих фонем, очевидны значительные различия в их распределении. Различия в области просодии, несмотря на объединяющий элемент – разноместное подвижное ударение, отражает каждая часть речи, предпосылкой для этого является фонетический принцип беларусского языка, широко представленное *акание/якание*, что, напр., у глагола проявляет себя различной акцентуацией: рус. норма *понЯть* и бел. интерференцированный вариант *пОнять*, рус. *раскошЕлится* – бел. *раскошелИться*, рус. *звонИт* (*звонИть*) – бел. *звОнит*.

Одни подмены звуков (sound substitutions) прощаются коллективом носителей языка охотнее, чем другие (ВАЙНРАЙХ: 1972). Поэтому методика школьного обучения в беларусской школе направлена на усвоение правильного произношения в обоих языках (КАЛИТА: 2006, 25–31, КАЛИТА: 2008(a),

трясянка. И весь этот новомодный "превед, медвед" и пр. есть жалкая и убогая попытка русских перенять великую и могучую беларусскую трясянку. (шутка)».

162-170), в школе однозначно следят за произношением в русском и белорусском языке [г], [р], [ц], [ч], [дж], [дз].

Интерференция, ограниченная акцентологическим уровнем, характерна либо для билингвов-беларусов, хорошо владеющих русским языком, нарушающих лишь отдельные акцентологические нормы, либо для ассимилированных русских, долгое время проживающих в Беларуси. Такой уровень владения русским языком в Беларуси можно сравнивать с конфронтацией произносительных вариантов в рамках РФ, как, напр., московский и петербургский варианты, либо региональные российские особенности.

«При оценке литературности (нормативности) русского языка в Беларуси и Украине, как и при нормативных оценках белорусской и украинской речи, решающим признаком культурной речи является не её безупречное соответствие московским нормам, а социальный престиж говорящих. В Беларуси и Украине пора более позитивно оценивать культуру русской речи своих элит. Следует признать, что русская речь образованных людей в наших странах соответствует культурному узусу литературного русского языка за пределами России и, если не хотеть конфронтации, а напротив, стремиться к смягчению нравов, то не надо упрекать говорящих по-русски в их белорусском /украинском акценте» (Мечковская: 2009, 47).

Хорошее владение мажоритарным языком с нарушением лишь отдельных акцентологических норм – показатель нациолекта в его лучшем варианте.

2.3.1. Причины нарушений сегментного и суперсегментного уровней языка-гостя. Характеристика некоторых фонетических аспектов белорусского языка

Нарушение сегментного и суперсегментного уровней иноязычного языка обусловлено фонетическим строем родного языка, в т.ч. у родственных контактирующих языков.

2.3.1.1. Алфавит и графика

В белорусском алфавите 34 графемы, в русском – 33 (см. ниже *Сравнительная таблица алфавитов*). Оба используют азбуку, графические отличия наблюдаются в написании буквы и: (бел. *і*), в белорусском обязательно графическое оформление *ё*, отсутствие точек является ошибкой. Белорусский алфавит имеет букву *ў* (у краткое/неслоговое), обозначающую специфический сонорный; также аффрикаты *дж* и *дз*, нет букв *щ* и *ъ*, разделительную функцию выполняет последовательно диакритический знак – ' (апостроф)²⁶.

Белорусское правописание, в отличие от русского, основано на фонетическом принципе. В белорусском и русском языках шесть гласных звуков: [a], [o], [y], [э], [ы], [i] (рус. [и]), и десять букв для их обозначения: *а, я, о, ё, э, е, у, ю, ы, і* (рус. *и*). Отличия в области вокализма носят функциональный и качественный характер.

2.3.1.2. Особенности вокализма. Акание, яkanie

Наибольшей частотностью среди белорусских гласных отличается <*а*>, являясь носителем *дифференциального фонообразующего признака*, формирует доминантную белорусскую особенность – **акание** (переход *о, э* в безударных позициях в *а*).

Сравнительная таблица алфавитов: русский/белорусский

²⁶ В русском языке белорусскому апострофу функционально соответствуют *ь* и *ъ* (пью – п'ю, карьер – кар'ер, съешь – з'еш (императив), будущее время, 2-ое л., ед.ч. (рус.) съешь – (бел.) з'ясі.

1.	1.	2.	2.	3.	3.	4.	4.	5.	5.	6.	7.	6.	8.	7.	9.	8.	10.
А	А	Б	Б	В	В	Г	Г	Д	Д	Дж	Дз	Е	Е	Ё	Ё	Ж	Ж
а	а	б	б	в	в	г	г	д	д	дж	дз	е	е	ё	ё	ж	ж
9.	11.	10.	12.	11.	13.	12.	14.	13.	15.	14.	16.	15.	17.	16.	18.	17.	19.
З	З	И	І	Й	Й	К	К	Л	Л	М	М	Н	Н	О	О	П	П
з	з	и	і	й	й	к	к	л	л	м	м	н	н	о	о	п	п
18.	20.	19.	21.	20.	22.	21.	23.	24.	22.	25.	23.	26.	24.	27.	25.	28.	26.
Р	Р	С	С	Т	Т	У	У	Ў	Ф	Ф	Х	Х	Ц	Ц	Ч	Ч	Ш
р	р	с	с	т	т	у	у	ў	ф	ф	х	х	ц	ц	ч	ч	ш
29.	27.	-	28.	-	29.	30.	30.	31.	31.	32.	32.	33.	33.	34.			
Ш	Щ	-	ь	-	ы	ы	ь	ь	Э	Э	Ю	Ю	Я	Я			
ш	щ	-							э	э	ю	ю	я	я	33	34	

В русском языке умеренное акание – диалектная черта, носит региональный характер. Имманентной особенностью русской фонетики является **редукция о, а** в безударных позициях. Фонема <а> в двух языках проявляет себя по-разному, способствуя дальнейшей стратификации специфических языковых связей, в частности, формированию в белорусском языке значительного количества *омографов* (КАЛПА: 2007(а), 36–42), базирующихся на акании, и поэтому невозможных в русском. Например: *пара – пара* (*пара* – 1. рус. пар, 2. рус. пара – 2 предмета), *пара – (пора года)*.

Фоноотличительным признаком является прежде всего реализация *а, о* в обоих языках. Там, где в русском языке в безударных позициях *о* подвергается редукции²⁷, в белорусском оно переходит в *а*:

рус.: *конь – коня* [кон' – клн'а], *ход, хождение* [хот – хлжд'эн'ијэ];

²⁷ В русском языке выделяют две степени редукции гласных [а], [о] в безударном положении: 1) в первом предударном слоге и в абсолютном начале слова [Λ], 2) во втором и следующих предударных слогах, а также во всех заударных слогах [ъ]. Йотовые *е, я* в первом предударном слоге произносятся как [и]: *мясной, весенний*, в заударных, втором и третьем предударных как [ь]: *вертолёт, мясорубка*.

бел.: *конь – каня* [кон' – кан'а], *ход – хаджэнне* [хот – хаджэн':э].

Гласные *а, о* в белорусском менее подвержены влиянию других единиц. В русском языке: «У <...> [а] есть два признака, которые не зависят от позиции (в данном случае от качества соседних согласных), и один – зависимый от этой позиции признак. Независимыми признаками оказываются степень подъёма языка и отсутствие лабиализации, а зависимым – ряд образования» (ИВАНОВ: 1999, 38).

Близким к аканию, специфически белорусским явлением, является **якание** – переход *е, ё* в первом предупредном слоге в *я*: *вёцёр – вятры, вёска – вясковы*.

2.3.1.3. Протетические *а, і*

В белорусском языке *а, і* выступают в качестве **протетик** (в начале слова перед сочетанием согласных, начинающихся **м, л, р**: *мгл, мгн, ми, рж, рд, льд*, если предыдущее слово закончилось на согласный: *аржаны, ільняны, іржа, арабіна, ільдзіна*; возникновение протетик обусловлено позицией и составом слова.

2.3.1.4. Дифференциальный графический маркер

Дифференциальным маркером выступает *буква э*, в русском языке – однозначный показатель заимствования; в белорусском им не является, т.к. чередование [э]/[а], наряду с [о]/[а], относится к наиболее распространённым, это связано и с отсутствием в белорусском мягкого [р'] и наличием затверделых согласных [ж], [ш], [дж], [р], [ц]: *рэкі – рака, стрэхі – страха, царква – цэрквы, шэпт – шаптаць, шэраг – шараговы, шэрсць – шарсцяны*.

С вышеназванными признаками связано и различное освоение заимствованных слов с *э*: в белорусском после твёрдых и затверделых пишется и произносится [э], в русском ему соответствует *е* – [э]: бел.: *матэматыка, тэма*, рэверс – рус.: *математика, тема, реверс*.

2.3.2. Некоторые особенности сонорного состава

Сонорных звуков в белорусском 11, кроме 9, известных в русском, к ним относятся [ŷ], [в], [в'], но белорусский не имеет мягкого [р'].

2.3.2.1. Соотношения гласный : сонорный - [i] : [j]

Спецификой белорусского звука [i] является возможность его йотации в ударной позиции после гласных, и в позиции абсолютного начала слова после слов, закончившихся на гласный:

Хутка за імі пайшлі спаць і дарослыя – [за[^]ji[^]m'i paj[^]st'i spa[^]ц' i[^]daroslyj'a].

(Рус.: *Вскоре за ними пошли спать и взрослые* – [зЛ[^]н'им'и пЛшл'и спат' и взрослыѣ].

О. Лешка замечает, что интервокальный [j] в русском языке в целом слабый (LEŠKA: 2003, 76)²⁸. В белорусском [j] проявляет себя как исторически сильный и функционально активный, о чём свидетельствует большое количество существительных с удвоенными согласными на месте этимологического сочетания *согласный*²⁹ + [j]. т.е. С+[j], в результате которого возникает [С':] - *адраджэн-не, насен-не, камен-не, карэн-не, гал-лѣ, навакол-ле, вец-це, ламач-ча, смец-це, калос-се, стагод-дзе*.

В современных белорусском и русском языках наблюдаем различную реализацию [j]:

Местоимения

Рус.: местоимения ж. и м. р. ед.ч. *он, она* (Р., Т., П. падежи)

Бел.: *ён, яна* отсутствие постпрепозитивного **н**.

	русский	беларуский	русский	беларуский
	<i>м./с. р.</i>	<i>м./с. р.</i>	<i>ж.р.</i>	<i>ж.р.</i>

²⁸ (LEŠKA: 2003, 76) «Intervokalické J je v R všeobecně slabé, zvláště v slabikách nepřízvučných; před /i/ mizí alespoň v dubletách všude. SR nářečí vyznačuje oslabení a zánik intervokalického /j/ i jinde; samohlásková skupina buď zůstává beze změny (např. 'd,el/ae/t, nov/aa, tj. дѣлает, нѡвая) nebo se vyrovnává (např. 'd,el/aa/t) a konečně zjednoduŝuje (např. 'd,el/a/t, 'nov/a/, m/o/t, u'm,/e/t, tj. мѡет, умѣет)».

²⁹ C – Consonant – консонант

И.	он/оно,	ён/яно,	она	яна
Р.	(н)его,	яго,	(н)её	яе
Д.	ему	яму,	ей	ёй
В.	его,	яго,	её	яе
Т.	(н)им	ім,	(н)ей	ёй(ёю)
П.	о нём,	аб ім,	о ней	аб ёй

Аналогичные отличия наблюдаются в глаголах и прилагательных: **рус.:** *занимать/ся, занимательный* – **бел.:** *займаць/цца, займальны*.

На стыках морфем

Бел.: *праілюстраваны*[ajі], *праінфармаваны*[ajі], *праіснаваць*[ajі], *прайграны*[aj], *прайдзісвет*[ajі], *прайсці/ся*[aj];

Рус.: *проиллюстрировать*[Ли], *проинформированный*[ьи], *проигранный*[Ли], *пройти/сь* [Лј].

При этом на стыках морфем в белорусском наблюдается непосредственный переход [i] в [j] – й, отражающийся и в написании: **ісці:** *ішоў* – *прыішоў* [ьј], *пайшоў* [aj], *зайдзе* [aj]; **іграць:** *зайграў* [aj], *перайграны* [aj], а также *пераймаць*, *перайменаванне*, *перайначаны*, *пайменна*, *займеннік*.

В случаях менее слабого [j] названный переход не происходит, но при произношении [j] сохраняется, напр., в ударной позиции: *пайгрываць*[aj], *пайлка*[ajі], *па-іншаму* [ajі], также в безударных позициях: *паймчаць/ца* [ajі], *па-інданезійску* [ajі]. Русские соответствия не имеют [j]: *поигрывать*, *поилка*, *помчать/ся*, *по-индонезийски*.

В превосходной форме имён прилагательных и наречий:

Бел.: *найхрабрэйшы*, *найхутчэй*, *найцікавейшы*, *найцяжэйшы*, *найчасцей*, *найяснейшы*;

Рус.: приставка **най-** не характерна при образовании превосходной степени, в редких случаях употребляется приставка **наи-**, не ведущая к возникновению [j], напр.: *наиболее, наименее, наивысший, наименьший, наихудший*.

Позиция в конце слова

Русский [j] более активен в позиции на конце слова, в окончаниях имён прилагательных: син[ий], красн[ый], осенн[ий], холодн[ый].

В белорусском языке [j] на конце слова малоактивен, вплоть до того, что был утрачен в окончаниях прилагательных м.р., ед.ч.: сін[ь], чырво[ы], асенн[ь], халодн[ы]. На конце слова употребляется в окончаниях косвенных падежей имён существительных: вясн[ой], дарог[ай]; в косвенных падежах имён прилагательных ж.р.: дарагая – дараг[ой], мілая – міла[ай], вясёлая – вясёла[ай].

В русском языке [j] стремится создать **закрытый** слог, в белорусском в большинстве случаев, если не стоит на конце слова – **прикрытый**. Поэтому [j] в белорусском бывает приставным, т.к. проявляет себя активно в начале слова, это подтверждают местоимения ж. и м.р., не имеющие приставного н (который использует и чешский: *най, к něти, bez něho*), но активный [j] в начальной позиции, где нейотовый [и] в Т. и П.п. переходит в йотовый: П.п. – *аб ім* [аб'jім].

2.3.2.2. Соотношения гласный : сонорный - [y] : [ÿ]

Сонорный [ÿ] возникает на месте этимологических *в* и *л* (*шоўк, коўш*), на месте гласного [y] в позициях после гласных в начале, в конце и в середине слов: *На ўзбярэжжы, ва ўрочышчы, ва ўлонні*. Таким же образом на письме реализуется предлог *у*, находящийся в позиции после гласного:

Хацеў ім сыпнуць ад злосці тытуню ў вочы, але ў моры і кропля не лішняя – пашкадаваў тытуню (Бядуля: 1977). (Рус.: *От злости хотел им сыпануть в глаза табака, но в море и капля не лишняя – пожалел табака*).

[ÿ] в белорусском возникает на месте [в], [в'] в позиции перед согласным и в конце слова: *ставіць – стаўка, плавіць – плаўка, зімаваць – зімоўка, крываваы –*

кроў, астравы – востраў, каровы – кароў, а также на месте [л], [л']: *пісала – пісаў, чакала – чакаў.*

2.3.3. Выводы. Основные элементы фонетической безэквивалентности³⁰

К элементам фонетической безэквивалентности можем отнести:

- 1) *акание, якание* (см. 2.3.1.2.);
- 2) специфику *беларусских сонорных* (см. 2.3.2.);
- 3) наличие *протетических гласных а, і* (см. 2.3.1.3.);
- 4) реализация [j] (см. 2.3.2.1.).

Несмотря на незначительные различия в алфавитах, *фономаркированность** двух языков различна, что способствует значительной интерференции на суперсегментном уровне.

2.4. Уровень психологический

2.4.0. «Антагонистический микс взаимоисключающих ценностей и/или эрзацев»

Психологический уровень – неосознаваемая база языковой интерференции, его проявления в общем зависят от ряда факторов: родственность – неродственность языков, контактирование – неконтактирование, образованность – необразованность билингов, цели и векторы контактов и других условий.

³⁰ Фонетической безэквивалентностью автор данной работы называет лауну фонетического образца, т.е. специфические звуки одного языка, не встречающиеся в другом (других), которые наиболее тяжелы для произношения неносителями данного языка.

* При использовании общей азбуки с незначительными отличиями, значительная разница наблюдается в характеристике звуков и их реализации в речевом потоке.

В примере Беларуси (в контексте остальных постсоветских стран) действенным остаётся идеологический фактор – результат „социальной инженерии“, сместивший национальное сознание в разряд второстепенных категорий и создавший советский шаблон мышления – „антагонистический микс взаимоисключающих ценностей и/или эрзацев“ (ПАХЛЕВСКАЯ: 2009: I).

Беларуская ситуация в совокупности представлена интерферированными в различной степени носителями двух контактирующих языков, с разными уровнями проявления интерференции, в т.ч. неконтролируемым и контролируемым.

У. Вайнайх говоря о ситуациях, где возникает необходимость изучения второго языка (В) отмечает, что у группы лиц, пользующихся языком А, возникает ряд возможностей:

«Во-первых, язык А может быть заменён языком В; в этом случае мы говорим о языковом сдвиге. Во-вторых, языки А и В могут употребляться попеременно, в зависимости от требований обстановки; тогда мы говорим о переключении (switching) с языка А на язык В и обратно. В-третьих, может произойти слияние (merging) языков А и В в единую языковую систему» (ВАЙНРАЙХ: 1972, 28).

Между тем, как у части носителей белорусского языка можно говорить о произошедшем **языковом сдвиге** (см выше, У. ВАЙНРАЙХ: 1972): язык А (беларусский) заменён языком В (русский), более типично попеременное употребление языков А и В, в зависимости от обстановки, т.е. *переключение кодов* (switching). Переключение кодов неполноценно и неравномерно, но не переходит к следующему пункту (merging) – к слиянию языков А и В в единую языковую систему, в то же время образует языковой феномен – *трасянку*.

2.4.0.1. Плоскости психологической обусловленности интерференции

Указанный аспект интерференции протекает в Беларуси в двух вариантах: у части населения беларусский язык относится к *категории пассивного знания*; второй вариант – *переключение кодов* более распространён, наблюдается у значительной части населения: лексический запас

урбанизированного носителя белорусского языка беднее и уже круг тем, т.к. белорусским население пользуется ограниченно.

У. Вайнрайх говорит о *возможности, но не обязательности* перехода к последнему пункту (merging) – слиянию, т.е. в практике возможно регрессивное и прогрессивное движение языка в рамках приведённой схемы.

Анализ современных тенденций в Беларуси показывает, что „нормализация“ – возвращение от варианта 2 (switching) возможно при наличии определённых условий, однако при отсутствии целенаправленной всеохватывающей языковой политики, может затрагивать лишь отдельных носителей языка (см. 2.9.1.).

2.4.0.2. Отношения языков А и В

У. Брайт замечает: *«В том случае когда официальный и неофициальный стили резко отличаются по форме и по функции, мы говорим о ситуации диглоссии»* (БРАЙТ: 1975, 36), подобно М. Гигер о соотношении языков Древней Руси (ГИГЕР: 2006, 73 – 86).

РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ характеризует диглоссию как *специфическую социолингвистическую ситуацию сосуществования в обществе двух языков или двух форм одного языка*. Приводится уточнение: диглоссия сопровождается: а) *строго дополнительным распределением функциональных сфер применения языка (языковых форм); б) разной престижностью языка (языковых форм) и сознательным отношением к этому участников языковой ситуации*. В качестве необходимых признаков диглоссии, ссылаясь на Ч. Фергюсона, названный словарь выделяет *близкородственные отношения между языковыми формами, участвующими в ситуации, и строго литературный, книжный характер престижной формы*.

Сегодняшнюю белорусскую общественно-коммуникативную ситуацию нельзя характеризовать как диглоссную, т.к. и на *официальном уровне* она скорее представлена *нациолектом русского языка*, а не литературным русским языком. При государственном статусе русского языка, его литературный вариант

сохраняется в письменной форме официальных документов, но устная форма официальной речи у каждого отдельного носителя имеет различные вариации:

- 1) Хорошее владение литературными нормами русского языка, в том числе фонетическими;
- 2) Хорошее владение стилистическими и грамматическими нормами, совмещающееся с несоблюдением фонетических;
- 3) Трасянка с выраженным стремлением Отправителя* к использованию русской лексики и преодолению характерных черт белорусской фонетики;
- 4) Трасянка с подчёркнутым стремлением быть своим в белорусском контексте для Получателя*, подкрепляемая сознательно как фонетическими, так лексико-фразеологическими и другими фоновыми компонентами.

При этом, официально русский язык – **один из двух возможных* языков официального письменного и устного делопроизводства.**

У. Брайт обращает внимание на разницу между тем, как люди используют язык, и тем, что они думают о своём языковом поведении и поведении других (БРАЙТ: 1975, 36). При сильной интерференции самооценка языковой личности, находящейся в интерферированном языковом поле, часто не соответствует реальности (об этом свидетельствуют результаты опроса см. 4.4.3.).

2.4.0.3. Психология языкового «почтения»

Социальная принадлежность Получателя (или слушающего) проявляется в языковой сфере так, что при обращении к старшему по статусу употребляется особая лексика, выражающая почтение (БРАЙТ: 1975, 36). Применительно к советской ситуации, в парадигме **мажоритарный язык : миноритные** – почтение выражалось русскому языку. Нужно видеть и другую сторону – в национальных языках происходило подчинение русских лексем путём

* Отправитель – адресант сообщения

* Получатель – адресат

* см. Приложение № 2 Мытная декларация (Таможенная декларация)

доместикации, т.е. адаптации на уровнях фонетическом, графическом, морфологическом. Таким образом, речь не шла о чистом заимствовании, но часто о параллельном употреблении в национальном языке своего и доместицированного варианта.

Формы проявления *почтения* были весьма разнообразны, популяризации русско-беларусского и русско-украинского билингвизма способствовала советская эстрада. Популярный дуэт Штепсель и Тарапунько совмещал в своих выступлениях русский и украинский языки, к более позднему периоду относится беларусско-русский плод, песня «Дзве мовы ў мяне – дзве родныя» («Песняры» 1984 г., см. текст в **Приложении № 3**). В тексте чередуются фразы на беларусском и русском литературных языках, т.е. ещё нет трясянки в современном понимании, но создана психологическая основа для совмещения в одном эстрадном произведении двух кодов, уложенных в один текст*.

2.5.0.4. Обстановка

Важным социолингвистическим параметром интерференции является *обстановка*, которую принято связывать с официальной и неофициальной сферами общения (БРАЙТ: 1975; БОН: 1975, ЛАБОВ: 1975, МЕЧКОВСКАЯ: 2000, ЛИСКОВЕЦ: 2002, ЗАПРУДСКИ: 2008). Однако, проанализировав речь беларусов, приходим к выводу, что этот тезис в современной ситуации не всегда соответствует действительности (см. ЛУКАШАНЕЦ: 2009(a)). Даже тогда, когда обстановка этого не требует, многие употребляют элементы второго языка: 1) по привычке, 2) по причине сильной интерференции, 3) как результат ежедневного контакта и давления русскоязычных СМИ. *Обстановка*, ранее подразумевавшая контакт беларуса с непонимающим беларусского языка русским, где проявлялся названный выше элемент *почтения*, сегодня уступила

*Интересен факт, что инициатором был В. Мулявин, руководитель популярнейшего в СССР ансамбля «Песняры», не беларус по происхождению, неординарная личность беларусской и советской эстрады, ориентировавший группу на беларусские корни, – пример не типичный, т.к. советское время вызвало отток национальных сил в русскую культуру, в данном случае было наоборот.

место *шаблонному способу поведения*, сформированному в результате советской языковой „стандартизации“.

2.5.0.5. Элементы советской матрицы

Исходя из общей истории в рамках СССР, а в белорусско-русских отношениях ещё более раннего взаимодействия, и что ещё более важно – *контакта*, можем говорить о значительном слое *советской культуры*. Речь идёт о создании и внедрении шаблонов советского мышления через мажоритарный язык, о создании *маски* советского человека, стремящегося к идеалу, своеобразной *советской идеологизированной матрицы*. По Хаймсу: «Многоязычие, разумеется, никогда не отрицалось, но такие факты, как использование языковых единиц в этнологической классификации, преимущественный интерес к культуре, а не к обществу, ориентация на индивида, питали тот взгляд, что одному языку соответствует одна культура, и наоборот» (ХАЙМС: 1975, 89).

Высокая степень идеологической насыщенности образования и жизни в целом скорректировала национальные матрицы, оставив „наслоения“ в виде общих лингвокультурем в языках постколониальных народов. Об этом свидетельствуют изменения в новейшем фонде паремий.

2.5. Паремии как показатель сдвигов в ментальной матрице

2.5.1. Белорусский паремияльный фонд

Белорусский паремияльный фонд зафиксирован большим количеством словарей, среди которых труды Ф. Янковского, И. Лепешева*, М. Якалцэвич, А. Аксамитова, Г. Юрченко, Е. Метельской, Е. Комаровского, З. Савки, также более

* Последний двухтомный „Слоўнік фразеалагізмаў“ И. Лепешева (2008), зафиксировал около 7000 фразеологизмов, включая новейшие. Для сравнения: “Словник фразеологізмів української мови” Білоноженко В., Гнатюк І., Дятчук В., Неровня Н., Федоренко Т. (2003) содержит 7922 единицы; „Фразеологический словарь русского языка“, Федосов И., Лапицкий А. (2003), содержит около 10 000 единиц.

ранние сборы Я. Чечота, П. Шпилевского, Е. Романова, П. Шэйна, И. Носовича, М. Федоровского и других.

Паремии, объединяющие малые фольклорные жанры: пословицы и поговорки, афоризмы и крылатые слова, прибаутки и загадки, считалки и дразнилки (НОРМАН: 2007, 1), неоднородны по своей функциональной нагрузке, но объединены *воспроизводимостью и привязанностью к определённом ментальному (эндосферному) контексту*, обусловлены *фоновыми константами*, иногда, как показатели иноментального мышления, не имеют соответствий.

2.5.2. Общие показатели ментального и иноментального

Фоновые знания разделяют на:

- 1) общечеловеческие,
- 2) региональные сведения (связанные с географическими реалиями),
- 3) сведения, которыми располагают все члены определённой этнической и языковой общности, „подсознательные компетенции“, связанные с эндосферным восприятием.

Фоновые компетенции, лежащие в основе паремий, связаны непосредственно с национальной культурой: краеведением, историей и литературоцентризмом – это эндосферные компетенции носителя национального языка.

К названной классификации фоновых знаний относительно белорусской (постсоветской в целом) ситуации уместно добавить *внешнее влияние (компонент)*, обусловленное соседством и мажоритарным влиянием; элемент, способный проявляться в различной степени: минимально/максимально, иметь разные виды и формы. *Внешний компонент* проявляется широким спектром в развитии языков малых по численности носителей, и наоборот, незначительным в языках больших по количеству носителей. *Внешнее влияние* может проявляться деформированно, когда два языка долго находятся в отношениях *мажоритарный : миноритарный*. В языках постсоветского

пространства происходит социализация новых понятий посредством парафразирования хорошо известных паремий.

2.5.3. Современный слой белорусских паремий

Современный слой белорусских паремий отражает современную ситуацию в целом. Расширение функций трясанки приводит к возникновению специфических единиц, образованных на белорусских реалиях, но озвученных на русском или трясанке. Новообразования, обусловленные характером белорусского менталитета, часто отражают лишь некоторые *временные изменения, затрагивающие отдельную (социальную, профессиональную, возрастную) группу*. Напр., в среде частных предпринимателей, в связи с вынужденными перерегистрациями форм собственности предприятий, при которых не изменяется ни суть, ни форма деятельности, но только официальный документ с печатью, за переоформление которого нужно платить, возникла расшифровка аббревиатуры **ЧУП** (*частное унитарное предприятие*) как *чудом уцелевший предприниматель*. Выражение существует в белорусском контексте на русском языке или трясанковом фонетическом варианте для обозначения белорусских реалий; в русском контексте непонятно, т.к. ни с чем не соотносимо.

Постсоветские языки переосмысливают известные паремии, используют их как готовые шаблоны, в которые вкладывается новое содержание с учётом изменившихся социальных отношений; либо установленных в прошлом веке и ранее табуизированных. Напр., алкогольная тема, с которой в постсоветское время было снято табу, начинает активизироваться в языке. На сувенирах Брестского ликёро-водочного завода находим надписи: *кто к нам с пивком придёт, тот за водочкой побежит* (*кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет*). В словарях найдём эквивалент, распространённый во время Великой Отечественной войны: *ішоў да нас ваякам, а назад поўз ракам*. В случае, если выражение существует на русском, возникает закономерный вопрос, можем ли его относить к паремиям белорусским. В названном варианте речь идёт о

семантически понятных кодах для белорусов, русских и украинцев, но они не будут понятны чехам, т.к. для них традиционно пиво.

Данный аспект помогает объяснить понятие *литературоцентризм* (Сипко: 2008), обусловленное существованием общей советской школьной системы с обязательным изучением русского языка и литературы, содействовавшего освоению общих концептов всеми народами. Наряду с архаичными, к общим источникам паремий относятся не только тексты художественной литературы, но в значительной степени текстовый материал эстрадных песен, фразы из кинофильмов советского времени, которые сейчас, в связи со значительными социальными и политическими изменениями, утрачивают свою актуальность и вес – младшие поколения интересуются другими фильмами и музыкой, а общесоветские идеологические и неидеологические концепты им уже чужды.

Новейшие белорусские паремии, основанные на белорусском лексическом материале, отражают современность, но не во всех можно выделять композит ментального видения, часто они только констатируют факт: *што зарабіў, тое сцерабіў*, по своей семантике совсем не новое, оно близко к *каб не дзірка ў роце, хадзіў бы ў злоце*, или *каб не ежка ды адзежка, была б грошай поўна дзежка*. В некоторых можно найти эндосферные маркеры, напр., белорусская традиционность, неохота к изменениям: *хочаш разарыцца, пасей грэчку і купі авечку*. Это выражение белорусских фермеров отражает отношение белорусов к картофелю, как главной сельскохозяйственной культуре и национальному продукту, к овечке – как животному, которое не заменит корову и свинью (молочные продукты и свинина характерны для национальной кухни). Без картофеля не обходится ни одна белорусская семья, поэтому гречка, хотя и является культурой престижной и ценной, не заменит беларусу картофель. Подтверждение тому – название республиканского конкурса, проект KARTOFFEL (реализация эксклюзивных проектов: показ короткометражных анимационных фильмов), прошедшего 16.11.2008 в Минске и планируемого как традиционный.

2.5.4. Символика национальных концептов и способы выражения

Символы национальных концептов бывают ярко и неярко выраженными, либо вообще не названными, подразумевающими опознание (эндосферную идентификацию). Слово *бульба* не звучит в названном выше *хочаш разарыцца, пасей грэчку і купі авечку*, но оно безошибочно идентифицируется беларусом, однако не носителем иной культуры.

Поверхностный и глубинный уровни – разграничивают Носителей и Пользователей (НЕЩИМЕНКО: 2006, 107–118) языка в соответствии с наличием – отсутствием чувства “этноязыковой идентичности” или, иначе говоря, эндоидентичности, т.е. являются маркерами традиционной языковой конвенции.

В основе паремий лежит эндоидентичность, носителями ментальной матрицы воспринимающаяся не как особенность, а норма, не отличие, а привычное явление. Потому аппликация паремий на иные жизненные сферы выглядит натурально. Напр., по количественной популяции волка, Беларусь и сегодня занимает первое место в Европе, а наличие *воўка* в многочисленных паремиях, зафиксированных всеми беларусскими словарями, свидетельствует о архаичности явления и поэтому адаптацией к бытовой сфере (КАЛПА: 2008(б)).

Приведём лишь некоторые примеры:

АБ ВОЎКУ ПАМОЎКА, А ВОЎК ТУТ (Говораць, калі ў гутарцы некага ўспамінаюць, а той у гэты час з’яўляецца. **Насовіч:** *Пра воўка памоўка, а воўк з падналуку.* **Санько:** *Пра цыгана гамана, а ён і тут; Мы пра цыганку, а яна на ганку (а яна за клямку); Пра воўка памоўка, а ён на парог; Пра каго звоняць, таго і чэрці гоняць;* **Федароўскі:** *На воўка памоўка, а мядзведзь цішком (спадцішка); Аб воўку памоўка, а воўк тут (есць).* (АКСАМІТАЎ 2002: 12);

АДРЫГНУЦА ВАЎКУ АВЕЧЫ СЛЁЗЫ За зробленыя слабаму крыўды крыўдзіцель паплаціцца. Гаворыцца як перасцярога або пагроза крыўдзіцелю ці суцяшэнне пакрыўджанаму. **Ляцкі:** *Адальюцца ваўку авечыя слёзкі;* **Грынблат:** *Адрыгнуцца ваўку кароўі слёзы;* **Федароўскі:** *Пабілі воўка гавечыя слёзы;* **Санько:** *Колькі б воўк ні валок, павалакуць і ваўка; Будзе і на крапіву мароз”* (АКСАМІТАЎ 2002: 18);

ВАЎКА БАЯЦЦА, У ЛЕС НЕ ХАДЗІЦЬ Калі баяцца цяжкай работы, то не варта наогул брацца за справу. **Насовіч:** *Баючыся воўка, і ў лес не хадзіць;* **Санько:** *Хто ваўкоў баіцца, па ягады не ходзіць; Баяўшыся трэску, і ў лес не трэба хадзіць.* (АКСАМІТАЎ 2002: 25);

ВАЎКА НОГІ КОРМЮЦЬ* Каб дасягнуць чаго-н., трэба не сядзець на адным месцы, а выстарацца нечага карыснага. **Федароўскі:** *Ваўка ногі жывяць (гадуюць);* **Санько:** *Пасланіцамі воўк не сыты; старца кій корміць.* (АКСАМІТАЎ 2002: 25);

ВОЎК, ДЗЕ ПЛОДЗІЦЦА, ТАМ НІ БЯРЭ*; **ВОЎЧА ДОЛЯ РАСЦЕ СКОРА;**

ВОЎК НЕ ЕЎШЫ, ЯК СЕЛЯНІН ПАГАРЭЎШЫ: ШТО ЁБАЧЫЦЬ, ТОЕ І ТРЭБА.

Во времена Великой Отечественной войны возникли: *кожному воўку ў горла па асколку; жартаваў воўк з агнём, ды ў жмені зубы панёс.*

Некоторые из приведенных встречаются в русском и украинском языках, но образ *волка* каждый восточнославянский язык интерпретирует по-своему; кроме общих: *и волки сыты, и овцы целы;* укр.: *і вовкі ситі, і козы цілі;* бел., рус. и укр. (с фонетическими отличиями): *морской волк* – про опытного моряка; или рус. *смотреть как волк на овцу* – бел. *глядзець як воўк на авечку;* укр.: *як (голодні) вовк(и) на вівицю,* встречаем и специфические: укр.: *хоч вовк траву їж,* чему в русском соответствует *после нас хоть потоп.*

Культурные коды паремий имеют универсальный характер, отличия наблюдаются во внутренней форме, реализуются через традиционные образы, хорошо известные всем носителям этнической культуры. Употребление свинины в белорусской кулинарной традиции фиксируется в языке: *не будзь ласы на чужыя кілбасы,* – русское соответствие *на чужой каравай рот не разевай.*

2.5.5. Текст : социальный контекст

«<...> Связные тексты вроде рассказа о каком-либо происшествии не существуют в вакууме. Они производятся и воспринимаются говорящими и слушателями в конкретных ситуациях, в рамках широкого социокультурного контекста. Поэтому обработка дискурса – не просто когнитивное, но в то же время и социальное событие. Это

утверждение, конечно, очевидно, но здесь мы хотели бы подчеркнуть, что социальные характеристики дискурса взаимодействуют с когнитивными. Другими словами, когнитивная модель должна отражать тот факт, что связный текст и соответственно процесс понимания текста осуществляется в социальном контексте. Это мы называем основанием (социальной) функциональности. Наиболее очевидное когнитивное следствие из этого основания состоит в том, что пользователи языка конструируют представление не только соответствующего текста, но и социального контекста, и эти два представления взаимодействуют» (ДЕЙК, КИНЧ: 1988, 159).

При сравнении паремий, многие явления, обычно дефинируемые как черты одного национального характера, найдём в широком славянском контексте. Напр., *kto príde medzi vrany, musí kvákat' jako ony* (словацк.), *kdo chce s vlky býti, musí s nimi výtí* (чешск.) – *з ваўкамі жыць – па воўчы выць* (бел.). Народы вырабатывают идентичные ценностные ориентиры, выражающие свою имманентность посредством лингвореалий и национально-значимых констант, как еда, праздники, топонимия, природные особенности, религия, также мироощущение, обусловленное историческим соседством.

Паремии часто называют маркерами ситуаций или отношений. Современные белорусские паремии в некоторых случаях отражают транскодирование (трансконцептуализацию – термин Й. Айдуковича) как общую тенденцию развития трасянки и национального языка.

2.6. Реальный план государственного двуязычия современной Беларуси

2.6.0. Билингвизм постсоветской Беларуси в контексте СНГ

«Практически все вновь образовавшиеся государства, кроме России, можно характеризовать как государства национального типа, где прослеживается жесткое противопоставление господствующей нации и

национальных меньшинств. Язык господствующей нации конституционно закреплен как государственный, что означает введение национального языка во все сферы официального общения, прежде всего на административном уровне, а также в сферы образования, коммерции, культуры и т.д. Однако этот процесс оказался не только болезненным и сложным, но в некоторых случаях невозможным в силу ряда факторов, одним из которых является недостаточный уровень развития национальных языков. В советское время в период максимального развития национально-русского двуязычия русский язык в основных коммуникативных сферах на уровне официального общения господствовал безраздельно»

(САНХОРОВА: 2003: I).

Билингвизм постсоветской Беларуси в контексте СНГ, с одной стороны, не является чем-то исключительным, тем не менее это явление очень своеобразное. Он близок но **не тождественен** билингвизму украинскому – обе формы имеют *восточнославянские корни*, однако в данном сравнении белорусскому досталась менее выгодная позиция, что обусловлено: значительно меньшим количеством носителей (населения в целом); фактом, что интенсивной руссификацией не была охвачена вся территория Украины, её половинчатость и сегодня отражается в разделении Украины на Западную и Восточную (в Беларуси также ситуация раздвоения, но она не достигает такой степени политической заангажированности), определяемую сегодня не только как языковое противостояние, но и как “политический разлом” (БАБУРИН, СОКОЛОВА, ШИПУЛИНА: 2009).

Продолжая давнюю традицию полилингвизма Великого Княжества Литовского (ВКЛ), советскую традицию активного ассиметричного билингвизма, Беларусь и сегодня остаётся билингвальной. Владение двумя языками является нормой для всех. Ненормальность “нормы” – в превалировании коммуникативных ситуаций, где роль первого отведена языку соседнего государства (гостю), а не национальному (матрице). Это наложило отпечаток на общую культуру и мировосприятие народа. Белорусский язык

звучит в деревне или из уст людей образованных – филологов, историков; он чаще определяется как 1) деревенский, 2) язык элиты, 3) язык оппозиции.

2.6.1. Билингвизм белорусских СМИ

2.6.1.0. Типы белорусских изданий

Белорусские СМИ делятся на *русскоязычные, смешанные и собственнобелорусские*. Их различия заключаются не только в языке.

Постсоветский период делит прессу на *государственную и независимую* – она представлена *зарегистрированными и незарегистрированными* изданиями. Количество независимых изданий в разных источниках отличается, поэтому не ставя цель их процентного сравнения, приведём некоторые показатели: приблизительное количество независимых изданий в Беларуси по состоянию на 2003 год составляло 171, среди них зарегистрированных 69 и незарегистрированных 102 издания (в 2000 – 2002 г.: 120 зарегистрированных и около 360 незарегистрированных) (СТАНЮТА: 2003). Периодические издания не обязаны были регистрироваться, если их тираж не превышал 300 экземпляров, поэтому малотиражная пресса была удобным средством для издателей.

Смешанные государственные и независимые издания помещают часть текстов на русском, часть на белорусском. В третьем секторе, по подсчётам Д. Станюты, 75 изданий совмещают русский и белорусский язык, 50 выходят на белорусском, 39 – на русском, 22 – на других языках.

Русскоязычная пресса, по выражению Н. Мечковской, является «субъективным психологическим тормозом» и обуславливает психологию части белорусов, потребляющих продукцию русскоязычных медий, в которых поддерживается «психология жителя империи, пусть зависимого, но “имперца”»,

того "младшего брата", который привык быть зависимым и которого самостоятельность уже даже пугает» (МЯЧКОУСКАЯ: 2001, 177, перевод)³¹.

Собственнобеларусские издания («Наша ніва», «Пагоня», «Калосьсе», «Навіны БНФ „Адраджэньне"», «Вежа», «Ратуша», старейший детский журнал «Бярозка» (выходивший с 1924 года под названием «Беларускі піонэр» и позднее «Іскры Ільча»), а также более поздние по времени возникновения «Дзеяслоў», «ARCHE» адресованы части беларусов, заинтересованных в беларусском Тексте³² и ориентированных на другие ценности. Обращение к Тексту, в т.ч. газетному на беларусском языке – акт гражданского мужества, вместе с тем клеймо: «*посредством написания и чтения литературных текстов становимся участниками сакрализованной мистерии, главной целью которой является наращивание астрального тела нации*» (АКУДОВІЧ: 2006, 140, перевод)³³.

Тематика независимых изданий разнообразна: 51 издание характеризуются как общественно-политические, 40 – ориентированы на литературу, культуру, искусство, 37 – на историю и краеведение, 30 – адресованы молодёжной и детской аудитории (СТАНЮТА: 2003).

Негосударственная пресса чётко разделила читателей на два лагеря.

«Теперешнее сосуществование в Беларуси двух стандартов обусловлено присутствием в стране, сохранившей остатки тоталитаризма, элементов либерального общества. В Беларуси сохраняются старые официальные структуры, защищающие нормы традиционной наркомовки, но их былой авторитет в обществе утрачен и они не могут навязывать свои предписания всем пользователям. Негосударственный сектор, возникший в 1990-е г.г., разбивает либеральную письменную и

³¹ (МЯЧКОУСКАЯ: 2001, 177) «*псіхалогія жыхара імперыі, хай і залежнага, але "імперца", таго "малодшага брата", які прызвычайіўся быць залежным і каго самастойнасць ужо нават палохае*».

³² В культурологическом понимании Текст – это все, что искусственно создано человеком (вещи, ритуалы, художественные произведения, книги и т. д.). «Текст – это совокупность знаковых систем, наделенная определенным значением. Таким образом, всякое явление культуры есть сочиненный людьми с помощью знаковых систем текст. С этой точки зрения, образно выражаясь, текст – это «плоть и кровь» культуры, а сама культура может быть интерпретирована как совокупность, определенная система текстов» (ПАРХОМЕНКО – РАДУГИН: 2001, 85).

³³ (АКУДОВІЧ: 2006, 140) «*<...> праз апісанне і чытанне літаратурных тэкстаў удзельнічаем у сакралізаваанай містэрыі, галоўнай мэтай якой ёсць нарошчванне астральнага цела нацыі*».

издательскую практику. В этом секторе определённые нормативы складываются стихийно, без санкции официальных структур (а в условиях политической конфронтации – нередко при их открытом игнорировании» (КЛМАУ 2004: 46, перевод)³⁴.

В негосударственных изданиях наблюдался постоянный эксперимент над языком, который также дал свои плоды. Будучи независимой и неконтролируемой, базируясь на тарашкевице, и стремясь соответствовать новому времени, эта пресса вызвала к жизни несколько вариантов правописания, которые как субкоды одной системы, взаимодействовали между собой и оказывали влияние на норму официальную. Неофициальные издания принесли свои плюсы:

- 1) тематическая неограниченность,
- 2) смелые авторские эксперименты,
- 3) отход от советских норм языковых и понятийных,
- 4) сохранение национального языка, заключающееся не в консервации, а в развитии,
- 5) стремление минимализировать продолжающуюся ассимиляцию, проявлявшееся в реставрации лексических единиц старшего периода.

«С конца 80-х и на протяжении 90-х годов, с появлением негосударственных средств массовой информации (сначала их называли «неформальными»), в белорусскоязычной публицистике наблюдается настоящий рой новых явлений в сравнении с официальным языком. Это лишь относительные инновации. В большинстве случаев они представляют собой гальванизацию предыдущих языковых приобретений, плодов, которым лихие времена и исторические руины не дали возможность созреть и через

³⁴ (КЛМАУ 2004: 46) «Цяперашняе суіснаванне на Беларусі двух стандартаў абумоўлена прысутнасцю ў краіне, дзе захаваліся рэшткі таталітарызму, злементаў ліберальнага грамадства. На Беларусі зберагаюцца былыя афіцыйныя структуры, што абараняюць нормы традыцыйнай наркамаўкі, але яны не маюць ранейшага статусу ў грамадстве і не могуць навязывць свае прадпісанні ўсім карыстальнікам. Недзяржаўны сектар, што ўзнік у 1990-я гг., разбівае ліберальную пісьмовую і выдавецкую практыку. У гэтым сектары пэўныя нарматывы складваюцца стихійна, без санкцыі афіцыйных структур (а ва ўмовах палітычных канфрантацый – нярэдка пры іх адкрытым ігнараванні)».

ненасильственный естественный отбор без пуристических страстей либо остаться в языке, либо пасть прахом. Между прочим, на протяжении последнего десятилетия выражение «средства массовой информации» преобразовалось в устах журналистов-прогрессистов сначала в „мас-медыя“ а потом и совсем оевропеилось (!) до одного слова – „медыі“» (САДОЎСКИ: 2001, 222, перевод)³⁵.

Из всех стилей белорусской стилистической системы, начиная с 90-х годов XX в. публицистический был отмечен наиболее бурными изменениями. Э. Туманян отмечал, что именно периодике часто отводится главная роль в формировании новых литературных языков. В Беларуси это явление не ново, задушенное в 1863 г. национальное Восстание тоже начиналось с издания газет.

2.6.1.1. Особенности языка независимых изданий 90-х годов XX – начала XXI вв.

Развитие негосударственного издательского сектора конца XX века внесло языковой нигилизм. Употребление нескольких независимых вариантов с 2008 года пошло на убыль; их фиксация в многочисленных газетах на переломе двух веков позволяет выделять общие черты.

1) Употребление мягкого знака

«Успомнілі пра нашае пагалоўе ленінскіх статуі, шырспажыў эпохі разьвітога сацыялізму. Там хлопцы кувалдай разьбілі цэмэнтнага, тут нядаўна гіпсавага развалілі, які насупраць храма стаяў. Штукі тры яшчэ зьніклі, а ў аднаго райцэнтрайўскага Льліча рукі самі адсохлі, засталіся куксы, начальства вельмі бедавала» (АСТРАВЕЦ: 2005: I).

2) Отказ от русских лексических единиц

³⁵ (САДОЎСКИ: 2001, 222) «З канца 80-х і на працягу 90-х гадоў, калі з'явіліся недзяржаўныя сродкі масавай інфармацыі (напачатку іх называлі «нефармаьнымі»), ў беларускамоўнай публіцыстыцы назіраецца сапраўдны рой новых з'яў у параўнанні з афіцыйнай мовай. Гэтыя інавацыі – толькі адносныя. У большыні выпадкаў яны ўяўляюць сабой гальванізацыю ранейшых моўных здабыткаў, якім нядобры час і гістарычная руіна не далі адстаяцца ды праз негвалтоўны натуральны адбор без пурыстычных жарсцяў застацца ў мове ці пайсці ў нябыт. Дарэчы, цягам апошняга дзесяцігоддзя выраз «сродкі масавай інфармацыі» змяніўся ў вуснах журналістаў-прагрэсістаў спачатку на «мас-медыя», а потым і зусім з'еўрапейўся да аднаго слова – «медыі».

Языковая аллергия на узаконенную ориентацию на русские нормы привела в середине 90-х годов некоторых белорусских лингвистов и журналистов к мысли, что необходимо отказываться от общей с русским языком лексики. Подобное явление не ново, таким путём прошли чехи в XIX веке, отстраняясь от немецких заимствований, поляки – от русских и немецких, сербы и хорваты, таким же идут сегодня украинцы. Языковой пуризм середины 90-х годов XX века в Беларуси был половинчатым: наряду с ограничением русских лексем, наблюдалась тенденция европеизации лексики посредством польского. В 1990 г. П. Садовский писал:

«По нашим наблюдениям, представители нового белорусского течения «бури и натиска» в отношении возможного влияния со стороны русского и польского языков руководствуются принципом «полярного пуризма». Поскольку сегодня польский язык в отличие от русского не оказывает непосредственного «административного» влияния на белорусский, обычно при возможности выбора они отдают предпочтение варианту, который не совпадает с русским, – т.е. похожему на польский» (САДОЎСКИ: 2001, 223, перевод)³⁶.

Он же отмечал, что ещё рано давать оценку инновативному материалу белорусского языка, необходима его инвентаризация. Десять лет спустя, в 2000 г. П. Садовский высказывал мнение, что наступило время для составления максимально полного описательного реестра языка без чрезмерной ориентации на переводные словари и компаративные издания.

«Лексические значения и функционально-стилистические особенности языковых единиц должны устояться в пределах одной языковой системы. Носителя белорусского языка не должно приводить в замешательство то, что в русском или польском языках соответствующие, кажущиеся омонимичными единицы, обладают

³⁶ (САДОЎСКИ: 2001, 223) «Паводле нашых назіранняў, прадстаўнікі новай беларускай «буры і націску» ў дачыненні да магчымага ўплыву з боку расійскай і польскай моваў кіруюцца прынцыпам «палярнага пурызму». Паколькі сёння польская мова ў адрозненне ад расійскай не робіць непасрэднага «адміністрацыйнага» ўплыву на беларускую, звычайна пры магчымасці выбару яны аддаюць перавагу варыянту, які не супадае з расійскім, – г.зн. бліжэйшаму да польскага».

другим содержанием и стилистическим значением» (САДОУСКИ: 2001, 223, перевод)³⁷.

Отсутствие единых норм и ожидаемая языковая реформа на переломе XX – XXI вв. создала в Беларуси ситуацию, напоминающую первые годы XX в. в России, о которой М. Булгаков писал: «каждый корректор правит по-своему», когда в некоторых изданиях ещё пестрели яти, а новые газеты были прогрессивными и в каждой статье правописание было авторским.

Экстралингвистическую функцию для белорусских СМИ дополняет статус второстепенности белорусского языка. Беларусь находится с РФ в общем информационном пространстве и русский язык довлеет во всех сферах.

«Общее российско-белорусское пространство оставляет Беларуси две тематические ниши, мало интересные для России: местные новости и национальную гуманистику, развивающуюся преимущественно в ретроспективном русле» (МЯЧКОУСКАЯ: 2001, 177, перевод)³⁸.

На переломе XX – XXI веков такой нишей были белорусские (собственнобелорусские) масмедиа, употреблявшие большое количество лексических дублетов – русизмов (советизмов) и нововводимых белорусских эквивалентов, причём возможным стало употребление нескольких белорусских вариантов. В различных изданиях встретим *стоімасць і вартасць*, второе проявляло тенденцию в независимых СМИ употребляться в составе аббревиатуры – ПДВ – *падатак на дабаўленую вартасць* (рус. НДС – налог на добавленную стоимость).

³⁷ (САДОУСКИ: 2001, 223) «Наступае час класці максімальна поўны самадастатковы апісальны рээстр мовы без залішняй арыентацыі на перакладныя слоўнікі, параўнальныя марфалогіі, сінтаксісы ды арфаэпіі. Лексічныя значэнні і стыльва-функцыянальныя адзнакі моўных адзінак павінны вызначыцца ў межах адной моўнай сістэмы. Носьбіта беларускай мовы не павінна бянтэжыць, што ў расійскай ці польскай мовах адпаведныя, вонкава аманімічная адзінка мае іншы зместавы ці стыльвы сэнс».

³⁸ (МЯЧКОУСКАЯ: 2001, 177) «Агульная расійска-беларуская інфармацыйная прастора пакідае Беларусь дзве тэматычныя нішы, мала цікавыя для Расіі: мясцовыя навіны і нацыянальная гуманістыка, пераважна з рэтрспектыўным ухілам».

3) Вариативность. Тенденция к белорусизации имён собственных, географических названий, фамилий

В то время как официальная пресса, хотя и непоследовательно, употребляет *Мінск, Брэст, Гродна* и образующиеся от них однокоренные – *мінчанін, брэстчане і брэстаўчане, гродзенцы*, многие белорусские государственные и негосударственные СМИ отдают предпочтение формам: *Гародня* (вместо *Гродна*) – рус. *Гродно*, прилагательному *гарадзенскі*, жители – *гарадзенцы*; *Берасце* (вместо *Брэст*) – рус. *Брест*, прилагательное *берасцейскі*, жители – *берасцейцы*;

- ▶ «Карэспандэнт ДНЯ наведаў сем'і гарадзенскіх палітзняволеных, каб даведацца, як перажываюць яны гэты цяжкі для сябе час без мужоў і бацькоў» (МАЖЭЙКА: 2005, № 1 (190)).

К проблематичным относится употребление названия белорусской столицы и её жителей – *Менск* и *Мінск*, *менчук/мянчук, мінчук, мінчанін*.

- ▶ «Аднак ці то хтосьці ў мэры адгаварыў Сабчака, ці то хтосьці ў Менску адгаварыў Лукашэнку <...>» (ГАУРЫЛІНА: 2005, № 1 (190)).
- ▶ «Для зручнасці мінчан у дні кірмашоў будзе забяспечана платная дастаўка плодаагародніннай прадукцыі» (ШЫКУЦЬ: 2006).
- ▶ «Дзесяткі тысяч мэнчукоў абураны перайменаваннем, але на вуліцу, выказаць сваю актыўную пазіцыю, выйшла не больш за сотню чалавек».

Проблема названия столицы – проблема политического характера, отражающая желание вернуть историческое название. В данном случае можно согласиться с мнением, что название *Мінск* имеет своё значение (АКУДОВІЧ: 2006, 132)³⁹ и оно сложилось при других обстоятельствах и исторических контекстах*.

³⁹ (АКУДОВІЧ: 2006, 132) «Ідэя Мінска – гэта спрадвечная мара лагатупу нашага краю аб выяўленым значэнні самога сябе, калі ў быццёвых праявах сфармулюецца і ўвасобіцца ідэальнае адлюстраванне таго сакральнага сэнсу, з якога ўзнікла наканаванне гэтай прасторы. Але сама па сабе прастора можа адно ўтрымліваць і гадаваць ідэал, а каб ён бачна паўстаў над быццёвай роўняддзю,

Вариативным является и употребление имени собственного Расея, Расія, приоритет в независимых СМИ отдан первой форме. Оба варианта можно встретить и в одной и той же статье:

▶ «Прадпрымальнікі, якія прывозяць тавар з Расеі, будуць плаціць падатак на дабаўленую вартасць (ПДВ)» (МАКУШЫНА: 2005, № 1 (190)).

▶ «Ці гэта буйная мафія, як у Расіі, хоча падмяць пад сябе ўсё і праз супермаркеты класці грошы ў адзіную кішэнь, але хутка нас не будзе» (МАКУШЫНА: 2005, № 1 (190)).

Вслед за ней начинают расширяться формы *расейцы* – рус. *россияне* и формы ед. ч., м. р. – *расеец* – рус. *россиянин*, ж. р. – *расейка* – рус. *россиянка* и прилагательные *расейская*, *расейскі*.

▶ «Як гэта ў аднаго расейскага пісьменьніка: дэкрэт пра неба, дэкрэт пра зямлю і загад N1 <...>» (АСТРАВЕЦ: 2005, № 1 (190)).

Более употребимой формой становится *Нямеччына* вместо принятого в советскую эпоху *Германія*, *Польшча* вместо *Польша*, *ангелец* вместо *англічанін*, употребление протетик начинает распространяться на имена собственные: *Гішпанія*, *гішпанскі* – вместо пока нормативного – *Іспанія*, *іспанскі*.

5) Употребление дублетных форм имён существительных

Назва – назоў:

патрэбны цэнтр (у іншай тэрміналогіі – сталіца), які б наклаўся на пачатак узросту парадыгмы значэння.

Блуканне ідэі Мінска – гэта намацаванне этнанацыянальнай прасторы свайго цэнтра, росшукі сэнасатворнай сярэдзіны самога сябе, таго месца, дзе, як адбітак умомант зніклага сакральнага віхру, будзе несупынна кружляць вір гістарычнага быцця».

* П. Векслер (2004, 57) считает, что современная форма **Минск** (бел. **Мінск**), признанная нормативной в конце 30-х годов XX в., может быть заимствованием из польского или украинского языков, т.к. церковнославянский **Ѣ** перешёл в большинстве белорусских и русских говоров в **е**, в украинских в **и** (в старых письменных памятниках название писалось как **Мѣньскъ** либо **Мѣнескъ**). Название белорусской столицы Менск официально употреблялось с е до 30-х годов XX в., что отражает Конституция 1927 г., Конституция 1937 г. употребляет уже форму Минск (см. Приложение № 8). С **и** пишется аналогичное название современного польского города **Mińsk Mazowiecki**.

► «Наш часопіс мае такую назву, бо ў ім змяшчаюцца матэрыялы марыйнай тэматыкі» («AVE MARIA»: 2005).

► «Назоў часопісу спарадзіў супраціў» (МАКСІМЮК: 2002).

кілбаса – каўбаса:

► «Купляў у краме каўбасу вараную для салаткі з маянэзам» (АСТРАВЕЦ: 2005, № 1 (190)).

Часто можна сустракаць: *салат – салата; чай – гарбата; халадзільнік – льдоўня; ваенны – вайсковец; амбасадар – пасол; амбасада – пасольства; хрышчэнне – хрост, плошча – пляц; пікетовец – пікетчык, гатэль – атэль, улётка – лістоўка; Сусьвет/Усясвет – космас і т.д.*

6) Прилагательные, имеющие суффикс -н- (по русскому образцу), проявляют тенденцию к его замене на -ав-

Встречаем употребление форм *рынк-ав-ыя* и *рыначныя* адносіны – рус. *рыночные отношения*.

► «Лідэры буйных прадпрымальніцкіх саюзаў вымушаны біцца за рынкавае рэгуляванне малога бізнэсу, таму іх захады больш паходзяць на адбіванне атак».

7) Активное суффиксальное словообразование существительных с финалиями: -о/аўца, -ц, -нік:

навук-оўца-ы, кір-оўца-а, абвінав-аўца-а, вер-нік-і, чын-нік-і, бізнес-оўца-ы:

► «Дзяржаўныя творцы законаў аб падтрымцы прадпрымальніцкай дзейнасці, робяць ўсё магчымае, каб вярнуць бізнэсоўцаў у стан «маўклівых ягнятаў»;

перамоў-ц-ы

► «Да таго ж у перамоўцаў відавочна розныя задачы» (МАЖЭЙКА: 2005, № 1 (190));

сядзе-ль-ц-а

► «За выключэннем «шасцёрак» і «падстаўных», праблем у Леванеўскага з сядзельцамі, здаецца, не ўзнікае. А пасля таго, як падтрымку Леванеўскаму і Васільеву выказалі вядомыя музыкі, між іншых, Барыс Грэбенічыкоў, нават тыя на «зоне», хто не задумваўся пра існаванне «палітычных», сказалі: «нічога сабе!» і ціха запаважалі» (МАЖЭЙКА: 2005, № 1 (190)).

8) Заголовки статей передают вкусы времени, также как и в русской прессе, употребляется сниженная, разговорная, сленговая лексика: «Колькі каштуе дармовая адукацыя?», «Зачыстка», «Без базара».

9) Употребление русского и белорусского языков в одном тексте

► «Аляксандр Лукашэнка адзначыў, што перайменаванне зроблена «в ознаменовании 60-ой годовщины Победы советского народа в Великой Отечественной войне и в связи с многочисленными просьбами ветеранов и жителей столицы». Паводле ягонай трактоўкі, «переименование позволит увековечить знаковые исторические события военных лет и нашего времени, которые происходили на этих проспектах и улицах Минска». Што ж, ніхто не спрачаецца: Перамога – падзея знакавая. І калі б беларусы так не лічылі, то не было б у Менску ні плошчы Перамогі, ні аднайменнага парку» (ЛЯШКЕВІЧ: 2005, № 1 (190)).

10) Активное пополнение словаря происходит за счёт архаизмов и слов, давно вышедших из употребления, которые за последние 15 лет «освоились» и прижились

► «Тое ж самае паўтарылася і праз некалькі дзён, калі студэнтаў, якія выйшлі на галоўны праспект сталіцы з партрэтамі Скарыны ў руках, затрымалі і адвезлі ў п а с т а р у н а к » (ЛЯШКЕВІЧ: 2005, № 1 (190)).

► «Гэта перарэгістрацыя банкаўскіх рахункаў, замена штампай і пячатак, ш ы л ь д а ў, нават друкаванне новых візітак» (ЛЯШКЕВІЧ: 2005, № 1 (190)).

► «Калі ў 2003 годзе доля выдаткаў на адукацыю была 6,2 адсоткі, у 2004 – 3,7 адсоткі, то ў 2005 годзе гэтая лічба ўжо меншая за 2 адсоткі» (ГРАМАЦКІ: 2005, № 1 (190)).

► «Вельмі занябаную мясьціну нядаўна ператварылі ў нябрэдкае месца ш п а ц ы р у » (АСТРАВЕЦ: 2005, № 1 (190)).

▶ «Дый увогуле сёння яшчэ Дзень вязьняў канцлягераў <...>» (АСТРАВЕЦ: 2005, № 1 (190)).

▶ «Некаторыя заходнікі на майдан у нам ёце пажыць прасіліся яшчэ ў самую пільніцу» (АСТРАВЕЦ: 2005, № 1 (190)).

▶ «Наталля распавядае, што была зусім непадрыхтаваная да жорсткага судовага выраку, не чакала, што будуць ператруссы, што будуць па некалькі разоў абшукваць усё і ўсіх, шукаючы хоць нейкай зачэпкі» (МАЖЭЙКА: 2005).

▶ «Сухоты там вельмі распаўсюджаныя, а медычнай дапамогі амаль няма» (МАЖЭЙКА: 2005, № 1 (190)).

11) Замена лексических калек и полукалек с русского

▶ «Відавочна, што сумняваўся ў гэтым і Аляксандр Лукашэнка, таму і прыняў рашэнне аднаасобна» (ЛЯШКЕВІЧ: 2005, № 1 (190)).

12) Упрощение на стыке согласных х+ск, ж+ск и др.: чэскі, белавескі
вместо: чэшскі, белавежскі, каложскі и др.

▶ «Бо ўрэшце ў Белавескай пушчы на Беласточчыне экстрэмальны турызм існуе» (АСТРАВЕЦ: 2005, № 1 (190)).

▶ «Але ўсе рэкорды харчовыя ў старажытнай Каложы. Таварыства беларускай мовы хацела выдаваць газэту асьветную з назвай „Каложа“, але ўлады замахалі рукамі: нібыта ажно сінод прыватываў слова гэтае і забараняе ўжываць. Але, напэўна, бацюшкі, любяць пад'есьці і закусіць. Бо тут жа трапіла ў продаж гарчыца „калоская“, маянэз, сыр і гэтак далей. Не здзіўлюся, калі зьявіцца хутка гарэлка „Калоская“. Можа ўжо ёсьць, проста я ня ведаю» (АСТРАВЕЦ: 2005, № 1 (190)).

13) Заимствование русского сленга

▶ «Уладам, ні для каго ні сакрэт, патрэбны „бабкі“. Паўсюль пішуць: вось надумалі аднавіць шлях з варагаў у грэкі. Прыкольна!» (АСТРАВЕЦ: 2005, № 1 (190)).

▶ «Наталля Васільева працуе на рынку „Паўднёвы“, гандлюе жаночай джынсой» (МАЖЭЙКА: 2005, № 1 (190)).

14) Употребляется и написание начала века, не характерное ни для современного белорусского языка, ни для диалектов, сохраняющееся в языке белорусской диаспоры на Западе и отражающее период неосвоенных языком иноязычных заимствований.

▶ «Калісьці мы з бацькамі жылі у ГДР, і нашую клясу завезлі на экскурсію ў канцлягер-музэй» (АСТРАВЕЦ: 2005, № 1 (190)).

▶ «Сустрэў прыцеля. Яму не даюць спакою манэўры» (АСТРАВЕЦ: 2005, № 1 (190)).

▶ «Будынак быў упрыгожаньнем места, аднак, на жаль, не ўпісаўся ў пляны горадабудаўнікоў, за што і паплаціўся» (РУСЕЛІК: 2005).

15) Стойкая тенденция к употреблению полных форм притяжательных местоимений

▶ «Ляльку гэтую схпілі за каршэнь людзі ў цывільным і пацягнулі ў дом рэчавых доказаў, можа і цяпер у іхнім музэйчыку вісіць на сцяне, прынамсі здымак ейны – ужо дакладна» (АСТРАВЕЦ: 2005, № 1 (190)).

16) Замена приставок в глаголах

▶ «Нехта збаіцца, хтосьці скажа, што гэта яшчэ ня самае страшнае і што нашае места перажывала і горшыя часы. Але ж калі гэтыя горшыя часы надыйдуць, ці будзе тады што абараняць?» (РУСЕЛІК: 2005).

▶ «Сучасную беларускую літаратуру ў названы пэрыяд за прэзэнтавалі польскаму чытачу не катэдры, не філялёгіі, а менавіта тусоўка гэтага часопісу» (МАКСІМЮК: 2002).

17) Осмысление функций «й» и «ў»

Бывшая нормой грамматики Б. Тарашкевича и ограниченная рамками советской эпохи, буква ў не могла употребляться в начале слова в заимствованных словах, типа *універсітэт*, и в том случае, если слово было

давним, хорошо освоенным заимствованием. Не могло употребляться в роли союза *і*, а союз *і* в позициях после гласного не передавал белорусские фонетические особенности, что способствовало уподоблению с русским произношением.

▶ «НА „ПРАВІНЦЫЮ“ ЗРЭАГАВАЛІ беларускія літаратурныя колы. Сёння нярэдка бывае, што часопісы *і* кнігі аглядаюцца-рэцэнзуюцца нячытанымі» (МАКСІМЮК: 2002).

18) Постепенное выпадение суффиксов -ыр, -ір

В глаголах и отглагольных формах, заимствованиях через русский язык, наблюдается тенденция к европеизации, которая, однако, возникла как стихийное явление: выпадают суффиксы **-ыр, -ір**: – *саветыз~ір~аваны*, *палітыз~аваны*, *унарм~аваны*, *сфарм~аваны*, *крэаліз~аваны*, *сфармул~яваны*, *экраніз~аваны*, *ліцэнз~аваны*, подобно в большом количестве др.:

Дыферэнц~ыр~аваны – дыферэнцаваны

▶ «Мы прапанавалі дыферэнцаваны падыход да выплаты ПДВ у залежнасці ад рэгіёна, але канчатковае раіэнне прымаюць наверху, не ўсё залежыць ад нас» (МАКУШЫНА: 2005, № 1 (190)).

Подобным образом ведут себя глаголы:

р э г у л ~ і р (а) ~ в а ц ь – р э г у л я в а ц ь

▶ «Дзейнасць прадпрымальніка павінна рэгулявацца эканамічнымі законамі» (МАКУШЫНА: 2005, № 1 (190)).

к а н т р а л ~ і р (а) ~ в а ц ь – к а н т р а л я в а ц ь

▶ «Перамовы, якія сёння праходзяць па праекце ўказа, ажыццяўляюцца па сцэнарыю, які кантралюе ўлада» (МАКУШЫНА: 2005, № 1 (190)).

і н і ц ы ~ і р (а) ~ в а ц ь – і н і ц ы я в а ц ь

▶ «Таму некаторыя грамадскія арганізацыі ініцыявалі падрыхтоўку да гарадскога рэферэндума па пытанні перайменавання вуліц» (ЛЯШКЕВІЧ: 2005, № 1).

рэцэнз ~ ір(а)~ваць – рэцэнзаваць

► «Ясная справа, пры выдавецкім цыкле „Правінцыі“ рэцэнзаваць будзем няшмат – усяго выбраныя і ў нейкім сэнсе важныя нам творы» (МАКСІМЮК: 2002).

Стихийно возникшую “аффиксальную революцию” **-ір**-овых глаголов, вошедших в белорусский язык в советское время по образцу заимствованных русских, должны решить новые правила белорусской орфографии, которые вступят в силу с 1 сентября 2010 года*.

* Закон Республики Беларусь от 23.07.2008 № 420-3 «Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі», утвэрджэнны Президентом Республики Беларусь, который должен войти в силу 1.09.2010 г., регламентирует употребление суффикса **-ир-** следующим образом:

ГЛАВА 5

Правалі некаторых марфем, § 23. Суфіксы:

« 1. Пераважная большасць запазычаных дзеясловаў ужываецца з суфіксам **-ава-** (**-ява-**): дэградаваць, фальсіфікаваць, арыентаваць, прагназаваць, балансаваць, цытаваць, аналізаваць, іранізаваць, культываваць, кантактаваць, планаваць, групаваць, нацыяналізаваць, прыватызаваць, дэклараваць, ліквідаваць <...>

2. Дзеяслоўны суфікс **-ірава-** (**-ырава-**) ужываецца:

калі без гэтага суфікса ўзнікае аманімія дзеясловаў з дзеясловамі з суфіксам **-ава-** (**-ява-**): буксіраваць – буксаваць, парадзіраваць – парадаваць, візіраваць – візаваць, будзіраваць – будаваць, газіраваць – газаваль, камандзіраваць – камандаваць, пазіраваць – пазаваль, пасіраваць – пасаваць, тушыраваць – тушаваць, парыраваць – параваць, паніраваць – панаваць, фарміраваць – фармаваць, апаніраваць – апанаваць;

калі дзеяслоў без **-ір-** (**-ыр-**) губляе сваю фармальную і семантычную акрэсленасць: шакіраваць, бісіраваць, бравіраваць, гарманіраваць, драпіраваць, лабіраваць, грасіраваць, курыраваць, лавіраваць, дэкарыраваць, сервіраваць, фантазіраваць, лакіраваць, штудзіраваць, мусіраваць, татуіраваць і інш.;

калі дзеяслоў мае вузкатэрміналагічнае значэнне: манціраваць, пасівіраваць, аксідзіраваць, зандзіраваць, дэаціраваць, сталіраваць, дэмпфіраваць, юзіраваць, юсціраваць, парафіраваць, дыфундзіраваць.

У некаторых выпадках паралельна ўжываюцца дзве формы: дэмаскіраваць – дэмаксаваць, акупіраваць – акупаваць, курсіраваць – курсаваць, калькіраваць – калькаваць, базіраваць – базаваць».

2.7. *Беларусская школа. Билингвизм в системе образования*

2.7.0. Специфика белорусского образования. Язык обучения

Основным языком обучения в белорусской школе является русский. Специфика белорусского образования состоит в том, что имея объёмную программу по русскому языку и литературе, школьники зачастую знают русскую литературу лучше, чем белорусскую. У большинства населения беднее словарный запас белорусского языка, его пополнению способствует, в первую очередь, изучение белорусской классической литературы, чему и следует школьная программа. С одной стороны, это значительно обогащает речь учеников, с другой – оставляет их в стороне от происходящих языковых изменений, а вместе с тем и культурных.

Ситуация с высшим образованием сравнима только с ситуацией лужицких сербов, которые смотрят скептически на изучение биологии в средней школе на родном языке, т.к. при поступлении в вуз это не понадобится, чтобы получить диплом, придётся всё переучивать по-немецки. Беларусский язык в вузах изучают исключительно студенты филфаков, занимающиеся им как профильным; в редких случаях лекции по истории Беларуси звучат на белорусском, все остальные специальности пользуются русским языком. Именно русскоязычная советская система образования стала деструктивным фактором: минимально сохранялись *беларусские средние школы*, вузы пользовались *только русским языком обучения*.

2.7.1. Типы школ в Беларуси

В Беларуси количество учеников, обучающихся на белорусском языке, по статистике, составляет приблизительно 23%, для 77% основным языком обучения является русский.

Само понятие “беларусская школа” давно потеряло свой первоначальный смысл. Под словом *беларусская* логично было бы понимать

национальная, но в Беларуси эти понятия не тождественны. Поэтому выделяют следующие типы (КАЛИТА 2006: 25):

1. школа с белорусским языком обучения – школа, где все предметы преподаются на белорусском языке;

2. школа с русским языком обучения – школа, где все предметы преподаются на русском языке, за исключением белорусского языка и литературы;

3. школа с двумя языками обучения – это школа, где предметы преподаются на двух языках.

Изменения в структуре школ за 2003/2004 уч.год. 1*

	школа с бел. языком обучения	школа с рус. языком обуч.	школа с двумя языками обуч.
Минск	- 3	+ 19	- 16
Брестская	- 13	+ 9	- 10
Витебская	- 15	+ 10	- 10
Гомельская	- 2	- 5	- 1
Гродненская	- 22	+ 9	- 9
Минская	- 25	+ 2	-10
Могилёвская	+ 5	- 15	- 2
Республиканские школы	без изменений	без изменений	- 1
Всего	- 75	+ 29	- 59

" - " уменьшение количества школ;

" + " увеличение количества школ⁴⁰.

⁴⁰ Источник: <http://www.giac.unibel.by/index>

По статистике за 2003/2004 учебный год*, в Беларуси насчитывалось 188 общеобразовательных школ, в которых дети изучали язык национальных меньшинств (8439 учеников – польский язык, 284 ученика – еврейский, 90 учеников – украинский, 46 учеников – литовский). С каждым годом растёт тенденция к уменьшению количества школ с белорусским языком обучения. В Минске по состоянию на 2008 год⁴¹ на 234 средних учебных заведения белорусскоязычных было всего 6.

Немаловажен и аспект, на который указывает С. Запрудский: *“Беларуская дыдактыка оперіруе неабходнасцю вучыць вучняў выкарыстоўваць у розных сферах мовнай дзейнасці літаратурную мову, між тым у Беларусі існуе нямала сфер практычнай мовнай дзейнасці і сітуацый зносінаў, дзе патрабаваная метадыстамі правільнасць беларускага ці рускага маўлення (уласна, моўная кампетэнцыя) выглядае (ці можа выглядаць) нелепа. Гэта ў першую чаргу сфера неафіцыйных адносін”* (ЗАПРУДСКІ: 2008, 65, перавод)⁴².

С. Запрудский также констатирует факт, что когда носитель языка стоит перед выбором: нарушить социально-коммуникативную либо языковую норму, то, как правило, нарушает языковую, т.к. нарушение социально-коммуникативной может повлечь за собой различного рода проблемы.

Во многом непопулярность национального языка связана с осознанием дальнейшей неприменимости, функция его “необходимости” ограничивается рамками средней школы, в вузе и при трудоустройстве он невостребован.

* Сведения за последующие годы на официальном сайте Министерства образования отсутствуют.

⁴¹ Источник: http://nastaunik.info/parents_and_children/school_bel_leng/

⁴² (ЗАПРУДСКІ: 2008, 65, перавод) «Беларуская дыдактыка аперуе неабходнасцю вучыць вучняў выкарыстоўваць у розных сферах маўленчай дзейнасці літаратурную мову, між тым у Беларусі існуе нямала сфер практычнай маўленчай дзейнасці і сітуацый зносінаў, дзе патрабаваная метадыстамі правільнасць беларускага ці рускага маўлення (уласна, моўная кампетэнцыя) выглядае (ці можа выглядаць) недарэчна. Гэта ў першую чаргу сфера неафіцыйных зносінаў».

2.7.2. Отголоски Чернобыля в системе образования

Свою “лепту” в развитие школьного двуязычия внёс Чернобыль. После аварии на ЧАЭС (1986), жители из Чернобыльской зоны были выселены, закрыты немногочисленные сельские школы с белорусским языком обучения, их ученики, переселяясь в столицу и другие населённые пункты, автоматически становились учениками школ *с русским языком обучения*. Нужно подчеркнуть, что изучение белорусского языка в данном регионе базировалось у большинства учеников на неразрывной связи домашнего языка с языком школьного обучения.

Однако, результаты анализа документально-художественного проекта “Как я стал белорусом” (Як я стаў беларусам) (см. 2.9.1.) показывают, что этот факт принёс и плюсы: растворившись в среде больших городов, переселенцы-ученики, не ставя такой цели, стали импульсом, который привёл некоторых их одноклассников к осмыслению и приходу к белорусскому языку (см. 2.9.2.).

2.7.3. Некоторые аспекты языкового дуализма

Современная система образования способствует поддержанию разрыва между мыслящими по-разному белорусами. Белорусская школа учит *наркомовке*, отдельные негосударственные издания всё ещё пользуются *тарашкевицей*, белорусский обыватель среднего возраста, воспитанный в советской школе, часто остаётся в недоумении, задаваясь вопросом, знают ли современные журналисты и издатели белорусский язык. Поэтому и начало XXI века для белорусов остаётся в языковом плане двойственным, такое деление порой доходит до абсурда. Условия Литературной премии Я. Юхновца*,

* Литературная премия Я. Юхновца (1921–2004) основана в марте 2004 года с целью содействовать развитию современной белорусской литературы. Премия учреждена в Америке («Фундацыя Крэчэўскага») в память об известном белорусском писателе (уроженец Беларуси, в

основанной в 2004 году, гласят, что произведение, выдвинутое на соискание премии, *не может быть написано наркомовкой*. В случае, если Премияльный комитет заинтересуется произведением, доступным только в наркомовке, его представители могут обратиться к автору с просьбой послать произведение в классическом правописном варианте, однако, это не гарантирует получение премии⁴³.

2.8. Билингвизм в системе товарных знаков и государственных печатей

2.8.1. Надписи на официальных документах

Страховой полис Белгосстраха, который необходимо купить при въезде в Беларусь, выполнен на двух языках – русском и английском, и только на одной из двух печатей (круглой с государственным гербом Республики Беларусь) присутствует надпись на белорусском:

«Рэспубліка Беларусь Прадстаўніцтва Беларускага рэспубліканскага унітарнага страхавога прадпрыемства “Белдзяржстрах” па гораду Брэсту».

После оформления страхового полиса иностранец должен зарегистрироваться, т.е. получить подтверждение своего официального пребывания в Беларуси. После выполнения необходимого заявления (на русском) в отделении РОВД, с обратной стороны страхового полиса ставятся две печати, одна на русском с надписью

«РАЗРЕШЕНО ВРЕМЕННОЕ ПРЕБЫВАНИЕ до __ по адресу __ Начальник ОВИР Московского РОВД г. Бреста Дата__ подпись __ ».

1944 г. во время войны был вывезен в Германию, после войны получил юридическое образование в Мюнхене по специальности западноевропейское право, с 1949 г. жил в Америке).

⁴³ (БЕЛАРУС: І)* «Творы напісаныя наркамаўкаю да разгляду не прыймаюцца. У выпадку цікавасці Прэміяльнага камітэту да таго ці іншага твору даступнага толькі ў наркамаўцы, сябры камітэту могуць звярнуцца да аўтара з просьбай даслаць ім гэты самы твор у клясычным правапісе, што, аднак, не гарантуе атрыманьня прэміі».

Вторая печать, круглая, с государственным гербом, с надписью на белорусском:

«МІНІСТЭРСТВА ЎНУТРАНЫХ СПРАЎ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
падраздзяленне па грамадзянству і міграцыі».

Билеты в городском транспорте отмечены двуязычием, в Бресте и Кобрине билеты на автобус с надписями на русском, на троллейбус – на белорусском, но месячные проездные только на русском. Чеки в магазинах, входные билеты в музеи, банковские регистрационные чеки по обмену валют, бланки почтовых переводов (кроме печатей) – на русском. Железнодорожные билеты (на русском) украшает только лого с белорусской аббревиатурой: БЧ – «БЕЛАРУСКАЯ ЧЫГУНКА» (Беларусская железная дорога).

Беларусский язык как единственный без каких-либо комбинаций с русским, присутствует только на денежных знаках Национального банка Республики Беларусь (см. **Приложение № 4**), на сериях почтовых марок (см. **Приложение № 5**), иногда встречается на конвертах (см. **Приложение № 5**).

Открытки с поздравлениями на белорусском, как правило, ограничиваются надписями „Віншую“, „Са святам“, „З Новым годам“, их количество составляет максимально 1% от общего предложения.

2.8.2. Язык товарных знаков и этикеток

Языковая ситуация ярко отражается на этикетках товаров. Беларусские товаропроизводители используют на этикетках русский язык, лишь название предприятия, представленное одним словом, можно встретить на белорусском, напр., ОАО – на русском, название – СВІТАНАК – на белорусском, все остальные сведения, в т.ч. памятка по уходу за изделием – на русском.

Производители конфетной продукции, торгующие на международном рынке, также не используют белорусский язык. Гомельская фабрика «Спартак», на коробке конфет «Беловежские зубры», использует русский, английский, немецкий. Более национально сознательными выглядят «Коммунарка» г. Минск

(«Камунарка»), этикетки которой на русском, белорусском, английском, и «Красный мозырянин» г. Наровля («Чырвоны мазыранін»), на задней стороне коробок этикетки с надписями на русском и белорусском. Брестский производитель «Идеал» титульную сторону представляет на русском, на обратной – русский, украинский, казахский, английский, турецкий, на белорусском нет ни одной надписи.

Этикетки на товарах имеют и другие показатели – оценка товаров на международных ярмарках и выставках. Показателем оценки правительства Беларуси является русский язык. На многих товарах встретим надпись «ПРЕМИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСЬ КАЧЕСТВО».

На белорусских товарах надписи о производителе и товаре встречаем на 1) русском и белорусском, 2) русском, 3) русском и украинском, 4) русском и польском. Пальма первенства на *постсоветском пространстве* отдана *русскому языку*. Среди товаров украинского производства изредка встречаются надписи на белорусском, такое редкое исключение – производитель крем-красок для волос Украина «Супермаш». Украинские товаропроизводители используют на этикетках 1) украинский, английский, 2) украинский, английский, русский, 3) украинский, английский, казахский.

Если судить об экономической конкурентоспособности постсоветских стран по языкам этикеток, ведущее место займут РФ, Украина, Казахстан. Российские товары сертифицируются на русском, казахском, украинском, английском языках. Среди языков постсоветского пространства за пределами СНГ одно из первых мест принадлежит украинскому. Белорусский язык на этикетках, как и в других сферах, бывает исключительным гостем – почти не встречается.

2.9. Понятие 'родной язык' для белоруса

Белорусский язык остаётся в Беларуси *политическим, открытым вопросом*, из которого вытекает много других. Современная ситуация, несущая отпечаток

постколониализма, одновременно свидетельствует о том, что даже краткий период белорусизации (1989 – 1994) был импульсом к переоценке себя в национальных межконтекстах и дал толчок к возврату к корням. Этот возврат, как и большинство культурных явлений, не носит массовый характер, не охватывает ни всё, ни большинство населения, не инициирован сверху, не поддерживается властями. Сегодня этот процесс выстраивается в новую парадигму. Многие радикалы 90-х годов, переменив тактику, пришли к простому решению – просто жить своей жизнью, просто быть белорусом. И хотя каждый, кто сегодня *просто белорус*, говорит, что это тяжело, каждое звучащее белорусское слово и есть реальный вклад. Через язык проходит стратификационная граница *свой – чужой*, имеющая в Беларуси специфические очертания: русский язык не считается чужим основной массой населения, белорусский – всегда звучит как настораживающий сигнал.

2.9.1. Документально-художественный проект

«Як я стаў беларусам»

Документально-художественный проект «Як я стаў беларусам» – Как я стал белорусом, инициированный сайтом www.budzma.org и представивший истории людей, осознавших свою национальность как идентификатор, помогает понять на чём в сложившейся ситуации можно базировать подходы к языковой политике.

Полуироничное высказывание *беларусами не рождаются – ими становятся*, отражает реальность, поэтому данный проект подтверждает мысль, что для становления национальной идентичности необходимо создавать условия; даёт возможность проанализировать причины и импульсы, способствующие установлению границ между идентичностью советской и собственно-национальной. Практически все его участники пришли к самоосознанию *самостоятельно*, редко это случилось в детском или подростковом возрасте. Для одних переход был натуральным, для других – тяжёлым преодолением и ломкой стереотипов: общественных, семейных, школьных. Некоторые

респонденты говорят об открытии родного языка как „новой планеты“, некоторые пришли к языку с позиции „анти“, начав с неприятия и отрицания.

2.9.2. Осознание национальности. Импульсы

Пронализировав ответы участников проекта „Как я стал беларусом“*, можно выделить главные импульсы, которые вели опрошенных к национальному самоосознанию:

- 1) **влияние предков**^{∇ 44}, с которыми они жили в детстве или бывали на каникулах;
- 2) **роль культурных влияний**⁴⁵, где в первую очередь названы **книги**, в т.ч. **учебники, вышедшие во время постсоветской беларусизации**;

* Проект «Як я стаў беларусам» – Как я стал беларусом постоянно пополняющийся ресурс, доступен на странице <http://budzma.org>. В данной работе проанализированы ответы, размещённые на указанном сайте в первом полугодии 2009 года.

[∇] Цитаты из проекта поданы в оригинале

⁴⁴ (САЛАШ: 2009)

- ✓ «Мабыць, і вяртаньне да мовы адбылося для мяне проста і безбалесна – я яе чуў яшчэ ад бабулі немаўлём, і калі прамаўляў нейкі вершык на ўроку белліту ў Пячах у трэцяй клясе (адзіны год, калі я вывучаў мову празь літаратуру), я адчуваў, што гэта маё. Тады перад вачыма якраз паўставала бабуля».

(ЖАЛТКОЎ: 2009)

- ✓ «У нашай сям’і барацьба за душу малалетняга менчука ў першым пакаленні трывала з моманту, як я навучыўся чытаць. Народжаная ў Капыльскім раёне бабуля гаварыла з намі выключна па-беларуску, наракала ўвесь час маці, што “з маскалём пабралася” і ўвесь час старалася распавядаць мне пра вясковое жыццё”.

(КУРС: 2009)

- ✓ «Я нарадзілася ў тытовай беларускай вёсцы, сярод людзей з натуральнай прастанароднай беларускай мовай. <...> Найцікавайшай рэччу для мяне былі кнігі і прырода. І мае сямейнікі. У мяне была вельмі харызматычная бабка, якая па-беларуску гаварыла мудрэй за Коласа».

(АРЛОЎ: 2009)

- ✓ « <...> Баба Жэня была маёй першай настаўніцай беларускай мовы і беларускай гісторыі. Дзякуючы бабулі, я пачаў разумець, што я – не проста савецкі хлопчык Вова. Што ў мяне ёсць іная Радзіма – зямля, дзе гавораць на той мове, на якой гаворыць мая бабуля, тая зямля, на якой людзі пабудавалі Сафійскі сабор і Спаса-Ефрасіннеўскую царкву. Усё гэта дрэнна стасавалася з песенькай, якая тады часта гучала з рэпрадуктараў: “Мой адрас – не дом і не ўлица, мой адрас – Советский Союз».

3) роль современной им музыки, белорусских песен⁴⁶;

Средство не новое, не однажды в истории себя зарекомендовавшее, его можно отнести к *традиционным*. Белорусские (а также др. примеры национальных возрожденцев в широком славянском контексте) писатели, этнографы XIX – начала XX в., обращаясь к фольклору и народной песне, приходили к осмыслению, и часто это способствовало созданию новой классики нового времени (Я. Купала «*Бандароўна*», «*Магіла льва*» и др.). Белорусский песенный материал, а иногда песни, уже ставшие классикой, играют роль *активатора* национального сознания.

⁴⁵ (САЛАШ: 2009)

- ✓ «Мне больш важнымі падаюцца першыя прабліскі беларускасці. Пачынаючы ад першай кнігі, прачытанай самастойна па-беларуску – “Людзей слухай, а свой розум май” – яшчэ ў годзе 1983-м, калі я жыў Пячах, і перачытанай годзе ў 1987 у Астраўцы, куды наша сям’я з ГДР прыехала на вакацыі да сваякоў. Былі і пошукі ў годзе 1985–1986-м кніг пра Беларусь у жаўнерскай бібліятэцы ў вайсковай частцы ГСВГ (Групы савецкіх войскаў у Германіі). Тады я знайшоў нейкага беларускага пісьменьніка. Сёння мне здаецца, што гэта быў Зьмітрок Бядуля».

(ВАЛАБУЕЎ: 2009)

- ✓ «Я вучыўся ў школе па “бел-чырвона-белых” падручніках».

(ОСПАЎ: 2009)

- ✓ «Урэшце канчаткова паўплывала кніжка Леаніда Дайнекі “След ваўкалака” – я вырашыў, што я беларус».

(ЖАЛТКОЎ: 2009)

- ✓ «Відаць, прысутнасць бабуці і яе кпіны прымусілі маці набыць кніжачку Васіля Віткі і пачаць штовечар чытанкі перад сном казак і вершыкаў па-беларуску».

(КУРС: 2009)

- ✓ «Было шмат нашых кніжак: Пысін, Караткевіч, Танк, Чорны <...>».

⁴⁶ (АРЛОЎ: 2009)

- ✓ «Калі я вучыўся ў 10-м класе, у наш горад прыехаў ансамбль “Песняры”. Тады ён яшчэ называўся “Лявоны”. Я быў прасунутым школьнікам, слухаў Beatles, Rolling Stones і даволі скептычна паставіўся спачатку да нейкіх там “Лявонаў”. <...> Я пайшоў туды з сябрамі. Канцэрт склаўся з двух аддзяленняў – у адным спяваліся беларускія песні, а ў другім – песні з рэпертуару “Бітлоў”. З гэтага канцэрту я ўжо вяртаўся іншым чалавекам. Два тыдні, напэўна, ува мне гучала “Александрына».

(ГАРДЗЕЙЧЫК: 2009)

- ✓ «Менавіта знаёмства з рокерамі <...> дала мне тую, пазарэз неабходную дозу беларускай культуры, сучаснай, злой, сьцёбнай, бяз “скоўкага сур’ёзу”, бяз скідак на “недаразьвітасць”, якая памагла мне выстаяць. <...> Не “рушнічкі, васілёчкі”, а Сыс, Глёбус, Дубавец. Цяпер я сыходзіла на канцэрты NRM – і мне было шкада тых, хто застаецца. ... Я знайшла сваіх герояў, якія спявалі для мяне й пра мяне».

4) Нужно отметить также бинарную роль **Чернобыля** (1986): национальная трагедия и секундарный импульс к обновлению национального сознания (переселение большого количества населения, где роль чернобыльских переселенцев-учеников, “растворившихся” в начальных и средних школах, создала условия для пробуждения национального сознания учеников⁴⁷.

Участники проекта отмечают:

1) **положительную и отрицательную роль школы и учителей**, говоря о профессионализме и непрофессионализме;

2) **положительную и отрицательную роль советской армии**, где встреча с представителями других национальностей привела к осознанию себя как иного⁴⁸;

3) **причины психологические**⁴⁹;

4) **случайные ситуации, непредвиденные случаи, субъективные впечатления**⁵⁰, напр., приезд археологической экспедиции в родную деревню,

⁴⁷ (МІНЧОНАК: 2009)

- ✓ «Я 1983 году нараджэньня. Да чатырох год жыў у Серабранцы, потым ва Ёруччы, а потым у Малінаўцы. Цяпер зноў ва Ёруччы. Дарэчы, у нас на Малінаўцы было шмат перасяленцаў з Чарнобыльскай зоны, у школе вучняў і настаўнікаў з “зоны” было больш, чым карэнных менчукоў. Пагарды да перасяленцаў не было. Мы нармальна разам тусаваліся. У мяне шмат сяброў было з перасяленцаў. Таму давялося блізка пазнаёміцца з жыхарамі глыбінкі, пачуць ад іх гісторыі пра вясковае жыццё. Уласна, у гэтай школе клясе ў 7-й я канчаткова і зразумеў, што я беларус».

⁴⁸ (САЛАШ: 2009)

- ✓ «Былі і размовы з сябрамі-грузінамі, якія нявольна прымусілі мяне зразумець, што я ня ведаю роднай мовы».

⁴⁹ (ВАЛАБУЕЎ: 2009)

- ✓ «Калі казаць рацыянальна, дык чыннікам было нежаданне маўчаць, калі бачыш нейкую несправядлівасць і яе энергічнасць. А “Белоруссия” – гэта несправядлівасць».

⁵⁰ (ВІНАГРАДАЎ: 2009)

- ✓ « – Я прыйшоў атрымліваць пашпарт. Так атрымалася, што разам з мамай. Быў 1985 год. Чыноўніца пашпартнага стала будзённа задавала пытанні. Калі яна запаўняла графу “нацыянальнасць”, я ні секунды не вагаўся і адказаў: Беларус! ».

Адразу ў цішы кабінету прагучаў кінематаграфічны, добра пастаўленым голасам крык маёй мамы: “Юрачка, падумай, гэта ж на ўсё жыццё!”».

чернобыльские переселенцы-одноклассники, желание выделиться, получение паспорта.

Выделенные причины (не всегда положительные), активировавшие язык, могут лечь в основу ценностной системы для разработки методов пиар-технологий, способных помочь реинкарнированию функциональности языка.

3. ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НА РЕЧЕВОМ УРОВНЕ

3.0. Контрреволюция или эволюция?

Каждая инновация всегда встречается с долей подозрения и недоверия; смена парадигм происходит при переходе устоявшихся норм через границы, не подлежащие конкретному определению, ни временному, ни ценностно-квантитативному. Нахождение парадигмы на границе указывает её крайняя неустойчивость в определённый отрезок времени, где каждая составляющая констатирует свою изменчивость, стремится обрести новые коннотаты.

Бурно протекающие языковые изменения часто сравнивают с *революцией*, в языкознании они воспринимаются с крайне противоположных точек зрения: 1) **закономерность** (как диалектика развития); 2) классический подход противопоставляет ориентацию на официальные нормы, **стремление сохранить чистоту национального языка**. Языковые инновации – явление закономерное, закономерно вызывающее на начальном этапе протест в самом языке, среди его носителей и лингвистов.

3.1. Трасянка

3.1.0. Определение и сущность трасянки

Трасянка – заменитель, балласт, своеобразная добавка, предназначенная для лучшей усвояемости (русского и белорусского языка, т.е. имеет разнонаправленные векторы действия) (КАЛИТА: 2008(в), 163).

Трасянку характеризуют как *“промежуточную форму смешанной речи”*, в которой *„определить основу < ...> русскую и/или белорусскую – реально очень сложно из-за близости языков и большого количества отклонений от нормы”*, *„жёсткой границы между трасянкой и русским и белорусским языками не существует”*; *„речь со смешанной лексикой (с большим процентом русской лексики) и морфологией и*

белорусской фонетикой“ (КОРЯКОВ); нестандартизированный язык (АМОСОВА); „некое переходное явление между двумя близкими восточнославянскими языками < ...> не является единым кодом, имеющим нормы и правила, это скорее набор индивидуальных способов выражения, характеризующийся высокой степенью вариативности“ (ЛИСКОВЕЦ); „негативный результат плохого владения своим, родным языком и другим“ (МИХНЕВИЧ); „следствие конвергентного развития этнической речи, ползучей русификации в Беларуси“ (МЕЧКОВСКАЯ); „редукция, контаминация стопроцентной чистоты „беларусского“ как результат советской культурной, национальной и языковой политики, нечто некультурное, нецелостное, повреждённо“» (SLOVODA), креолизированный продукт (ЦЫХУН), категория языкового микса (NÁVĚLKOVÁ – SLOVODA).

Трасянка чаще рассматривается односторонне, подчёркивается её маркированность: **сниженность, агрессивность, лингвонеэстетичность.**

« <...> трасянка – это переходное явление постепенной замены белорусских элементов на соответствующие русские, характерное для речи мигрантов из деревень и вызванное социальной необходимостью подстройки под русскую речь горожан и представляющее собой набор стихийно и по-разному русифицированных индивидуальных способов выражения, варьирующихся от носителя к носителю и в зависимости от адресата и ситуации» (ЛИСКОВЕЦ: 2002, 333)*.

* К подобным определениям, что в трасянке преобладает русская лексика, встречающимся у многих исследователей, напр., (Лисковец: 2002) „Первым элементом, который вычлняется легче всего, является лексика, поэтому лексический компонент трасянки в основном русскоязычный» следует относиться осторожно, они кажутся не совсем обоснованными, и к сожалению, имеют тенденцию кочевать от одного автора к другому. Необходимо заметить следующее:

1) на сегодняшний день нет исследований трасянки, основанных на статистических данных, которые бы указывали конкретный процент лексики того или иного языка, более объективным кажется подход С. Запрудского, который выделяет две формы трасянки: 1) “трасянка на белорусской основе” или “собственно трасянка”, “трасянка-1”; и 2) русско-белорусское произношение или “трасянка-2”, “не очень плохой русский язык” (ЗАПРУДСКИ: 2008, 72);

2) **нельзя характеризовать лексическую базу трасянки как обладающую большим процентом русской лексики** и по следующим причинам:

2.1) трасянка не образует единую систему;

2.2) характеризуется широкой вариативностью на уровне её отдельных носителей а также диалектов;

Отсутствует подход к трасянке как к комплексному явлению, объединяющему аспекты лингвистические и социальные с психологическими и историческими. Объединение всех возможных компаративных техник может стать основой для выработки новых методик. Изучение трасянки, наравне с лингвистическим, должно включать анализ *целого комплекса общественно-политических проблем досоветской, советской и постсоветской Беларуси, а в особенности советской*, рассматривать их как *проекцию на языковую сферу*. Трасянку и другие *анормативные языковые явления* необходимо рассматривать с использованием культурологического материала, как *компонент всеобщих общественных, психологически обусловленных сдвигов*, где язык *является лишь одним из звеньев разбалансированной (деформированной либо несформированной)*

2.3) речь идёт о **родственных языках**, объединённых большим процентом общей лексики. Поэтому необходим учёт и серьёзное изучение дериватологии. Интернационализацию в славянских языках нельзя рассматривать в целом как только процесс чистого заимствования лексики, это и заимствование интернациональных морфем, которые в последствие могли стать производящей основой, либо приобрели статус префиксов – употребление их другими языками означает их заимствование, в XX в. чаще посредством русского, но не из русского как источника. Необходимо учитывать следующее: (1) восточнославянские языки связаны большим пластом индоевропейской и общеславянской лексики, (2) “морфемы греко-латинского происхождения занимают в мировых языках первое место по степени распространённости (ПОРЕЦКИЙ 1979: 11) – (КОРЯКОВЦЕВА 2009: 182), (3) “амероглобализация” (“К началу 60-х годов XX в. закончилась эпоха европейской глобализации, главным “глобализатором” новейшего времени стали Соединённые Штаты”), сместившая греческий и латинский языки и сделавшая основным источником интернационального фонда английский, который в свою очередь заимствовал из многих языков, и при наличии “неолатинской” словообразовательной подсистемы, передаёт греко-латинские аффиксы в заимствующие языки (мега-, супер-, экс- (mega-, super-, ex) (КОРЯКОВЦЕВА 2009: 183). Коряковцева также отмечает: «вследствие глобализации, продолжающейся по меньшей мере уже 300 лет, в современных славянских языках сложилась национальная и интернациональная словообразовательные подсистемы. Показателен и тот факт, что некоторые словообразовательные категории в славянских языках целиком обслуживаются интернациональными морфемами», напр.: преф. ре/ге-, суф. -изм/-izm/-izmus, суф. -ист/-ista и др. (4) Препозитивные и постпозитивные интернациональные компоненты, сочетающиеся в каждом отдельном восточнославянском языке с национальными и интернациональными морфемами часто воспринимаются как заимствования из русского. (5) Старший процесс интернационализации XVI-XVII веков, связанный с адаптацией церковнославянизмов, часто характеризуется как русификация, или в последнее время как вторичная русификация (см. 2.1.3., 2.1.4.).

2.4) А. Лукашанец отмечает, что процессы интернационализации в белорусском языке конца XX – начала XXI вв. – появление мотивированных и немотивированных единиц с заимствованными корнями и словообразовательными формантами проходило под сильным влиянием русского языка, а потому единицы несут выразительный оттенок русификации, что объясняется причинами нелингвистического характера (ЛУКАШАНЕЦ: 2009(б), 109 – 135). Однако названную тенденцию интернационализации с оттенком русификации также нельзя приравнять к чистым заимствованиям из русского языка.

ойкуменистической системы; воспринимать их как поздний урожай советской селекции – гибрид советской языковой политики.

3.1.1. Происхождение и семантика термина

З'еў с утра вядро аўсянкі – размаўляю на трасянке
(современная студенческая поговорка)

Термин *трасянка* глубоко национален и связан с народной, крестьянской жизнью. Когда заготовленное на корм скоту сено к концу зимы заканчивалось, крестьянин, добавляя в оставшееся сено солому, должен был его *перетрясти*, чтобы получилась более менее однородная смесь – **бел.** “*стрэсці, ператрэсці*”, т.е. перемешать сено и солому – образовавшаяся в результате смесь называлась *трасянкой* (бел. чередование э/а (см. 2.3.1.4.): *трэсці – трасу*).

Крестьянин “обманывал” домашний скот (создавая иллюзию полноценной пищи); но такой корм не прибавлял у коров молока. Т.е. *трасянка* – *временная мера*, помогавшая домашним животным пережить остаток голодного сезона без полноценного корма, с его *заменителем*. Лексема пришла из крестьянской среды, употреблялась в начале XX в., но не на всей территории Беларуси. К примеру, в Западной Беларуси это слово вызывает различные ассоциации: от бытовых – *происеивание муки, предназначенной для приготовления теста*, до комических – *состояние после чрезмерного приёма алкоголя*, многие его просто не знают. Старожилы этого региона утверждают, что когда нечем было кормить домашний скот, его поили и подвязывали широкими ремнями, закрепляя к чему-либо сверху, чтобы он не ложился, потому что если скотина согнёт ноги – ляжет, то уже не сможет встать, даже если её начать кормить.

Можно предположить, что ареалом распространения *трасянки* в примарном значении была центральная Беларусь, т.к. для среднестатистического белоруса в Западной Беларуси, не слышавшего слова *трасянка* от своих предков или не прочитавшего его характеристику в каком-либо источнике, оно непонятно. Ближайший синоним *трасянки*, более

понятный всем жителям Беларуси, но не имеющий терминологического характера – *мяшанка* – рус. *смесь*. *Мешанка* зафиксирована словарём В. Даля.

«Мешанина м. мешаница ж. животное или человек от смеси разных пород, ублюдок, тумак, выродок; ниж. происшедший от смеси русской и мордовской крови, болдырь. Мешанка ж. мешаный хлеб, семя, ягоды. Овёс мешанка, с ячменем. | | Мешень ж. Вторая пашка, двоење пашни» (Даль: 1881/1956, 373).

Трасянка как термин – *метафора*, или перенос значения. Поэтому целесообразно брать во внимание примарный семантический уровень. Причина возникновения смеси (трасянки) – нехватка корма (экономическая); средства: 1) сено (качественный корм) и 2) солома (некачественный балласт); цель – 1) помочь домашнему скоту пережить голодный период (временная и вынужденная), 2) психологический подход человека к психологии животного – стремление понять, в результате – помочь не только животному, но и себе.

Секундарная семантика обладает подобными валентными связями: 1) кодифицированный белорусский литературный язык приобретает консервативный статус и ареол элитности, его высокая культурная маркированность не отвечает современной сниженной языковой компетенции большинства носителей; 2) трасянка как балласт, в ней необходимо выделять плюсы (а) яркое образное стилистическое средство, (б) национальная фонетическая база, и минусы (а) русские языковые компоненты, (б) советский психологический элемент матрицы.

Рассмотрим названные особенности:

1. *Фонетическая устойчивость* (охраняет каркас белорусского литературного языка (нормы)).

2. Трасянка – *стилистическое средство* (не новое, Я. Купала «Тутэйшыя» (см. 3.1.4.). Отдельные *единицы трасянки* можно сравнивать с понятиями *канцеляризм* и *лексика с оттенком официально-делового стиля* – когда речь идёт об одних и тех же лексических единицах, употреблённых в различных стилях. Формируя специфический фон официально-делового, они являются его

неотъемлемым и органическим элементом, но употреблённые человеком в литературном или другом стиле, несут оттенок официоза.

3. Трасянка – *многоплановая метафора, средство сатиры и юмора*, где сатирический эффект часто достигается благодаря фонетической полифонии (напр., дуэт Саша и Сирожа “Опера для ленивых”).

4. Креативное средство в имидже белорусских исполнителей, довольно популярное сегодня в песенном материале, напр., в текстах «Крамбамбули», «Разбитае сэрца пацана», дуэта Саша и Сирожа.

5. Стилистический приём. Т. Рамза дефинирует его как *литературно-художественную трасянку*, в основе которой лежит чистая стилизация под трасянку – «*нарочито подчеркнутая имитация особенностей белорусско-русской речи определенной социальной среды*» (РАМЗА: 2009, 191).

«Это своего рода кич, в них (единицах) присутствует коллажность и прецедентность, что позволяет рассматривать их не только в качестве негативной реакции на натуральную смешанную речь белорусов, но и позитивно, как своего рода молодёжный прикол, стёб, игру. <...> И динамика литературно-художественной трасянки такова: от художественно-выразительного средства до стилизации через стилистический приём» (РАМЗА: 2009, 191).

3.1.2. Отношение к термину трасянка

Как термин слово *трасянка* относительно быстро вошло в лингвистику в 90-е годы XX века. Авторство терминологической семантики часто приписывают Зенону Позняку, хотя сейчас тяжело определить, кто действительно начал употреблять слово как термин. В те же 90-е годы Председатель Верховного Совета БССР (май 1990 г. – август 1991 г.) Н. И. Дементей, своим натуральным белорусским произношением в текстах на русском языке, дал повод для образования временного синонима трасянки – “дземянцееўка”, которым обозначали особенности его речи – ярко выраженную белорусскую фонетику.

Термин *трасянка* и обозначаемое им понятие воспринимаются крайне полярно, не все согласны с его употреблением.

«Лингвонимы *трасянка* и *суржик* – это презрительные, уничижительные и депрессивные названия всякой белорусской/украинской речи, где есть явления русскоязычной интерференции (в том числе речи с минимальной интерференцией). Как бы ни определяли лингвисты феномен "трасянки" и "суржика" в теории и как бы нейтрально ни употребляли эти термины специалисты, однако на практике – в жизни, в СМИ – эти лингвонимы были и останутся оценочными и бранными словами, которые оскорбляют и деморализуют тех, чья речь названа с помощью этих слов. Одиозность лингвонимов *трасянка/суржик* чувствуется всеми, кто знает эти слова. Поэтому, стремясь к смягчению нравов и толерантности, обсуждаемые лингвонимы вообще лучше не употреблять или, по меньшей мере, не называть *трасянкой/суржи́ком* речь конкретных людей или групп говорящих» (Мечковская: 2009, 47).

Термин достаточно быстро завоевал популярность, то, что он в последнее время расширяет своё семантическое поле: *спортивная трасянка, духовная трасянка*, в польской печати встречаем новообразование *экономическая трасянка* (KOŁODKO: 2002⁵¹), и начинает обозначать в целом *негативно маркированный микс, смесь*, не должно быть поводом для отказа от него. Ассоциативные синонимы, приводимые сегодня к понятию, выражают то же бинарное маркированное единство: отрицательные – *голос духа цемры, дикая смесь (дзікая мяшанка)*, положительные – *национальный бренд (нацыянальны брэнд), источник вдохновения (крыніца натхнення), язык богемы (мова багемы), провокационные – кич (кіч)*.

⁵¹ (KOŁODKO: 2002, 98 – 99) «Ale czy tak naprawdę na Białorusi dokonuje się posocjalistyczna transformacja w znaczeniu, jakie jej przypisujemy u nas? Od strony instytucjonalnej – a także w sferze struktury własności czy niestabilności finansowej - Białoruś przypomina raz to Polskę z lat 1988-89, innym razem z lat 1992-93. To taki hybrydowy układ: trochę planu, trochę rynku, trochę mieszaniny jednego z drugim. Symbolizuje to poniekąd pomnik Lenina w centrum stolicy i pobliski McDonald's. Podobnie jak hybrydowy jest język, którym mów wielu Białorusinów, łącznie z prezydentem Łukaszenko. Tzw. *trasjanka* to barwna mieszanka rosyjskiego i białoruskiego, także z polskimi naleciałościami. Teraz dochodzą jeszcze nowe słowa i terminy, na przykład „defolt” czy „byznes plan».

3.1.3. Возникновение и краткая история взросления

«Начиная с XVIII века устоявшийся мотив деревни и города приобретает новый смысл: становится средством критической оценки изменений, преобразовавших тогдашнюю Европу, а к ним, кроме иного, относилось – установление современного государственного устройства <...> Город был пространством открытым для индивидуальной инициативы, но вместе с тем сферой анонимности, заселённой загадочными и гротескными существами, местом укрытия, загадок, неоднозначности и фальши, в нём иногда как чудо происходили встречи двух близких людей <...>». (SVATOŇ: 2003, 340, перевод)⁵²

⁵² (SVATOŇ: 2003, 340) «Počínáíc 18. stoletím nabývá ustálený motiv venkova a města nového smyslu: stává se prostředkem kritického posuzování změn, které proměňovaly tehdejší Evropu a k nimž patřilo – mimo jiné – ustavení moderního státního zřízení <...> Město bylo prostorem otevřeným pro individuální iniciativu, ale zároveň sférou anonymity, kterou zalidňují záhadné a groteskní bytosti, místem skrývání, tajemství, dvojznačnosti a falše, v němž se občas zableskne náhodné, ba zázračné setkání dvou blízkých lidí <...>».

Минианалогом трасянки можно назвать смесь польского и белорусского языков в более ранний период, когда полонизация дала макаронические плоды в творчестве белорусско-польских писателей; после вхождения Беларуси в состав Российской империи подобные явления запечатлены на почве русского и белорусского языков: в фарс-водевиле (В. Дунина-Марцинкевича - авторство оспаривается*) "Пинская шляхта".

"Кручкоў. Слухайце з увагаю! Буду чытаць дэкрэт. По указу его императорского величества, во временном присутствии, в комплекте, составленном из участкового заседателя и его письмоводителя, слушали дело, коего обстоятельства следующие <...>

Ціхон. У <...> бацькі мае родныя! Хрэн яму ў вочы, - 25 лоз ды яшчэ не на дыване, а на голай зямлі! Даў бы сто рублёў, каб дыван падаслалі.<...>

Піскулькін. Хорошо быць пісьмевадзіцелем у разумнага чалавека, маляванья гасцікі! Самі ў карман лезуць, не нада і рук выцягваць".

(ДУНИН-МАРЦІНКЕВИЧ: 1984, 128)

Мнения относительно времени и причин возникновения трасянки расходятся, чаще лингвисты связывают её возникновение с началом массового переселения деревенского населения в города, т.е. с началом XX в., второй этап последовал в 50-60-е годы XX в., и носители трасянки представлены различными типами:

1) Деревенские жители - переселенцы;

2) «<...> исторически языковая русификация украинцев и белорусов начиналась в речи тех, кто был ближе к имперской власти, - в речи чиновников из «местных», учителей, поместных дворян, городского мещанства» (МЕЧКОВСКАЯ: 2009, 45);

3) трасянка - подсознательный способ сопротивления российской языковой экспансии, она возникала тогда, когда ситуация вынуждала к

* Авторство оспаривает Н. Мечковская «Винцент Дунин-Марцинкевич не был автором водевиля «Пинская шляхта», Wiener Slawistischer Almanach 46 (2000), с. 225-238.

подчинённости, это своеобразный способ *внутренней эмиграции* (ВОЮШ: 2008: I, перевод⁵³).

Начало XX в. очерчивает тенденцию развития трасянки в произведении белорусского классика Я. Купалы “Тутэйшыя”, где присутствует 1) лингвоидеологическая смесь белорусско-польская, 2) русско-беларусская, 3) белорусский язык, 4) трасянка.

“Заходні вучоны. Пшы баданю бялорусіна высветлёно надзвычайнон особлівосць, а мяновіце: вбрэв гісторычным, еографічным, этнографічным, лінгвістычным і дыялектным баданьм і расправом вшэхпольскім, ойчызнэн свон бялорусіні называён Беларусь.

Усходні вучоны. Пры опросе белоруса выяснено необыкновенную особенность, а іменно: вопрэкі історычэскім, географічэскім, этнографічэскім, лінгвістычэскім і дыялектным вросійскім ісследованиям і трудам, - оцечэство своё белорусы почему-то называюот Беларусья.

Мікіта. Што, мусы вучоныя, сэанс ужо ўвесь, между протчым?” (КУПАЛА 1989: 422).

С. Соколов-Воюш падчёрківае, што трасянка вонікае толькы в сувязі с рускім языком, хотя суццествуюот и другые прямые контакты: беларусско-польскые, беларусско-українскые, результааты их взымовлыванія зачысляюотся в разряд гаворков; беларусско-русскій нон-стандарт подчёрківае *ненатуральность, некультурность, искусственность, неприязнь и политическую мотивированность.*

⁵³ (ВОЮШ: 2008) «для Беларусаў наагул не ўласцівая ідэя падначаленасьці іншым народам. Калі ж сытуацыя вымагала такой падначаленасьці, Беларусы сыходзілі ва ўнутраную эміграцыю, аднэй з праяваў якой і сталася трасянка – падсвядомы спосаб супраціву расейскай моўнай экспансіі. Прымітыўна гэта можна выказаць наступным чынам: вы нам накідаеце сваю культуру, адчыняеце чужыя для нас навучальныя ўстановы, уводзіце сваю, чужую нам мову, ва ўсе сфэры жыцьця? Добра. Зь нявыкруткі мы пагаджаемся на гэта, але вы атрымаеце ад нас такую сваю мову, што вас саміх жа ад яе будзе вярнуць і выварочваць. Валодаючы іншымі мовамі, Беларусы зрабіліся трасяначнікамі толькі ў дачыненні да мовы расейскай. Беларуска-польскія, ці Беларуска-українскія моўныя ўзаемаўплывы мы залучаем у гаворкі. Беларуска-расейскія – у асобны тып мовы – трасянку. Гэтакім чынам мы падкрэсьліваем, што гэты тып стасункаў ня столькі натуральны й культурніцкі, колькі штучны, агідны й палітычна матываваны».

3.1.4. Психологические мотивы и истоки

3.1.4.0. «Тутэйшасць» как психологический подтекст возникновения трясянки

Характеристика “тутэйшасці”, данная В. Коваленко в послесловии к “Тутэйшым” Я. Купалы, в издании 1989 г., очерчивает самоназвание и психологический подтекст возникновения трясянки, одновременно это определение весьма спорно и однобоко.

«<...> понятие “тутэйшага” (здешнего) начала обязательно обозначает понятие недостаточно развитого самосознания, бескрылости и мещанских наклонностей. <...> Самая главная черта “тутэйшага” – незнание, что делать <...> Пассивность, смирение и безразличие полностью подчинили себе натуру “тутэйшага”» (КАВАЛЕНКА 1989: 490, перевод)⁵⁴.

Тутэйшасць также рассматривается как социальная болезнь, вызванная недостатком национальных самоидентификаторов, как «синдром национального иммунодефицита» (ВАСЮЧЭНКА: 2009, 83)⁵⁵.

Результат развития подобной “тутэйшасці” в постсоветском контексте характеризуется О. Пахлевской как плебс (плебеизованность). Плебейство не отождествляется с простотой либо необразованностью, когда условия не позволяют человеку овладеть определёнными уровнями культуры.

«Обычный крестьянин или рабочий может не иметь высшего образования, не читать Гомера и не цитировать Сартра. Но он может владеть своим комплексом знаний и этнических кодов, образующих материю соответствующего отношения к жизни. Плебейство – это высокопатогенный вирус, смертельная инфекция, которую сеет в

⁵⁴ (КАВАЛЕНКА 1989: 490) «<...> паняцце “тутэйшага” пачатку абавязкова азначае паняцце недастаткова развітай свядомасці, бяскрыласці і мяшчанскіх схільнасцей. <...> Самая галоўная рыса тутэйшага – няведанне, што рабіць <...> Пасіўнасць, зміранасць і абьякавасць поўнасцю падпарадкавалі сабе натуру тутэйшага».

⁵⁵ (ВАСЮЧЭНКА: 2009, 83) «Тутэйшасць, адкрытая Купалам, бачыцца як сацыяльная хвароба, звязанная з недахопам нацыянальнага пачуцця, недастатковай самаідэнтыфікацыяй. Тутэйшасць расшыфроўваецца як «синдром нацыянальнага імунадэфіцыту».

общественный организм тоталитарная система» (ПАХЛЬОВСЬКА: 2008, перевод)⁵⁶.

Данное явление, как и трясанка, очень противоречиво, оно объединяет как смирение, так и сопротивление, также проявляется в разных вариантах.

«“Тутэйшасць”, т.е. с одной стороны, глубинное и неискоренимая привязанность к своей “малой родине”, к своему “родному куту”. С другой – в “тутэйшасці” нашла своё выражение такая ставшая исторической чертой белорусского менталитета 18-19 вв. особенность, как социально-политическая индифферентность, отсутствие в массовом народном сознании стремления к национальной независимости и собственной государственности и – при возрастающей этнической и местной самоидентификации – несформировавшееся национальное самоосознание, вплоть до отсутствия психологического ощущения „большой родины“ – Беларуси – как некоего национально-культурного целого» (РУДЕНКО – ЧЕРНЯВСКАЯ: 2003, 394-395).

Явление, обозначенное в белорусском дискурсе “тутэйшасцю”, не исключительно белорусское (хотя как самоназвание привязано к белорусам), оно более широко и соотносимо со *стремлением наций к самосохранению в контексте идеологического и языкового давления, невозможностью практической реализации желаемого*. В „тутэйшасці“ нельзя видеть только иммунодефицит, хотя это и есть частичное смирение в условиях, когда человек не имеет выхода из сложившейся ситуации; но одновременно своей пассивной позицией и внешним смирением, он уходит в свой внутренний мир, сохраняет своё «Я», защищает эндосферную оболочку от внешнего мира, которому не всегда можно противостоять. “Тутэйшасць” – это состояние пограничья, готовность принимать и передавать информацию в разных направлениях, по обе стороны границы. “Тутэйшасць” обуславливает толерантность – одну из основных

⁵⁶ (ПАХЛЬОВСЬКА: 2008) «Плебейство не має нічого спільного з простотою чи навіть неосвіченістю через, скажімо, умови життя, які не дозволили людині оволодіти тими чи тими рівнями культури. Звичайний селянин чи робітник може не мати вищої освіти, не читати Гомера і не цитувати Сартра. Але він може мати свій комплекс знань і свої етичні коди, які створюють матерію відповідального ставлення до життя. Плебейство – це високпатогенний вірус, це смертельна інфекція, яку лише в суспільному організмі тоталітарна система».

беларусских черт. В развитии “тутэйшасці” выделяют отдельные этапы (Руденко – Чернявская: 2003). Поликонфессиональность ВКЛ способствовала *веротерпимости*, а вместе с тем *национальной* и *социальной* терпимости; XVIII-XIX вв. ставят беларусов в иные условия – условия подчинения, во второй половине XIX века, когда начинает формироваться новая интеллигенция, приходит “осознание, что “тутэйшасць” есть исторически сложившаяся форма самосохранения беларусского народа и его самобытности в условиях вынужденной маргинализации, но что его преобразование в нацию и само его существование зависят от перехода “тутэйшага” патриотизма к развитому национальному самосознанию, возможного лишь на основе культурной самоидентификации беларусами себя как единого самостоятельного народа” (Руденко – Чернявская: 2003, 397).

Возникающее в результате развития этого явления речевое средство – не язык, это “канал толерантности”, транскомуникационный канал, служащий для поглощения и взаимообмена чужих и своих элементов, это способ сохранять свою эндосферу посредством бесконфликтного сопротивления.

3.1.4.1. Психологические детерминанты трясянки

Советская идеология, теоретически утверждавшая равенство народов, в практике подчинила все национальные сферы русскому влиянию и способствовала созданию типа *советского человека*. После распада СССР в СМИ часто с иронией цитировались строки из популярной в советское время песни: „Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз” – ярко отражающие восприятие постсоветского человека. Стёртые в советское время национальные идеалы, заменённые героями революции, войны, стахановцами и др., заменили национальную идентичность на советскую.

«Самосознание общности можно рассматривать как одну из самых существенных детерминант нации, тогда как завершающей синтетической стадией национального самосознания является идеал. Поиск идеалов и их закрепление в общественном сознании – это те вопросы, которые наиболее остро возникают в переходные периоды общественных трансформаций, к примеру, от тоталитарных режимов – к проектированию независимого и свободного образа жизни общества. <...> По своей сути, общественный идеал есть ничто иное, как проекция

на успешное и перспективное будущее, способная возродить национальный дух, консолидировать нацию <...>» (НОГОЙБАЕВА 2005: I).

Психологические причины возникновения трясанки можно видеть в *несуществовании идеалов, поисках, или стремлении к настоящим идеалам. Проблема отсутствия национальных идеалов* видится самой главной, которую индивид чаще всего не осознаёт. При отсутствии либо невосприятии национальных идеалов, нация или её отдельные представители заменяют их идеалами ближайших соседей*. Подмена понятий имеет различные цели, формы и результаты. Примером может служить отождествление политонимов и этнонимов, напр., *ВКЛ и Литва*, понятий *советская культура (литература)* и *русская культура (литература)*, понятий *Русь и Россия* или *СССР и Россия*, или *РФ и Россия*.

3.1.4.2. Регламентация отдельных уровней восприятия

Подмена идеалов отражается и на уровне ономастики. Языковая трясанка как отражение *комплекса неустойчивости*, проявляющегося на уровне *сознательного и бессознательного*, объединяет *разноуровневые* проявления *осознанного и неосознанного*, напр., *интересов государственных и индивидуальных*, или *различного субъективного восприятия эстетичности и неэстетичности, престижности и непрестижности*.

«Некалькі дзён таму недалёка ад майго дому адкрыўся новы цэнтар мабільнай сувязі беларускай фірмы Velkom. Назывецца «Ермак». Якое дачыненне мае да мабільных тэлефонаў заваёўнік Сібіры, для мяне застаецца загадкай. <...> А кавярня «Бильярд по Чехову» на Ракаўскім прадмесці? А рэстаран «Разгуляй» на Траецкім? <...> Як і рэстаран «Арбат» на праспекце Скарыны. А ўніверсам «Дивный», а пельмені «Благо», а гарэлка «Стольградная» <...>» (БАРТОСІК: 2004, 12).

Осознанное и неосознанное в обоих вариантах: на государственном и частном уровнях часто регламентируется субъективным видением и модными

* (ШЧАБЛОЎСКИ: 2009) «беларусские регионы в поддержании и продвижении национальных героев и традиций более прогрессивны, чем столица: в то время как Министерство культуры отказалось исключить памятник Ленину из списка историко-культурных памятников, власти областных метрополий ориентированы на установку памятников белорусского культурного наследия».

тенденциями, которые диктует время. Эти тенденции субъективны сами по себе, потому что зависят от уровня развития экономики конкретной страны в конкретное время, от темпов и степени культурного развития – взгляд на которое может сформироваться благодаря отдельным известным личностям, находящимся в центре внимания, вызывающим восхищение или отвращение, и формирующим привлекательный либо непривлекательный имидж культуры и страны в целом.

3.1.4.3. Комплекс неустроенности

(деформированности, неустойчивости)

Комплекс неустроенности (деформированности, неустойчивости) обусловлен факторами политическими и экономическими: чем более устойчивый позитивный характер они приобретают, тем быстрее минимализируется и исчезает названный комплекс. В белорусской истории он прошёл несколько этапов: ВКЛ – сильное политическое объединение – нет необходимости утверждать авторитет и значительность *простой мовы*; после присоединения к Польскому королевству потеря государственной мощи способствует развитию *комплекса языковой неполноценности*; дальнейшее подчинение Российской империи содействует возникновению двусторонних тисков со стороны соседних языков, где каждый стремится доминировать. Белорусский, в то время, несформированный языковой каркас, лопают, как скорлупа грецкого ореха, защитив сердцевину, теряет оболочку – *защитный слой национальных идеалов*.

3.1.4.4. Критерии для классификации причин развития трясанки

Причины развития трясанки, как *белорусской языковой инновации* постсоветской эпохи, можно дефинировать с учётом различных критериев:

1) Отражение общего неустойчивого положения страны и её имиджа (в т.ч. названия, государственного языка) в современном мире (политическом, экономическом, культурном) – комплекс национальной неопределённости (деформированности, неустроенности, неустойчивости); как багаж советской идеологии, довлеющий во всех жизненных сферах.

Инфильтрация многочисленных советских клише в психологическом, культурном, историческом и языковом планах отражается в современном мышлении белорусов, для которых уважение к традициям – норма. И сегодня советские ценности, включая русский язык, занимают важное место. Оценка роли русского языка белорусами индивидуальна, некоторые не представляют без него свою жизнь, другие стремятся к осмысленной оценке. Приведём мнение из белорусской интернет-дискуссии: **Што дае мне Беларуская Мова?**

«Нам ещё необходимо осознать, что русский язык в Беларуси – это всё же суррогат, «псевдо», подмена – то, что у нас вместо языка. Это обеднённый, упрощённый, выхолощенный наш вариант русского языка, потому как здесь, в Беларуси, отсутствуют натуральные источники его питания и пополнения» (БАГДАНКЕВИЧ: 2005, перевод)⁵⁷.

Для сравнения приведём взгляд с русской стороны:

«По большому счёту от возникновения многочисленных «нэшнл рашн» нас отделяет совсем немного. Достаточно собрать и систематизировать имеющиеся «ошибки» русскоговорящих жителей зарубежья, написать соответствующий учебник, издать словарь, и вот, пожалуйста, – новый язык, нормированный и кодифицированный, шагает по планете <...> Распад русского языка на 15 версий – это только один из возможных сценариев. Он может воплотиться в жизнь, если власти в бывших советских республиках возьмут на вооружение лозунг типа «Язык не собственность Кремля!», то есть займут позицию враждебную к России, но дружественную по отношению к русскому языку» (АНДРЕЕВА: 2007).

2) Коммуникативная и культурная ограниченность границами ближайшего соседства (прежде всего доминантным русским).

По этой причине ограничение кругозора, в т.ч. языкового, содействующее незнанию взгляда с других позиций.

⁵⁷ (БАГДАНКЕВИЧ: 2005) «Трэба нам яшчэ прыйсці да разумення, што расейская мова ў Беларусі – гэта ўсё ж сурагат, «псеўда», падмена – тое, што ў нас замест мовы. Гэта збеднены, спрошчаны, выхалашчаны наш варыянт расейскай мовы, бо тут, у Беларусі, адсутнічаюць натуральныя крыніцы яе сілкавання і папаўнення».

3) **Взгляд через чужие очки как наследство советских времён, в советское время – через идеологическую призму, в постсоветское – через мерки СНГ, сформированные российскими СМИ (с позиций несобственного восприятия, не стратифицированного с позиций национальных интересов).**

4) **Отражение экономической ситуации:** большие предприятия подчинены государственному капиталу, бизнес среднего масштаба не существует, малый бизнес имеет мало шансов для развития, должен приспособливаться.

5) *Языковая система, de jure* признанная официальной, *de facto* не является языком обучения, и *национальная литература* (как *своеобразные символы государственности*) осознаются населением как *определённая национальная ценность, как визитки страны*. Литературный язык, теряя источники питания (диалекты – деревня и/или вымирает, закрываются белорусские школы) – начинает восприниматься как оппозиция вездесущей трасянке; что свидетельствует о *неуверенности государственного (и языкового) капитала в самом себе*, – то, что должно рассматриваться как источник питания, трактуется как враждебное явление, угрожающее развитию системы в целом.

6) Трасянка – как закономерное заполнение лакуны⁵⁸

В белорусской традиции понятия *родной язык* и *первый язык* не тождественны, многие белорусы не считают белорусский язык родным, а так же многие белорусы, называющие его родным, не пользуются им.

7) **Сосуществование нескольких языковых норм (официальной и нескольких неофициальных), использование их в СМИ.**

8) **Пёстрая национальная символика (продолжение советской традиции) не способствуют созданию индивидуального, положительного имиджа страны.**

⁵⁸ Под лакуной понимаем безэквивалентную единицу любого порядка, отражающую содержание инокультурной концептосферы, формальное отражение которой отсутствует в иных культурах.

Названные условия – богатое удобрение для функционального развития трасянки: *литературной, городской, деревенской (диалектной), духовной, культурной*. Трасянка – творческий поиск, при стремлении носителя языка к самосохранению, – проба быть понятным. Неустойчивость позиции страны/каждого отдельного носителя национальной матрицы содействует стихийной активации языковых единиц; трасянку употребляют не все; некоторые *неносители* используют её сознательно как средство сатиры, и только в определённых ситуациях.

3.1.5. Отношение к трасянке как к явлению

Трасянка в Беларуси лингвистами не всегда воспринимается как языковая проблема, её носители часто не осознают, что пользуются трасянкой в повседневной жизни, и в соответствии с личными субъективными понятиями о лингвоэстетичности называют её 1) *русским*, 2) *беларусским*, 3) *своим*, 4) *смешанным* языком (см. 4.4.1., 4.4.2.).

К концу XX в. трасянка становится предметом лингвистических исследований и в среде лингвистов получает чаще *негативную оценку*, С. Запрудский говорит о её функциональной стратифицированности и уместности. В первые годы XXI века, в среде деятелей эстрады, наоборот, дефинируется как *элемент креатива*. Отношение власти и оппозиции к трасянке *негативное*, отношение белорусов носителей и неносителей также находится на *крайних полюсах* – трасянка не оставляет равнодушным никого, воспринимается либо *отрицательно*, либо *положительно* (см. 4.4.0.1., приложения № 6, 7). Чаще лингвисты стремятся выделить структурные слагаемые, подчёркивая *социальный характер трасянки*, перечисляют отдельные элементы рассеяния, относящиеся к одному либо другому языку.

Отношение к трасянке в большей мере **негативное** также у белорусских властей* и оппозиции (ПАЗЬНЯК: 2006)⁵⁹. Встречаются и другие мнения.

«Белорусы как нация, наверно, существуют потому, что говорят на языке, который представляет собой особенную языковую смесь, „трасянку“. Именно эта „трасянка“ не признается ни „истинно белорусской“ оппозицией, ни русскими, для которых этот язык что-то вроде издевательства над великим русским языком. Может быть, настало время пересмотреть свое отношение к „трасянке“? Но тогда в начале „белоруссификации“, назвав всех разговаривающих на „трасянке“ не совсем белорусами, вряд ли можно рассчитывать на их поддержку. Но, оппозиция, наверно по наивности, рассчитывала? А, тем не менее, именно „трасянка“, являясь живым разговорным языком, не позволяет белорусам называться русскими. <...> Как-то было забыто то, что лучший белорусский роман Ивана Мележа „Люди на болоте“ стал популярным, прежде всего, потому, что в нем герои говорят не на „тарашкевице“ и не на „наркомовке“, а на диалекте гомельского Полесья, тем не менее, понятном всем белорусам. И телевизионный спектакль купаловского театра, поставленный по роману почти сразу после выхода романа, стал в свое время событием потому, что в нем звучал живой язык. Об этом сейчас мало кто помнит» (ДАЙАН АВЕ: 2006: I).

Негативную филологическую оценку трасянки опровергают деятели культуры.

« – Это мой фольклор, язык улиц. Я знаю изнанку жизни. Я пьянствовал, бывал на пивниках, панковал, ездил по местечкам. На трасянке даже преступники говорят: "Мать, неси брагу, поспела!" Поэтому моя трасянка вкусная, ведь эклектика – самый вкусный элемент искусства. Трасянка – кич, несерьезный язык, язык богемы. На трасянке говорят мои друзья – Хацон, поэты, художники, театралы. Трасянка далась мне легче, чем белорусский. Я не умею иронизировать по-белорусски» (МИХАЛОК: 2004: I).

* Газета «Прессбол» получила официальное предупреждение Министерства информации за публикацию комиксов о Саше и Сироже (комические персонажи), повод – персонажи разговаривали по-русски неправильно.

⁵⁹ (ПАЗЬНЯК: 2006) „Самы кур’ёзны прыклад – гэта ўсхваляеце „трасянку“ (прытым адукаванымі людзьмі). Хаця рэч агульнавядомая, што калі дзе-небудзь у сьвеце назіраецца такая хімерычная моўная зьява, то гэта ёсьць працэс моўнай дэградацыі і адлюстраваньне (абавязкова!) рэгрэсу аўтэнтычнай культуры (існуе дастатковая літаратура і эмпірычны досьвед у гэтым пытаньні)“.

Многие представители эстрадной элиты говорят о трясянке как о средстве эпатажном, помогающем решать проблемные ситуации.

«Бывает, сносит на трясянку, когда надо подчеркнуть ироничность ситуации. А в творчестве, когда нужно подчеркнуть ироничность персонажа: недалёкость, тупость, либо просто шуточные моменты. Очень прочно трясянка вошла в жизнь. А до этого пару слов всего было: падхадзяшчэ и вабшчэ» (КВЯТКОЎСКИ: 2006: I, перевод)⁶⁰.

Встречается мнение, что трясянка может стать мостом к литературному (как русскому, так и белорусскому) языку.

«В определённом смысле белорусская “трясянка” приближается к так называемому “просторечию” – отдельному стилю, объединяющему элементы литературной и нелитературной речи. <...>

Когда трясянка является основным средством коммуникации и у самого носителя отсутствует мотивация для повышения культуры собственной речи, то она должна рассматриваться, безусловно, как отрицательное явление.

Когда же трясянка является “своеобразным этапом” перехода с русского на белорусский и у носителя наблюдается стремление преодолеть недостатки собственной речи, такое “переходное” явление, по-видимости, надо только приветствовать» (ЛУКАШАНЕЦ: 2009(а), 40, перевод)⁶¹.

В трясянке видят своеобразный психологический переход:

⁶⁰ (КВЯТКОЎСКИ: 2006) «Бывае, зносіць на трясянку, калі трэба падкрэсьліць іранічнасьць моманту. А ў творчасьці, калі трэба падкрэсьліць іранічнасьць пэрсанажа: недалёкасьць, тупасьць, альбо рэчы проста сьмешнаватыя. Вельмі трывала трясянка ўвайшла ў жыцьцё. А дагэтуль, можа, пару словаў былі: падхадзяшчэ ці вабшчэ”.

⁶¹ (ЛУКАШАНЕЦ: 2009(а), 40) «У пэўным сэнсе беларуская “трясянка” набліжаецца да так званай “прастамоўя” – асобнага стылю мовы, які спалучае ў сабе элементы літаратурнага і нелітаратурнага маўленьня. <...> Калі трясянка з’яўляецца асноўным сродкам зносін і ў самога карыстальніка адсутнічае матывацыя для павышэння культуры ўласнага маўленьня, то яна павінна разглядацца, безумоўна, як адмоўная з’ява.

Калі ж трясянка з’яўляецца “своеасаблівым этапам” пераходу з рускага маўленьня на беларускае і ў карыстальніка існуе імкненне пераадолець недахопы ўласнага маўленьня, то такое “пераходнае” аўленне, відаць, трэба толькі вітаць».

«(Анемподистов) “Мы сначала просто дурачились, играли такие роли – говорили на трясянке, а позднее со временем заговорили по-беларусски. А трясянка сняла психологические барьеры» (КВЯТКОЎСКИ: 2006: I, перевод)⁶².

С. Квятковский, констатируя, что трясянку считают чем-то постыдным, унижительным, на что в культурных местах не принято обращать внимания, отмечает, что трясянка превращается в объект искусства в альтернативных культурных кругах.

3.1.6. Журналисты о трясянке

Чаще журналисты отражают преобладающую негативную оценку, в этом отрицательном спектре мнений интересен глубоко аналитичный подход М. Куновской, видящей в трясянке *соединение наиболее удобного для каждодневной коммуникации*. По её мнению, **трясянку нужно учить, как и любой другой язык**. Куновская перемещает идентификационную функцию трясянки в иную плоскость, „корректируя“ её чисто негативную маркированность, в этом подходе проявляется тонкий аналитизм, основанный на знании прочных предурбанизационных корней народной логики, которую возрожденцы конца века старались переступить, ставя языковой вопрос на первое место. Об этом же, но по-другому, ссылаясь на «Меморандум «Аб мэтах Усебеларускага з'езда» (2000), писала Н. Мечковская: *«сегодня в возрожденческом движении трезво выглядит тот, кто говорит о возрождении языка в третью очередь (после политического суверенитета и экономики)» (МЯЧКОЎСКАЯ: 2001, 180, перевод)⁶³.*

М. Куновская обращает внимание на образовавшуюся пропасть:

⁶² (КВЯТКОЎСКИ: 2006: I) *«Цяпер многія аўтары віртуозна выкарыстоўваюць у сваёй творчасці трясянку. Міхал Анемпадыстаў прыгадвае, што ў ягоным юнацтве менавіта гульня ў трясянку дапамагла засвоіць беларускую мову:*

(Анемпадыстаў): “Мы спачатку проста прыдурваліся, гралі такія ролі – гаварылі на трясянцы, а пазьней зь цягам часу загаварылі па-беларуску. А трясянка зьняла псыхалагічныя бар’еры”.

⁶³ (МЯЧКОЎСКАЯ: 2001, 180) *«сёння ў адраджэнскім руху цвярозы той, хто гаворыць пра адраджэнне мовы ў трэцюю чаргу (пасля палітычнага суверэнітэту і эканомікі”.*

« <...> книжный и "возрожденческий" язык не поможет найти понимание с "простым человеком". Значительную часть "возрожденческих" слов он считает такими же чужими, как и газетные русские. Литературный язык – русский или белорусский – собственность интеллигентов, <...> хоть ты выучи наизусть всего Купалу, Богдановича и Караткевича <...> Ты не знаешь – и, кажется, не хочешь знать – местного языка. Ты хочешь, чтобы все учили твоей. Извини, у простого человека нет времени на такие забавы» (Куноўская 2002: I, перевод)⁶⁴.

Трасянку она характеризует как проявление толерантности, которое было традиционным за праздничным столом, собиравшим издавна людей разных национальностей. Важная роль в употреблении трасянки отводится психологическим детерминантам, обуславливающим вкрапления лексем в разных контекстах⁶⁵.

3.1.7. Трасянка и типологически родственные явления

Языки постсоветского пространства, хотя и в разной степени, подверглись значительному влиянию русского, а на многих уровнях ощутили давление либо полное вытеснение отдельных субкодов. То, что языковые аналоги трасянки и суржика не появились в казахском или другом языке, объясняется генетической неродственностью. Однако, параллели употребления русского языка в других национальных пространствах подобны: преобладание

⁶⁴ (Куноўская: 2002) « <...> кніжная і "адраджэнская" мова не дапаможа знайсці паразуменьне з "простым чалавекам". Значную частку "адраджэнскіх" словаў ён уважае такімі ж чужымі, як і газэтныя расейскія. Літаратурнай мовай – усё роўна, расейскай ці беларускай – гавораць інтэлігенты, <...> хоць ты вывучы напамяць усяго Купалу, Багдановіча і Караткевіча <...> Ты ня ведаеш – і, здаецца, ня хочаш ведаць – тутэйшай гаворкі. Ты хочаш, каб усе вучылі тваю. Прабач, у простага чалавека няма часу на гэтую забаву».

⁶⁵ (Куноўская 2002) «У ёй, скажам, ёсць хата, пакоі ў гатэлі і проста дах над галавой, але няма літаратурна названай "кватэры" – ёсць "кварціра", жылло для гарадзкіх і расейскамоўных. У трасянцы, як у ніводнай з "культурных" моваў, змест слова залежыць ад ягонага этымалёгіі і ступені асвоенасці насельніцтвам. Напрыклад, той, хто мовіць трасянкай, не пераблытае вёску і дзярэўню: першае – гэтая малая радзіма, нешта дарагое і любое, другое – мейсца, адкуль прыехалі недарэкі-суседзі, што не навучыліся нават карыстацца попелнічкай на агульным калідоры. Дзярэўня – прастора нізкай культуры, якая можа знайсціся і на зусім гарадзкой вуліцы, прастора, што ня мае ніякага дачынення да пошукання тваіх продкаў».

русскоязычного радио и телевидения, язык обучения, делопроизводства, вкрапления русских слов и формантов в текст национального языка.

Беларусскую трасянку можно сравнивать с украинским суржилом, их объединяют генетические и психологические корни, способы образования, формы существования, происхождение и семантика названий, маркированность, преобладающая сниженность, эмотивность, метафоричность, стремление быть средством понятным, одновременно завуалированным, ориентация на фонетическую базу национального языка. Оба понятия имеют богатую историю, их возникновение обусловлено соседством с родственным мажоритарным языком (см. 3.2.).

3.1.8. Многоаспектность трасянки

Трасянка – лингво-психологический феномен, развившийся в рамках крайне идеологизированного советского дискурса, психологически обусловленный гибрид длительной культурной и языковой русско-беларусской интерференции, проявляющийся в смеси беларусской и русской лексики, базирующейся на беларусской фонетике, с элементами специфики беларусского синтаксиса (видов связи, предложных конструкций и т.д.).

Трасянка, будучи признаком социального упадка, скрывает в себе и перспективы будущего. Трасянка – своеобразный *нигилизм, творческий подход, переосмысление, кич, стёб, явление неординарное и эпатажное, это переходный голодный период*. Его результат: языковая регенерация, деградация либо полная руссификация будет зависеть от (возможности) выбора нации и государственной политики.

Инфильтрация беларусского менталитета в плоскости трасянки – не только известное умение приспособиться, – создать языковые средства более пригодные для понимания, но и умение в этих условиях выжить и сохранить свою идентичность, свидетельство тому – беларусский фонетический базис (встречаются отступления). Трасянка не идёт на *фонетический компромисс*.

Сравним: чешский язык (находящийся в контакте с неродственным немецким), имеющий нормированный характер, идёт на графический, а значит, и фонетический компромисс: не имея в алфавите графемы **ö, ü**, использует эти буквы немецкого алфавита в немецких фамилиях – в чешских СМИ, на табличках в официальных учреждениях, документах – как показатель немецкого происхождения.

Стремление к сохранению целостности фонетической системы Э. Сепир называл сильнейшей тенденцией, которой придерживаются все языки, т.к. одинаковые звуки, выстраиваясь в разные ряды, проявляют иную значимость и частотность (СЕПИР: 2001, 180).

Можно говорить о постепенной утрате белорусским языком ассимилятивной мягкости, вымывавшейся после реформы 1933 года; все остальные фонетические черты сохраняет литературный язык и трасянка. Этот факт свидетельствует о правильном подходе к обучению белорусскому языку в советское время, когда при всеобщей ориентации на сближение языков, в последнюю очередь, учителя сосредотачивали внимание на произношении.

Уровень фонетический – кардинальный показатель языка – его *каркас*, в трасянке проявляет довольно устойчивую тенденцию: сохраняются такие черты, как дзекание и цекание, акание (2.3.1.2.), произношение твёрдых [p] и [ч].

3.1.9. Вопрос непрестижности беларусской трасянки

«И вот пришел Иуда.

Пришел он, низко кланяясь, выгибая спину, осторожно и пугливо вытягивая вперед свою безобразную бугроватую голову <...> и голос имел переменчивый: то мужественный и сильный, то крикливый, как у старой женщины, ругающей мужа, досадно-жидкий и неприятный для слуха, и часто слова Иуды хотелось вытащить из своих ушей, как гнилые, шероховатые занозы. <...> Двоилось так же и лицо Иуды: одна сторона его, с черным, остро высматривающим глазом, была живая, подвижная, охотно собиравшаяся в многочисленные кривые морщинки. На другой же не было морщин, и была она мертвенно-гладкая, плоская и застывшая, и хотя по величине она равнялась первой, но казалась огромною <...> Даже люди, совсем лишенные проникательности, ясно понимали, глядя на Искарюта, что такой человек не может принести добра, а Иисус приблизил его и даже рядом с собою – рядом с собою посадил Иуду.

Брезгливо отодвинулся Иоанн, любимый ученик, и все остальные, любя учителя своего, неодобрительно потупились».

Л. Андреев «Иуда Искарюта»

Подобие трасянки возникает в любой среде, где встречаются два языка. Чешские беларусы употребляют чешские слова или корни, добавляя беларусские форманты. Это же происходит в любой стране, где национальное меньшинство, стараясь сохранить родной язык, находится под культурным, языковым, ментальным прессом*. В нашем примере сильна роль идеологии,

* Подтверждение тому находим в изданиях национальных меньшинств, проживающих на неэтнической территории (эмигрантской среде), это явление прослеживают А. Яклова, В. Смолка (JAKLOVÁ – SMOLKA: 2003, 183)

«Na základě komparace analyzovaných žurnalistických textů z hlediska diachronního, ale i na základě jejich srovnání s jazykem dobově odpovídajících periodik českých lze obecně říci, že nejnápadnějším specifikem současné žurnalistické americké češtiny je její ovlivňování angličtinou. Ve srovnání s počátky krajanského tisku přibývají jak amerikanizmy lexikální, tak především amerikanizmy gramatické. Některé krajanské noviny navíc obsahují celé anglické texty, např. Glorious Hope/Slavná naděje, Americké Listy, Československé noviny, nebo jsou už dokonce celá periodika psána převážně anglicky. Např. Posel, „Úřední

имеющей в сознании постсоветского населения негативную маркированность, которая автомативески передаётся всем обусловленным идеологией явлениям.

Р. Барадулин пишет: «Трасянка имеет товарное клеймо „Сделано в СССР. Ремонту не подлежит“. <...> Стресс от коммунистической идеологии почти неизлечим» (БАРАДУЛИН: 2000: I, перевод)⁶⁶.

Психологический аспект, представляющий собой реликт советской инженерии, можно условно обозначить как **клише советского восприятия**: * *чужое – всегда лучше, чем своё* (распространяется не только на языковую сферу) (КАЛИТА: 2008(в)). Длительное отмежевание от мира и закрытость СССР создало у советских народов **устойчивый стереотип**: *всё западное лучше; то, что рядом – не стоит ничего, а потому не представляет никакой ценности**. Эта же точка зрения культивировалась в СССР и в отношении языков советских республик.

С точки зрения русского (россиянина), белорусский язык соотносится с понятием русское, т.к. находится рядом, но когда в контактной ситуации это “своё” оказывается не совсем понятным, нарушает плавное восприятие, русскоязычными трактуется как неприятное, а нерусский фонетический коктейль, раздражающий небеларусское ухо, способствует этому ещё в большей степени. Носитель русского языка, в Беларуси не проживающий и не

orgán České Katolické Jednoty“, je tištěn v angličtině, český je pouze titul listu, jeho tiráž a některé příspěvky čtenářů“.

⁶⁶ «Трасянка мае таварнае кляймо „Зроблена ў СССР. Рамонту не падлягае“ <...> Стрэс ад камуністычнай ідэалёгіі амаль невылечны, асабліва ў нашай беларускай рэчаіснасьці».

* О. Пахлевская в отношении к советскому времени употребляет выражение *снисходительное отношение*, современный подход российской стороны интерпретирует как *проявление плебейства и высокомерия Грядущего Хама* («Грядущий Хам» – название сборника статей Д. Мережковского, 1906 г.).

* Такой взгляд является устойчивым по сей день. У О. Пахлевской в статье **Русский «региональный» – как дырка от швейцарского сыра**:

«Теперь же эту границу прорвали просто потоки нечистот. Можно составить целый словарь неприличной лексики, которой официальные кремлевские политики и политтехнологи кроют бывших «младших братьев». Причем тот, кто инкорпорирован в Россию, не заслуживает уважения, потому что он стал «своим», а следовательно, его можно и нужно бить, – достаточно заметить, в каких тонах говорится о Беларуси. А тот, кто не хочет инкорпорироваться, как Грузия или Украина, стали объектами вербальной агрессии неслыханных масштабов. На всех уровнях оказывается нерациональное, неуправляемое неуважение к Другому, с нотками истеризма, а иногда и нескрываемой шизы».

имеющий понятия о сложившейся ситуации, вряд ли отличит белорусский литературный язык от трасянки, т.к. большое множество белорусских признаков воспринимает на слух, - фонетическое отличие присуще и литературному языку, и трасянке.

Носителем белорусского литературного языка трасянка также трактуется как явление негативное, но, в отличие от русского (россиянина), для белоруса смысл сказанного будет понятен полностью; человека, пользующегося трасянкой, носитель белорусского литературного языка идентифицирует как 1) малообразованного, 2) “своего” (как представителя нации), 3) местного (как представителя диалектного ареала).

Интересным моментом является и “отдалённость” из категории *клише советского восприятия своего*. Русские, рассказывая анекдоты о грузинах (или неславянах), стремятся выговаривать слова грузина на русском “как грузины”, подражая фонетическим и интонационным, в т.ч. невербальным особенностям.

« - Ты как в анекдоте, помнишь? Когда грузину говорят, что у него не мальчик. “А кто?” – Александр произнёс это с забавным южным акцентом и штопором поднял палец к потолку» (Робски: 2007, 270).

В анекдоте это воспринимается как сатира. Однако, популярный грузинский певец В. Кикабидзе со своим произношением не воспринимается как объект сатиры, принято называть это шармом. Такая же тенденция наблюдается сегодня, хотя и в саркастической форме, у русских блогеров в оценке речи президента А. Лукашенко.

Подобный взгляд встречается относительно белорусской трасянки, когда она звучит из уст ребёнка, многие видят в этом прелесть.

Трасянка – способ создания имиджа, источник аллегорий и метафоризации, средство насмешки над трасянкомыслящими.

Вместе с тем, применяя идеи Я. Мукаржовского о *эстетической функции*, которая при перемещении во времени и пространстве, от одного социального слоя или поколения к другому, может изменять свою позицию, сужать либо расширять сферу своего действия (МУКАЎOVSKÝ: 1966, 19), заметим, что то же

наблюдается в распределении функций трясанки. Изначальная, чисто негативная маркированность восприятия “разбавляется” приобретением новых функций – как средство подхода и начало пути к белорусскому (или русскому) литературному языку, стремление к нему приобщиться*. Другой подход – для сознательно владеющего белорусским, трясанка выступает: 1) социальным показателем, 2) средством несоздания конфликта, 3) средством иронии, 4) элементом креатива.

При всей нежелательности, трясанка чрезвычайно живуча, она перерастает границы разговорной речи, перерождается в начале века в элемент эстрадной культуры. Трясанка объединяет в себе *импульс к дальнейшему развитию языка и элементы отрицающие, разрушающие* современный устой.

Учитывая интонацию, ритм, темп, плавность голоса при произношении, можем констатировать разницу течения речевого потока в русском и близких ему белорусском и украинском, или языках неродственных – на основе исторической фонетической самобытности. Эти и другие показатели образуют многоярусный языковой организм, для поддержания жизнедеятельности которого необходима пища, которая не всегда внешне выглядит привлекательно; но в определённые моменты – перенасыщенности или крайнего ослабления – организм берёт необходимое (иногда как шоковую терапию) или выделяет ненужное.

Трясанка может стать фактором регенерации при условии существования единой орфографической нормы и белорусской школы в прямом смысле этого слова, когда школа будет учить белорусскому языку на белорусском.

* Аналогичное мнение высказывается и о суржике.

3. 2. Суржик

3.2.0. Определение суржика в словарях

Слово *суржик* зафіксовано В. Далем в его Толковом словаре 1882 года, оно приведено как синоним лексемы **сұржанка**.

«**СУРЖАНКА** ж. сұржанок, сұржик м. кур. орл. Нечистая пшеница, перемешанная с рожью, как иногда рождается; или, по народному поверью, перерод, переродившаяся пшеница, переводня. Некоторые южные хозяева утверждают, что есть годы, когда пшеница цветёт в одну пору с рожью, и что, при смежности полей, ржаной цветень наносится ветром на пшеницу, отчего рождается сұржанка. Сұржанковый хлеб, полубелый» (ДАЛЬ: 1881/1956, 362).

В новейших словарях:

«Суржик, -у, ч.1. Суміш зерна пшениці й жита, жита й ячменю, ячменю й вівса і т. ін.; борошно з такої суміші. 2. перен., розм. Елементи двох або кількох мов, об'єднані штучно, без додержання норм літературної мови; нечиста мова. Українсько-російський суржик» (ВЕЛИКИЙ ТЛУМАЧНИЙ СЛОВНИК СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ: 2004, 1217).

«Суржик, -у, ч.1. змішаний посів на одному полі озимої пшениці з житом; пшениця, змішана під час посіву з житом; змішане борошно з різних видів зерна. 2. Безсистемне поєднання окремих елементів двох або більше мов» (ТЛУМАЧНИЙ СЛОВНИК-МІНІМУМ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ: 2004, 522).

3.2.1. Дефиниции и возраст суржика

«Слово, в якому закодований цілий спектр етнонаціональних, суспільно-політичних негативів наче й чинить опір сказати сказати про нього щось спокійно-виважено, до того ж, по-моєму важко абстрагуватись від звуко символізму шиплячого ж: за даними психолінгвістики звуковий символізм приголосного приблизно такий самий, як і нечистої мови: "поганий, грубий, негарний, важкий, небезпечний, злий».

(СТАВИЦЬКА: 2001/2008)

Несмотря на то, что *суржик* в терминологическом значении зафиксирован словарями, тяжело найти его дефиницию без каких-либо эмоциональных комментариев. Существует целый ряд определений суржика, чаще крайне эмоциональных: *высшая степень духовного плебейства, плод кровосмешения, неполноязычие, коррозия языка, языковая аномалия, недоперевод, проявление национальной шизофрении, показатель духовно-интеллектуальной ущербности, полужычие, первый этап деградации языка* и др.

Суржик также определяют как *гиперинтерференцию* (Л. Ставицкая), *параинтерференцию* (В. Манакин), *промежуточный субъязык* (М. Стриха). Л. Масенко не относит суржик к *социолектам* и *жаргонам*. Часто подчёркивается *политическая подоплёка языковой рефлексии* (ЖИРОНКИНА: 2007: I). Суржик отличается от ocasionального использования макаронизмов не только насыщенностью чужим языковым элементом, но и соответствующим положением языкового сознания: стирается граница между двумя кодами, фактически исчезает этническая привязка (МАТЯШ: 2002: I); поэтому «суржикомовним» бывает тяжело обозначить свою национальную принадлежность (СЕРБЕНСЬКА: 2002: I).

Обобщение всего вышеприведённого формулируют Ставицкая – Труб:

«Суржик – это некодифицированный разговорно-бытовой стиль языка (речь), который возник вследствие массового продолжительного контактного украинско-русского двуязычия в его диглосной форме. Суржик возникает в результате системной интерференции на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях; он репрезентирован цельнооформленными лексемами – суржикизмами, которые накладываются на украинскую или русскую языковую основу; проявляется на базе региональных разновидностей украинского языка как языковой код в среде индивидов различных типов языковой компетенции, в разнотипных социально-корпоративных и коммуникативных сферах» (СТАВИЦКАЯ – ТРУБ: 2007).

В отличие от общепринятого мнения, что суржик начал развиваться одновременно с переселением деревенских жителей в города, Л. Ставицкая

замечает, что превалирующее большинство деревенского населения, бывшего неграмотным, и вынужденного учиться русскому, переход к этому языку осуществило посредством создания суржиковой смеси ещё до переселения в город.

«Суржик – язык города, переставшего быть украинским, но так и не ставшего русским, весьма эфемерное новообразование, вызывающее возмущение украинцев и снисходительные улыбки настоящих “русаков”. В середине XIX в. киевский язык немного подровнялся, подстроился под русский, но окончательно им не стал» (СТАВИЦЬКА: 2001/2008: I, перевод)⁶⁷.

По мнению Н. Мечковской, суржик старше трасянки более чем на 100 лет.

«Русификация украинцев и белорусов началась одновременно с включением их земель в состав Российской империи: в Украине – начиная от созданной Богданом Хмельницким Переяславской рады (1654), когда левобережная Украина с Киевом попала в растущую зависимость от Московского государства. В Беларуси начинается после I и II разделов Речи Посполитой (1772 и 1793 гг.). Ассимиляция была массовой и разнообразной по формам – как стихийной, так и целенаправленно осуществляемой правительством Империи» (МЕЧКОВСКАЯ: 2009, 45).

Закреплённость слова *суржик* как термина в современных словарях не переводит его, как и трасянку, в разряд безэмоциональных категорий, и среди лингвистов сохраняется доля недоверия – термины часто заключают в кавычки, указывая на *метаязыковые и оценочные рефлексии*, продолжающие вопрошать: «что же это – смесь зерновых, человеческий гибрид, языковая смесь, язык, ругательство, табу, стиль?» (СТАВИЦЬКА: 2001/2008: I, перевод)⁶⁸.

⁶⁷ (СТАВИЦЬКА 2001/2008: I) «Суржик – це мова міста, яке перестало бути українським, але так і не стало російським, досить ефемерне новоутворення, яке викликає обурення українців і поблажливі посмішки справжніх “русаків”. У середині 19 ст. кийвська мова трохи вирівнялася, підлаштувалася під російську, але остаточно такою не стала. Українська мова майже зовсім вийшла з ужитку і стала надбанням села».

⁶⁸ (СТАВИЦЬКА: 2001/2008) «Метамовна та оцінна рефлексії настільки значимі для суржику, що по суті визначають його існування як поняття, в той час, як власне лінгвальна сутність досить аморфна і розмита: «слово у спеціальних текстах часто береться у лапки так наче саме слово-метафора вийшло щойно з-під пера, хоча у довідкових виданнях фігурує як мовознавчий термін. Складається враження, що лапки мусять дистанціювати автора від

3.2.2. Концептуализация понятия

Суржик зафиксирован в словарях ранее, чем трасянка, но терминологическое оформление обоих лексем и концептуализация их как понятий приходится примерно на один и тот же период – постсоветский*.

«Через пять лет после Чернобыля провозглашена независимость Украины. Понятно, что концептуализация суржика заявила о себе в период установления украинской государственности, в языковых и околоязыковых поливекторных дискуссиях на тему, каким есть украинский язык и каким он должен быть. Именно в это время, в конце 90-х годов, украинский художественный дискурс представил такую модель языкового сопротивления, в которой суржик как устно-разговорная стихия подрывал нормы тоталитарной культуры с ее экспансией нормативного, стереотипного языка. Участились собственно метаязыковые комментарии относительно суржика в коммуникативном пространстве общества в целом и литературно-художественного дискурса в частности» (СТАВИЦКАЯ: 2007: 1).

Концептуализация понятия была подготовлена долгим процессом интерференции в советский период, проявлявшейся на всех уровнях. Стремление к инновации наблюдалось задолго до образования СССР, а в его диахронных рамках получило дальнейший толчок к развитию: популярный в советское время дуэт Штепсель и Тарапунько, в постсоветский период его активно использует яркий представитель современной украинской эстрады Андрей Данилко в образе Верки Сердючки.

“нечистої мови”, хоча їх наявність розмиває сутність поняття ще більшою мірою: що це – суміш зернових, людський гібрид, мовна мішанина, мова, лайка, табу, стиль?»

Л. Ставицкая связывает концептуализацию суржика с украинским постмодерном, опираясь на мнение Т. Гундоровой, привязывающей начало постмодерна к времени «после Чернобыльской аварии». То же можно заметить и о трасянке, в белорусском языке возникает сочетание «духоўны і моўны Чарнобыль». В Беларуси Чернобыльская авария дала прямой толчок к следующему этапу перемещения сельских жителей в города.

3.2.3. Психологические мотивы и истоки суржика

Мотивы и истоки возникновения суржика те же, что у трасянки, они связаны с долгим подчинённым положением национального языка в условиях отсутствия государственности, с вытекающей из этого невозможностью нормального развития языка и культуры. С. Воюш назвал трасянку способом *внутренней эмиграции*, О. Доний о суржике пишет: *“це типовий приклад української дулі в кишені”* (Доній: 2003: I) – тот же смысл выражен иными коррелятами, отражающими следствие смешения двух миров: западной и московско-евразийской цивилизаций в условиях этнополитической недоформированности, цивилизационной несамодостаточности, структурной и функциональной неполноты национального мира (Кісь: 2002: I). Оба явления находятся одновременно **в** и **вне** lingua.

3.2.4. Украинские журналисты и писатели о суржике

Общественный «Суд над суржиком», проведённый в Украине в стенах Киевского «Молодого Театра» (2004 г.), носивший шуточный характер, привлёк к показаниям «суржикофилов» и «суржикофобов» (Ульянов: 2004: I).

- ▶ *Суржик – милий покруч, химерний міщанець, кровозмісне дитя білінгвізму.* (Ю. Андрухович)
- ▶ *Суржик – это когда два языка образуют один – извращенный, неполноценный, несформированный.* (Я. ЗБОДРИВ)
- ▶ *Суржик нужно лелеять и сохранять, как и любой социально-культурный, лингвистический, субкультурный феномен.* (Ю. ИЗДРЫК)
- ▶ *У меня сложное отношение к суржику. С одной стороны, я понимаю, что суржик – это живой язык. Я позитивно отношусь к любому живому явлению. На суржике разговаривают, а значит, он делает возможной некую коммуникацию. Всё-таки это язык. С другой стороны, суржик блокирует передачу сообщений нормальным литературным украинским языком, который обладает всеми средствами для выражения любых мыслей и эмоций. <...> Для меня суржик – это определенная остановка, языковая импотенция, недоученность <...> Но мне все равно интересен этот феномен. Мне интересны нехорошие тексты. Они про что-то говорят. Суржик интересен, как нечто, которое про что-то свидетельствует.* (С. МАТВИЕНКО – критик, редактор газ. «КОМЕНТАР»)

- ▶ Суржик – это смесь мороженого и мыла. Не съесть и не помыться. (М. ПЕТРОВСКИЙ – литературовед)
- ▶ Суржик – это языковая реальность, которая бывает только у народов с тяжелой драматической историей. Это тяжелая болезнь, которая появляется в процессе подколониального существования народа, когда народ этот кем-то завоеванный. Суржик появляется в результате отсутствия державности. В Украине суржик – это результат русификации. Я знаю рецепт избавления Украины от суржика. Для этого нужно взять курс нормальной, европейской, полноценной, национальной страны украинского народа <...>. (А. ПОГРИБНОЙ – литературовед, профессор)
- ▶ Суржик обладает своей поэтикой. (Вл. ВОЙТЕНКО – телеведущий, журналист)
- ▶ Суржик – это языково-коммуникативное проявление национальной шизофрении. (А. ШУМИЛОВ – писатель)
- ▶ Суржик – это язык для духовно бедных. (А. ОКАРА – журналист)
- ▶ Лучшие суржик, чем русский; Пусть живет суржик!; Мы будем писать так, как говорим, и пусть другие говорят так, как мы пишем; Все языки – суржики! (О. ДОНИЙ)
- ▶ Суржик – природное явление. Судить его – это то же самое, что судить солнце за то, что оно светит, а ветер, за то, что он дует; Суржик – это не мост от русского языка к украинскому, а отдельное явление <...>. (А. ИРВАНЕЦ – писатель)
- ▶ Бедный тот народ, который идет к светлым вершинам путем суржика <...>; Когда чистый украинский язык возродится, суржик будет явлением прошлого, которое лишь отражало наши колониальные времена <...>. (А. ПОНОМАРИВ – профессор филологии)
- ▶ Суржик можно винить лишь по пункту «Загрязнение воздуха»; Суржик – это первый признак комплекса провинциальности. (Н. КНЯЖИЦКИЙ – тележурналист)
- ▶ Ярлычки создают ненужное противостояние. Есть русский диалект украинского языка, есть украинский литературный язык и есть украинский разговорный диалект – суржик. (П. СОЛОДЬКО – писатель)
- ▶ Язык – это энергетический и космический код, который есть у каждой земли и народа, и который объединяет нас с нашим прошлым и будущим; Люди начинают говорить на суржике, когда у них появляется комплекс неполноценности. (Н. ПОЗНЯК – поэтесса, переводчик)

- ▶ Если запретить людям в Украине говорить на суржике, то жизнь остановится; Не всегда можно встретить такую креативную нацию, которая бы могла из двух языков породить один гибрид. Нужно уважать нацию, способную создавать такое <...>; Носители суржика – это такие «мичуринцы». Их нужно уважать, они – ученые <...>. (В. РАДЧУК – глава «Общества украинского языка» КНУ им. Т. Шевченко)
- ▶ Этимология доказывает, что суржик был всегда. (М. ВЭРЭСЭНЬ, журналист)
- ▶ Суржик – это урод, который породила 350-и летняя власть Российской Империи; Суржик – это результат русской оккупации. (Ю. ПОКАЛЬЧУК – писатель)
- ▶ Почему-то вина суржика лишь в том, что в нём есть русизмы. Если во Львове много полонизмов, то мы этот язык не осуждаем, суржи́ком не считаем, но если украинец говорит с вкраплением русских слов, то мы считаем это позорным. То есть, мы признаем полонизмы, так как Польша – это Европа, а русизмы мы не признаем – это влияние Азии?; Защищая суржик, я защищаю городскую культуру и городской язык; Суржик – это элемент городского сленга; Почему польский язык + украинский язык – это результат общности, а русский + украинский – результат оккупации? (А. КОКОТЮХА – писатель, журналист)

Данные высказывания отражают неоднозначную оценку нестандартных языковых инноваций: агрессивная разговорная форма, значительно отличающаяся от стандарта, вступает в конфликт с нормированным литературным языком. В данном случае можем говорить о языковом и психологическом сдвиге у носителей белорусского и украинского языков.

“Проблема языкового изменения явно заключает в себе глубокое противоречие” (КОСЕРИУ: 1963, 145), – это противоречие свидетельствует о том, что *живой язык не является созданным, а непрерывно создаётся языковой деятельностью* (КОСЕРИУ: 1963, 157).

В случае сильного давления мажоритарного языка, миноритный проявляет гипертрофированное стремление к развитию, обусловленное желанием восполнить свою структуру, это происходит в условиях, когда нарушены его системные уровни. В такой ситуации миноритный язык близок к

физическому и ментальному коллапсу*. Языковой **коллапс** – острая системная недостаточность, обусловленная падением статуса языка, недостаточным объёмом составляющих его уровней и валентных связей между единицами. Нарушенный обмен в языковом организме приводит к закономерному стремлению любыми силами восстановить утраченную работоспособность. Поэтому два противоположных полюса, на которые помещают трясянку и суржик, отражают стремление к перерождению языков, одновременно характеризуют состояние их современной неполноты, нарушения системности.

3.3. ТРАНСКОД

3.3.0. К введению термина ТРАНСКОД

Близкие языковые явления (о которых шла речь в предыдущих главах) *трясянку* и *суржик*, дефинируемые сегодня как *социолингвистический феномен*, автор данной работы предлагает определить единым понятием **ТРАНСКОД**.

3.3.1. Исходные понятия

ТРАНСКОД (транс + код)

Транс- имеет устоявшуюся прозрачную семантику, т.к. являясь давним заимствованием из латинского, входит в состав лингвистической терминологии (*транскрипция, транслитерация, транслатология*), многих устоявшихся терминов (*трансфузия, трансфер, трансмиссия, трансплантант*) и общепонятных слов (*трансляция, транспорт, транссексуал*); в силу прозрачности семантики *транс-*^{69,70} кажется удобным в качестве составной части предлагаемого термина.

* Коллапс – (лат. *collapsus* ослабевший, упавший), употребляется прежде всего как медицинский термин, также в терминологическом значении встречается в других областях: гравитационный, транспортный коллапс, – несёт общее значение крайнего критического состояния, результатом которого может быть смерть, разрушение, значительная трансформация.

⁶⁹ (AKADEMICKÝ SLOVNÍK CIZÍCH SLOV: 1995, с. 773)

Вторая часть составного термина – известный в лингвистике термин код (см. 1.4.).

3.3.2. Источники

К созданию термина **ТРАНСКОД** автора привели следующие источники:

1. К. Балеевских «Писатель-билингв: свой среди чужих?»;
2. Р. Барт «Лингвистика текста»;
3. Я. Мукаржовский «Опыты» (Исследования по эстетике и теории искусства);
4. Ю. Караулов «Русский язык и языковая личность»;
5. Е. Верещагин, В. Костомаров «Язык и культура»;
6. У. Эко «Отсутствующая структура»;
7. И. Евин «Синергетика мозга».

Trans, -u m. <l> hovor. stav vzrušení vedoucí až ke změně stavu vědomí; transový [-zo-]

Trans- <l> předp. jmenná s význ. přes, kt. vyjadřuje 1. přesahování nej. meze, stupně, polohy 2. směr napříč, z jedné strany na druhou 3. polohu za něčím z urč. hlediska 4. chem. Jeden ze dvou geometrických izomerů lišících se jen vzájemným prostorovým vztahem dvou substituentů

Trans- <l> předp. slovesná s význ. přes, za, pře- 1. vyjadřující přesahování, překročení, nej. hranice 2. vyjadřující směřování z jedné strany na druhou, z jedné oblasti do druhé 3. vyjadřující pronikání něčím 4. vyjadřující přetvoření, přepracování, přeměnu

70 (Тлумачальны слоўнік беларускай мовы 1977: 507)

Транс, -у, м. Спец. Форма псіхічнага расстройства, якая выяўляецца ў бессвядомых учынках і дзеяннях. Упасці ў транс. // Кніжн. Павышаная нервовая ўзбуджанасць, якая суправаджаецца стратай кантролю над сваімі ўчынкамі.

Фр. [transe.]

ТРАНС... Першая састаўная частка складаных слоў, якая азначае: а) рух цераз якую-небудзь прастору, перасячэнне яе, напрыклад: трансарктычны, трансатлантаны, трансакіянскі; б) размяшчэнне за межамі чаго-н., напрыклад: трансальпійскі; в) перадача ці абзначэнне пры дапамозе чаго-н., напрыклад: транслітарцыя.

Лац. [trans – цераз, скрозь].

1. К. Балеевских «Писатель-билингв: свой среди чужих?»

В статье, посвящённой литературному билингвизму, приводя многочисленные цитаты о билингвизме, К. Балеевских акцентирует внимание на «факт «ухода» в чужую языковую систему, то есть смену творческого языка»; обосновывает правомерность замены термина *писатель-билингв* на *транслингв* как более объективно отражающего суть явления. Термин **транслингв** достаточно ёмок, уточняя функцию двуязычного писателя, отделяет его от билингвов функционально, как творческую личность – межкультурного посредника.

2. Р. Барт «Лингвистика текста»

Статья Р. Барта «Лингвистика текста», посвящённая различным методам и традициям научного исследования текста (в этнологии, литературной критике, анализе содержания, лингвистике), предлагает объединить различные подходы в отдельный раздел – лингвистика (связного) текста (*linguistique du discours*) или **транслингвистика**.

«Отправной точкой для построения транслингвистических систем служит естественный язык, речевая деятельность (*langage*); однако эти системы не совпадают с языком, являющимся, как известно, объектом лингвистики. Функция последнего ограничена рамками коммуникации как таковой; системы, изучаемые транслингвистикой, имея языковую природу, также, разумеется, выполняют эту коммуникативную функцию, но в них она модифицируется и осложняется целым рядом вторичных функций; хорошо известно, например, не только то, что художественное произведение представляет собой определённое сообщение, но также и то, что это сообщение служит пропагандистским, эстетическим, развлекательным, ритуальным и т.п. целям, и что эти цели привносятся в него вовсе не случайно, а определяются социальным кодом. Назовём объект транслингвистики (связным) текстом (*discours*) по аналогии с (собственно) текстом (*texte*), изучаемым лингвистикой, и определим его (пока предварительно) как любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причём связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся к собственно языку (*lingua*)» (БАРТ: 1978, 444).

Р. Барт предлагает отталкиваться от лингвистики, и в её пределах *верхней* границей объектов рассматривать уровень предложения. Ссылаясь на Э. Бенвениста, он дефинирует предложение как комплекс составляющих, поддающийся сегментации, но не входящий в более крупные единства, предложение он называет последним уровнем интеграции языковых знаков, уточняя, что само предложение знаком не является – поэтому уровнем предложения заканчивается лингвистика и начинается область связного текста.

3. Я. Мукаржовский «Опыты» (Исследования по эстетике и теории искусства)

Я. Мукаржовский проводит подробное исследование эстетической функции и её параметров, способов проявления в различных видах искусства, определяет факторы, влияющие на развитие эстетических категорий.

4. Ю. Караулов «Русский язык и языковая личность»

Языковая личность рассматривается как объект лингвистического исследования, позволяющий проведение систематического анализа с учётом четырёх фундаментальных языковых свойств: 1) личность как *средоточие и результат социальных законов*; 2) *продукт исторического развития этноса*; 3) *имеет обусловленную связь с психической сферой*; 4) *личность как создатель и пользователь знаковых, системно-структурных образований*».

5. Е. Верещагин, В. Костомаров «Язык и культура»

Дефинируется и категоризуется понятие *фоновые знания*, современной лингводидактикой характеризующиеся как неотъемлемый компонент при обучении чужому языку. В их структуре выделяют: 1) общечеловеческие знания, доступные представителям всех национальностей (в зависимости от образования и индивидуальной заинтересованности) 2) региональные сведения (связанные с географическими условиями), 3) сведения, которыми располагают все члены определённой этнической и языковой общности – уровень пересекающийся с областью психологии, обусловлен менталитетом и отражает бессознательное национальное, не поддающееся точным дефинициям.

6. У. Эко «Отсутствующая структура»

Книга о семиотическом исследовании, рассматривающая факты культуры как факты коммуникации в соотнесении с кодом. Автор творчески работает над вопросом: *«всегда ли отправление и дешифровка сообщений при получении осуществляются на основе одного и того же кода. Ответ, который дает на этот вопрос не только теория коммуникации, но вся история культуры и все данные социологии общения, однозначен: нет <...>».*

7. И. Евин «Синергетика мозга»

Рассматриваются гипотезы о природе работы механизмов головного мозга как сложной системы. Употребляя понятие критического состояния, опираясь на работы А. Тьюринга, Г. Хакена, В. Крюкова, П. Бака, С. Келсо, автор работает над теорией самоорганизованной критичности, применяя её к возможным критическим состояниям.

3.3.3. Понятие ТРАНСКОД

Транскод – гибкая, динамично развивающаяся, разветвлённая, нестандартная языковая система, объединённая поливалентными связями с субкодами нескольких языков. Его возникновение вызвано психологической адаптацией носителями миноритного языка ментальной матрицы мажоритарного, родственного языка, и обусловлено значительным идеологическим прессингом.

Представители миноритной нации, находясь под влиянием мажоритарного корпуса, усваивают его лингвокультуремы через язык и литературу: изучение русской литературы как родной в советской школе и национальной как иностранной (по количеству часов); навязывание общих (подмена понятия – русских) идеалов как своих собственных. Объединяющая функция принадлежит идеологической базе, т.к. она преобразует национальный способ мышления, вымывает национальные идентификаторы и создаёт новый пласт «культурных» понятий – вносит *общесоветский ментальный компонент*, который сейчас принято называть постсоветская «совковость».

Транскод проникает и проходит сквозь все субкоды национальной социально-коммуникативной системы. Транскод пронизывает не только структуры чисто языковые, но все сферы национального пространства, он связан с адаптацией неродного ментального континуума.

Транскод - редкое психолингвистическое явление, возникающее в результате долгого, неравноправного взаимодействия двух родственных контактирующих языков, находящихся в отношениях мажоритарный : миноритный, где мажоритарный язык распространяет влияние всех своих субкодов в сферу компетенции миноритного языка, постепенно вытесняя (или заменяя) их, используя при этом идеологический компонент как основной двигатель общей политики воздействия.

Ассимиляция довлеющих кодов приводит к „языковой аллергии“, вызываемой существованием лакунарности, в т.ч. в самых близких культурах (языках). Генетически близкие явления проявляют на психологическом уровне несовместимость, указывая на невозможность абсолютного слияния двух ментальных картин в одно целое. Пресс идеологии при навязывании мажоритарной матрицы закономерно вызывает стремление миноритного языка избавиться от впитанной идеологической избыточности.

Транскод отражает *совмещение* и *отторжение* (генетическую несовместимость родственных компонентов на психологическом уровне), на речевом уровне несовместимость выражается в возникновении *фонетической неприязни*, вызываемой *чужой фономаркированностью*, что ярко отражают украинские анекдоты*.

* Украинский анекдот:

- *Мыкола, знаешь, як москали називають наше пиво?*
- *Як?*
- *Пиво!*
- *Як, як?*
- *ПИво!*
- *Пубивав би гадив!*

Транскод – психолінгвістическе явление, развивающееся на базе родственных языков, родственное, но не тождественное креольским языкам, пиджинам, социолектам, нациолектам, просторечию, сленгу.

3.3.4. Транскод и пиджины

В отличие от **пиджинов**, имеющих упрощённую грамматику и небогатый словарь, обслуживающий отдельные коммуникативные ситуации, **транскод** имеет *двойной набор лексических вариантов*, т.к. использует лексику двух языков, кроме того, *не ограничены сферы его применения*, употребим как *литературно-художественное, стилистическое средство, метафора*, связан с социальным подтекстом, обладает *ярко выраженными полярными коннотатами*.

От **пиджинов** **транскод** дистанцирует **вариативность, поливалентность, позитивная либо негативная эстетическая и эмоциональная маркированность**, его возникновение не обусловлено непониманием языка-гостя. Носитель пиджина овладевает лишь минимальным количеством элементов чужой матрицы в силу того, что они трудны для осмысления, **возникновение транскода обусловлено хорошим владением** не отдельными элементами, а **своей и чужой матрицей в значительном объёме**.

Примитивность пиджинов, обусловленная малым набором лексических единиц, определяет их как языки бытового уровня, некомпетентные в реализации отвлечённых, категориальных понятий. Предельно простой понятийный аппарат не позволяет поставить их в один ряд с бинарным широковалентным набором связей, которыми обладает транскод. Лексический багаж (ФАРІОН: 2002: I)⁷¹ пиджина не вторгается в область подсознательной ассоциативности, не активизируется в метафорике и вторичной номинации интеллектуального (небытового) порядка.

⁷¹ (ФАРІОН: 2002, 38) «Світоглядна зумовленість лексики сягає неабияких глибин підсвідомої асоціативності з огляду на принцип вторинної номінації, особливо ж у загальнонародних метафорах».

Транскод, хотя и употребляется на бытовом уровне, выходит далеко за его рамки (напр., устный официально-деловой стиль в первый срок президента А. Лукашенко). Употребление элементов транскода часто встречается в текстах популярных песен и публицистике – от одного слова⁷², словосочетания⁷³, до вставки одного или нескольких предложений в русский текст, либо употребления в русском тексте белорусских паремий. Эта тенденция в белорусской русскоязычной прессе наблюдается давно.

3.3.5. Транскод и креольские языки

«Креольские языки (креолы) – языки, формирующиеся в результате развития пиджинов. Иногда пиджин может стать единственным языком сообщества, члены которого достаточно тесно связаны между собой, и начать использоваться во всех видах общения (а не только, например, в торговом), в т.ч. внутри семьи. Т.о. для нового поколения такой пиджин становится родным, а часто и единственным языком. Этот процесс называется нативизацией, или креолизацией пиджина, а новая ступень развития контактного языка – креолом» (ОНЛАЙН ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КРУГОСВЕТ: I).

В отличие от креольских языков, транскод не является родным языком, он неоднороден и территориально вариативен, его распространение среди населения крайне неравномерно и непропорционально. В принципе, нативизация транскода возможна при абсолютном отсутствии целенаправленной языковой политики*.

⁷² Напр., в интернет-комментариях: Nikol': *„В коммерческом медцентре врача «жэстачайшэ» наказывают, если он опоздал на прием, и пациенту пришлось ждать хотя бы 5-10 минут (знаю достоверно)».*

⁷³ (ЛИТОВ: 2008)

«Строя свою работу, «бацька Камароў» организовал полевые комендатуры, которые были призваны исключить мародёрство в деревнях».

* В этом смысле на данный момент ситуация белорусская выглядит более проигрышно, чем украинская, потому что, во-первых, русификация Украины не была равномерной, Западная Украина остаётся плацдармом национального языка, во-вторых, после распада СССР Украина целенаправленно проводит политику украинизации, переводя школы на украинский как главный язык обучения. В Беларуси русификация в меньшей мере затронула Западную Беларусь, которая официально вошла в состав СССР в 1939 г., но

Транскод в отличие от креольских языков и пиджинов функционально квантитативен, ему присущи такие функции, как: *коммуникативная, номинативная, эстетическая, стилистическая, экспрессивная, метафорическая, идентификационная*. Выполняя *метаязыковую* функцию, он является одновременно *разделяющей границей* и *связующим звеном* между двумя языками, связывая две ментальные картины мира, стремится заполнить лакуны обеих культур, т.е. создать своеобразный универсум, где безэквивалентность любого порядка одного языка (культуры) может быть объяснена субсоставными другого языка (культуры). Нельзя трактовать такую замену как недостаточность или неполноценность контактного миноритного языка, образующего транскод.

«Язык – это условие или инструмент языковой свободы, понимаемый как историческая свобода, а инструмент, которым пользуются, – это не тюрьма и не оковы. Жалобы на “недостаточность” языка, если они не просто риторические, либо представляют собой косвенное признание беспомощности в области выражения, либо объясняются знанием чужих языков, предлагающих говорящему другие возможности. Для одноязычных субъектов их родной язык всегда достаточен» (КОСЕРИУ: 1963, 186).

Транскод создают билингвы, в сознании которых совмещено хорошее знание матриц двух культур. Несмотря на степень владения вторым языком, в отличие от творца пиджина, для которого естественна тенденция к бытовой оценке другой культуры с позиции собственных бытовых ценностей, **транскодирующий билингв не находится в стадии этноцентризма.**

«В этом смысле культуру можно сравнить с окном, через которое человек воспринимает действительность. При межкультурной коммуникации этноцентризм приводит к оценочным суждениям типа "хорошо" или "плохо" относительно изучаемой или взаимодействующей культуры» (СЫСОЕВ: 2004: I)

фактическое объединение в единое государство можно относить лишь к 50-ым гг. XX в. (см. 5.2.3.), этот регион значительно отличается не только в языковом плане (полесский микроязык), но иной самоидентификацией населения. Школ с беларусским языком обучения в Беларуси мало, их количество постоянно сокращается; ситуация в сравнении с украинской более проигрышна и в силу значительно меньшей численности населения.

Конкретно в белорусской ситуации широкий кругозор обусловлен образовательным наследием советской школы, напр., Пушкин, Лермонтов и созданная ими тема Кавказа стала „своей“, а Суворов, после подачи советскими школьными учебниками с русской позиции, воспринимается как освободитель, ему стоит памятник и музей в г. Кобрине, хотя его „вклад“ в белорусскую историю – кровавая расправа над белорусским населением.

Создатели пиджина чаще воспринимают носителя языка-гостя посредством *бессознательного восприятия* через сложившиеся *стереотипы чужой*, и чаще *исторически устаревшей компетенции* (устоявшиеся клише в характеристике различных наций: немецкая пунктуальность, французский шарм, русская зима, украинское сало), с поправкой на изменившиеся условия, с учётом собственного контактного опыта создают свой портрет гостя.

«Ономасиологический портрет» (Hominis Ethnici) – "инородца", – представителя отдельного этноса или псевдоэтноса, определяется как "наивное знание" о инородце или о группе в целом, оказавшееся запечатлённым в лексической системе языка» (БЕРЕЗОВИЧ – ГУЛИК: 2002: I).

Для носителей транскода ономасиологический портрет носителя языка-гостя – давно присутствующая, основанная на личном опыте и школьном обучении категория, подкреплённая фоновыми знаниями.

«Фоновые знания как элемент массовой культуры, подчиняясь её общей закономерности, разделяются на актуальные и фоновые знания культурного наследия. Последние нестабильны: то, что было всем известно вчера, нередко перестаёт быть актуальным сегодня» (ВЕРЕЩАГИН – КОСТОМАРОВ: 1976, 218).

В ситуации, когда пиджин переходит в креол, его носители стремятся к овладению *актуальными фоновыми знаниями*, не всегда имея *базисные знания культурного наследия* языка-гостя. **Носители транскода владеют багажом знаний культурного наследия языка-гостя.** Однако в современной ситуации (в силу государственной самостоятельности) нет выраженного стремления к усвоению *актуальных фоновых знаний* языка-гостя. Последующие поколения, не овладев *знаниями культурного наследия*, ни *актуальными фоновыми знаниями* языка-гостя, не будут владеть чужой матрицей в такой степени, как их предки

(поколения, выросшие в СССР). **Намеченные в пиджине и транскоде инновации по своему характеру являются разнонаправленными.**

Пиджин, креол и транскод характеризуются «незаконностью» наложения одной языковой системы на другую, однако *пиджины и креолы образуются неродственными языками, транскод - порождение близкородственных языков*, свидетельствующее о *лабильности национального сознания, одновременно о существующей несовместимости отдельных элементов психологического характера, проявляющееся в языке прежде всего фонетической неприязнью.*

3.3.6. Транскод и социолект

Определение трасянки и суржика как социолекта не совсем верно изначально. Определяя разницу между территориальным и социальным диалектами, М. Петерсон в начале XX в. обращал внимание на различие отношений.

«Результатом социального дробления являются также – специальные языки. В принципе их существование так же естественно как и существование диалектов; различие заключается только в том, что они существуют не один около другого, как диалекты, – а один над другим» (ПЕТЕРСОН: 1927, 15).

Говоря об изменениях в языке, М. Петерсон опирается на три аспекта: (1) функции языка, (2) причины изменений языка, (3) факты языка, как средство восстановления культурно-исторических явлений.

Социальный диалект, с учётом стремления к замкнутости и непонятности, основан на одном базовом языке.

Транскод, являясь смешанным речевым средством, бинарен по своей природе, базируется на средствах двух языков.

Транскод имеет свои этапы развития, начальный можно обозначить как *интерлект* (т.к. его положение – между двумя языками). Транскод вырастает из **интерлекта, возникающего в результате идиологически маркированной языковой интерференции**, и выходит за его рамки. Маркированный идеологически интерлект – детство транскода, переходный возраст – выход за

территориальные рамки рождения (из деревни в город), взросление – переход в транскод – *выход за рамки одной социальной группы и приобретение иных функций*. Транскод, как любое языковое явление, имеет тенденцию к дальнейшему развитию, в результате чего:

- 1) язык миноритной нации с помощью транскода может ассимилировать носителей мажоритарного языка, проживающих на миноритной национальной территории;
- 2) при этом язык, изменившись сам (степени могут быть различными), имеет возможность увеличить количество носителей и за счёт представителей мажоритарной нации;
- 3) язык миноритной нации может умереть.

Развитие транскода (Т.) можем обозначить следующей схемой:

		видоизменённый национальный язык (НЯ1 +- Т. = НЯ2)
интерлект ⇒	Транскод (Т.) <	
		смерть языка

3.3.7. Транскод и нациолект

Под **нациолектом** понимаем разновидность мажоритарного языка, долгое время господствовавшего в чужом национальном пространстве, сложившуюся в национальном государстве под влиянием национального языка. В нашем случае это русский язык на постсоветском пространстве, в

каждом государстве имеющий свои особенности, в разной степени ассимилированный национальными языками.

Нациолект фактом своего присутствия способствует развитию транскода, имеет с ним общие черты, в большей степени их объединяют фонетические маркеры, оба явления в разной степени ненормированы и вариативны, каждый отдельный носитель нациолекта и транскода проявляет свои особенности.

3.3.8. Транскод и просторечие

«Просторечие, занимая срединное, промежуточное положение в системе языковых и культурных стратов, несёт в себе признаки всех сопредельных подсистем языка: деревенских говоров, региолектов, многочисленных профессиональных подязыков и социальных арго и жаргонов. Попадая в просторечие, элементы этих подсистем «обкатываются» в живом массовом употреблении, приспособливают свою семантику к общезыковым потребностям и занимают соответствующую нишу по отношению к языковому стандарту, или кодифицированному литературному языку» (ХИМИК: 2000, 11).

Просторечие, широко представленное в русском языке, в Беларуси и Украине не оформилось, или, не успело сформироваться – не произошла стратификация национального языка на все необходимые составные. Транскод по своей функции близок к просторечию, особенно в плане обеспечения им эстетической функции городской массовой культуры, но не отвечает его требованиям в лексическом плане – **выходит за рамки одного языка**.

Русское просторечие связывают с *городской культурой*, которая ассоциируется с определениями *массовая, популярная, низкая* – таким образом подчёркивается её доступность и распространённость, противопоставленность *элитной*. Определение «низкая» (ХИМИК: 2000) *выражает позицию этой культуры на шкале оценок относительно «высокой» элитарной культуры*».

Транскод выступае в ролі яркаго стылістычнага сродства*.

В. Химик, прыводзя рэды адпаведнасцей: (1) літаратурны язык – элітарная культура, (2) просторечце – «трэцяя» культура, (3) наречця, гаворы – народная культура, (4) арг – традыцыйна-прафесійная культура – зазначае, што для абодвух рэдаў можна прымяняць тэ жа стратыфікатары: (1) *норміраваннасць – ненорміраваннасць*, (2) *наддыялектнасць (надтэрытарыяльнасць) – дыялектнасць (тэрытарыяльная расчлененнасць)*; (3) *адкрытасць – закрытасць (сферы, сістэмы), стабільнасць – нестабільнасць*. (Химик: 2000, 8)

Прымяняючы гэтыя крытэрыі да транскода, можам дэфініраваць яго як (1) *непрэрывна развіваючуюся адкрытую сістэму з бінарным языковым наборам, дзе выбар валентнасці любога парадка, в сілу анармаціўнасці і*

* Спектакль «Войцэк» Георга Бюхнера, паставлены на сцэне Тэатра Беларускай Драматургіі нямецкім рэжысёрам М. Добравлянскай сумесціў у языковым полатне ўсе прысутствуючыя сёння ў Беларусі языковыя коды, уключаючы трасянку.

(ФАРЫДОВІЧ: 2007) «Спадарыня Моніка зазначыла:

«Для мяне было цікава расказаць пра сённяшнюю Беларусь. Герой – беларус, Войцэк – беларус».

Выканаўца ролі Войцэка Сяргей Кавальскі сказаў, што стараўся стварыць абагулены вобраз зламанага беларуса. Але ў гэтай зламанасці акцёр, разам з тым, бачыць нашае выратаванне. <...>

Моніка імкнецца надаць свайму спектаклю больш рэалій з нашым часам. Дзеля гэтага Войцэк носіць савецкую целагрэйку і армейскія выцвілыя штаны.

Мастачка спектакля Алена Ігруша лічыць гэта творчай удачай ў сваёй рабоце над «Войцэкам»:

«Тое, што носіць Войцэк, – гэта і зэк і нашыя насілі, і людзі ў вёсках, і жаўнеры носяць. Вельмі ёмкае адзенне, якога няма больш ні на якой прасторы. Толькі ў нас».

Але галоўнае, паводле спадарыні Дабравлянскай, што збліжае яе «Войцэка» з сучаснай Беларуссю, гэта – мова.

У спектаклі прадстаўнікі армейскай улады – філосаф-капітан (у выкананні Алега Гарбуза), і маніякальны доктар (Ганна Хітрык) размаўляюць па-руску. Просты люд (тая ж Хітрык у ролі зайздроснай суседкі, тамбурмажор, якога грае Аляксандр Малчанаў, Святлана Зелянкаўская ў ролі жонкі Войцэка і, безумоўна, сам Войцэк) – размаўляюць на трасянцы і часткова па-беларуску.

Моніка гаворыць: «У нашым спектаклі ёсць руская мова, і трасянка, і амаль чыстая беларуская мова. Я думаю, што гэта вобраз беларускага грамадства».

территориальной вариативности, зависит от конкретного носителя; 2) как систему, проявляющую тенденцию к созданию норм*.

3.3.9. Транскод и русский сленг

Сленг в России сегодня 1) активный элемент просторечия, 2) активное стилистическое средство в языке художественной литературы и СМИ, 3) язык блогов, 4) элемент эстрадного креатива, 5) элемент языка политики, 6) элемент рекламы. Также как транскод, вызывает крайне полярные оценки, что свидетельствует о *субъективном* восприятии нестандартных явлений носителями языка. По Я. Мукаржовскому: *эстетизм* может проявляться в *полярных пунктах* – вызывать удовольствие, умиление и восхищение, и наоборот, неудовольствие, раздражение, вплоть до отвращения; эстетическое восприятие зависит от многих факторов, в том числе, и прежде всего *субъективных*.

«1. Эстетичность не является сама по себе реальным свойством вещей, и не является однозначно привязанной к некоторым их характеристикам. 2. Эстетическая функция вещей не находится в полной власти индивида, хотя с чисто субъективной точки зрения что угодно может приобрести (либо наоборот утратить) эстетическую функцию, невзирая на своё функционирование. 3. Стабилизация эстетической функции является компетенцией коллектива, а эстетическая функция является составной отношений между человеческим коллективом и миром. Потому определённое размещение эстетической функции в мире вещей привязано к конкретному общественному образованию. Способ, которым данный общественный коллектив к этой функции относится, предопределяет в конце концов и объективное формирование вещей с целью эстетического воздействия и субъективное эстетическое отношение к вещам. Тенденции к расширению либо сужению эстетической области, - факты социальные, проявляются всегда целым

* об этом свидетельствует существование интернетового переводного словаря (<http://www.pravapis.org/trasianka.asp>), вводя русский текст, пользователь получит его на трасянке.

комплексом параллельных симптомов» (MUKAŘOVSKÝ, 1966: 24 - 25, перевод)⁷⁴.

Сленг – языковой эпатаж, основанный на русской лексической базе с использованием заимствований, пересмотренных сквозь русскую ментальную призму с учётом национального опыта и/или опосредованного знакомства с инонациональными особенностями. Сленг и *транскод* переоформляют заимствования на базе собственной фонетики, для них характерна ярко выраженная оценочность, маркированность, метафоричность, эпатажность, неоднозначная оценка со стороны активных/пассивных носителей.

3.4. Функциональные отличия транскода от родственных явлений

Закономерно возникает вопрос, почему некоторые языки имеют *сленг* как лексико-стилистический код, и почему белорусский и украинский языки – *трасянку* и *суржик*? Ответить на вопрос поможет понятие норма. Унормированный, кодифицированный и нормально функционирующий язык на определённом этапе стремится к демократизации средств выражения; наряду с официально принятыми начинает действовать стихийная “норма”, разрушающая сила её составляющих – “бомбардирующих” элементов не наносит большого урона сформированному, а потому сильному каркасу языка. Язык, выполняющий свою основную функцию – коммуникативную, способен воспринимать, адаптировать чужие элементы и отсеивать языковой мусор.

⁷⁴ (MUKAŘOVSKÝ: 1966, 24 – 25) «1. Estetično není ani samo o sobě reální vlastností věcí, ani není jednoznačně vázáno k některým jejich vlastnostem. 2. Estetická funkce věcí však není ani úplně v moci individua, třebaže z čistě subjektivního stanoviska může cokoli nabýt (nebo naopak postrádat) estetické funkce bez ohledu na své utváření. 3. Stabilizace estetické funkce je záležitost kolektiva a estetická funkce je složkou vztahu mezi lidským kolektivem a světem. Proto jisté rozložení estetické funkce v světě věci je vázáno k určitému společenskému celku. Způsob, jakým se tento společenský celek k estetické funkci staví, předurčuje konec konců i objektivní utváření věci za účelem estetického působení i subjektivní estetický poměr k věcem. Tendence k rozšiřování nebo zužování estetické oblasti, jsouce fakty sociálními, projevují se vždy celou řadou souběžných symptomů».

Некодифицированный язык, или язык, имеющий нефункционирующие уровни, подобен организму человека, у которого перед болезнью была нарушена одна из функций. *Вирус (стихийная и непредвиденная языковая инновация)* вызывает при болезни неадекватную реакцию, т.к. организм не обладает полным комплексом защитных сил. В таком положении оказались языки народов СССР, вынужденные в советский период реставрировать национальные ресурсы почти исключительно в сфере художественной литературы, при этом язык не выполнял свою главную функцию. Именно потому, что их развитие шло неестественным путём, сленг не мог родиться, а так как интерференциальные явления достаточно сильны, русский сленг заимствуется национальными языками, как и русский мат.

“Физиологически” отличаются каркасы трёх восточнославянских языков, среди них русский сильный и устойчивый. Его систематизация была дооформлена в советское время, когда остальные языки были ограничены в возможностях. Физиологическое нарушение языкового каркаса (невыполнение основной функции), который в досоветское время не был самодостаточен, а в советское не мог полноценно развиваться, привело в белорусском и украинском языках к явлениям неадекватным, неожиданным (невозможным) в языках унормированных, как английский, русский. Постсоветские языки, не успевшие сформировать прочный языковой каркас, заимствуют русский сленг и инфильтрируют его через собственное национальное видение. В современных украинской и белорусской литературах также потребляется русский сленг.

«Бо греки називали його Понт Авкiнський, потiм уже Понт Евкiнський а вже згодом – просто Понт. Пiсля чого турки понтовались i знову питались*

* языковая игра заключается в использовании исторического названия в примарном значении **Понт Авксинский** как исторического названия Чёрного моря (составная часть которого **Понт** сегодня является сленговой единицей, обозначающей элемент скрытой агрессии, стремление показать себя в лучшем свете, выше остальных на какой-либо социальной ступени), а также одновременным приведением образованной от *понт* в его секундарном значении следующей сленговой единицы *понтовались* (в значении 'показывали себя', 'гуляли', 'хвастались', 'старались произвести впечатление') – как совмещение низкого и высокого, своего и чужого, актуального – устаревшего.

його переіменувати ув Карагенді, але наші предки не дозволили допустити цього й назвали його просто і любовно: Руське море» (Жолдак: 2001, 77).

Посредством ментальной инфильтрации сленговые единицы приобретают новые оттенки и утрачивают примарное, созданное русской метафоричностью содержание, создавая *вторичную ментальную метафору*.

В тряснянке, как и в русском сленге, беларусская метафора вкладывается в русскую лексему, этим достигается а) комический эффект, б) сниженность, в) завуалированность. Метафора и в том, что оставаясь собой, не утрачивая своих основных качеств, но пользуясь иным способом языкового поведения, тряснянкоговорящий переходит в иную психологическую плоскость.

В отличие от сленга, транскод в качестве заимствованной использует русскую, и в меньшей мере иностранную лексику, заимствованную опять же через русский язык, интерпретируя её на своей ментальной и фонетической базе. *Транскод и сленг – явления эпатажные, экспрессивные, их цель – служить понятным, простым, доступным, и в то же время образным средством. Языковой эпатаж (как и любой) совмещает крайние черты: негативные и позитивные, поэтому не может вызывать однозначную реакцию и оценку.*

Транскод также использует русский сленг.

Русский сленг, в отличие от других аналогов, выходит за рамки социолекта. Он рождается и начинает своё развитие в рамках социолекта, но его особенность в стремительно быстром вхождении в речь всех без исключения социальных слоёв, и литературный язык уже не может обойтись без сленга, его употребление стало неписанной нормой публицистического стиля, языка власти, детей и пенсионеров, – т.е. он перерос социальные и возрастные рамки, и подобно транскоду, проявляет тенденцию к проникновению во все стили языка. Лингвисты выделяют разряд общего сленга, к которому причислено порядка 300 единиц.

Однако *русский сленг* не является транскодом, т. к. базируется на наборе *средств одного языка*. Хотя тенденция к заимствованиям велика, они идут в

большинстве из английского (неродственного). Транскод использует средства двух языковых систем (родственных), а в том числе и русский сленг.

К объединяющим характеристикам обоих явлений относится метаязычность, т.к. их структура часто – *это речь о речи, речь в речи*. В письменной форме метаязычность отражается в употреблении кавычек.

3.5. Транскод как языковая инновация

Транскод – *языковая инновация, сдвиг, но не языковое изменение*. Начальная стадия развития транскода как интерлекта, вызываемого к жизни довлеющим идеологическим прессингом и социально обусловленным ролевым поведением (также как отдельный носитель языка изменяет свою языковую и поведенческую маску при переключении кода родного языка (официальность – неофициальность и т.д.)). Носитель транскода находится в более сложном положении, в каждой конкретной ситуации он находится в поле действия *двух одинаковых кодов разных языков*, т.е. поставлен перед выбором средств языкового и ментального поведения – часто ориентированных на взаимоисключающие ценности. Каждый из двух кодов имеет *общепонятные и индивидуальные (незаменимые) компоненты*, требующие трансляции в поле понимания билингва, эти компоненты можно, по аналогии с лексикой, назвать *безэквивалентными**, образующими лакуны. Ментальная схема носителя языка более устойчива в одном варианте, при наличии иноментальной компетенции (фоновых знаний) отдельные её компоненты могут дополняться и взаимозаменяться, приходиться в шаткое состояние. Наложение двух фонетических (и ментальных) систем выявляет элементы взаимоисключающие, которые являясь нормой в одном, не вписываются в систему понятий в другом языке. Поэтому они действуют как раздражители. В положении билингва между двумя кодами (субкодами) происходит *частичное переключение*

* не исключено наличие этих элементов в других языках и ментальных схемах, но их набор будет всегда другим, строго индивидуальным.

ментальных компетенций, т.к. некоторые субсоставляющие находятся в противостоянии. Лакуны в течении коммуникативного акта требуют вербального и невербального заполнения.

При пользовании транскодом – некодифицированной системой, носитель не контролирует своё языковое поведение, т.к. подсознательно ориентирован на систему лучше усвоенного с детства языка, а *вместе с тем* на правила того языка, которые были лучше усвоены при оцениваемом обучении (школьном, вузовском), т.к. *оцениваемые знания стимулированы социально* – основаны не только на врождённой (генетической) ментальной компетенции, но и „улучшенной“ путём целенаправленного познания (не)своей культуры через освоение культурного наследия, чтение древней и современной литературы.

Стабильными социолингвистическими маркерами на речевом уровне являются фонемы, различающиеся в контактирующих языках, их маркированность несёт двойную информативность.

Транскод объединяет кодифицированные и некодифицированные элементы обоих кодов (трасянка и суржик употребляют русский сленг и мат); поддерживается общим *советским ментальным слагаемым*, сформированным в результате:

- 1) изменения социального уклада в начале XX в. и привлечения народов СССР в единую систему с единым социальным строем;
- 2) лагеризацией многонационального населения, поставившей народы на грань выживания, создавшей экстремальный би(поли)лингвизм;
- 3) ориентацией на создание единого советского народа, в результате – формирование сознания советского человека („совкового“), заложенного на общих идеалах и принципах;
- 4) существования единой Советской Армии, насаждавшей не только языковой эталон, но и поведенческий (обучение ментальным конфликтным и неконфликтным способам поведения);

5) сосредоточения всего в центре*.

Транскод близок, хотя и в разной степени, вышеперечисленным в данной главе явлениям. Транскод – это социализированное языковое поведение, для понимания которого постороннему требуется «социокультурный ключ».

Э. Сепир предостерегает от поверхностного анализа культурных стереотипов: *«В результате оказалось фактически возможным интерпретировать как низменное то, что в конкретной культуре обуславливается самыми благородными и даже святыми мотивами, и, наоборот, видеть альтруизм и красоту там, где ничего подобного ни подразумевается, ни ощущается»* (СЕПИР: 2001, 597).

Транскод – результат крайне идеологизированной гиперинтерференции, при которой психологическое познание своей нации происходило не посредством изучения своей культуры/языка, а через изучение мажоритарной культуры/языка, т.е. *усвоение примарного уровня генерировалась через секундарный*. При таком „обучении“ возникает эффект „несогласованности“, когда читающий (не каждый носитель языка!) начинает воспринимать русскую культуру как что-то своё, вместе с тем, имея в запасе своё – ещё более близкое и понятное, не требующее масштабного изучения.

3.6. Граница между транскодом и стилистическим приёмом с использованием трясанки/суржика – опыт определения

Границу между транскодом и стилистическим приёмом с использованием элементов (литературно-художественным или эстрадным креативом) провести тяжело, её нельзя определять количеством использованных интерферем.

* Для РФ остаётся актуально и сегодня: Москва – культурный центр: напр., анекдот: *Внимание, говорит Москва, остальные работают*; идея центризма культивируется активно русской эстрадой и поныне, напр., в песне Тимати «Песня о Москве».

Определяющим параметром транскода можно считать *неосознанность* употребления элементов двух языков, этот параметр тесно связан со следующим – *ситуацией общения*, которая заставляет говорящего придать высказыванию дополнительный смысл. «<...> будучи включено в ситуацию рассказывания, оно может стать объектом коммутации следующего порядка <...> Иначе говоря, до тех пор, пока высказывание не соотнесено с ситуацией, оно остаётся с точки зрения связного текста лишь не имеющей значения пропозициональной функцией» (БАРТ: 1978, 446).

Второй параметр – *текстовая оформленность* тесно связан к вышеперечисленным. Предложенная Р. Бартом характеристика предложения как последнего лингвистического и первого транслингвистического уровня, который должен перейти в текст, непосредственно соотносящийся с социальной практикой, приводит и к осмыслению *ролевого поведения* (а также к очертаниям границ: что можно считать транскодом, и что им не является).

Главной задачей Р. Барт объявляет изучение референций, говоря о том, что текст необходимо рассматривать «не только как множество с отношениями дистрибуции», но и как «множество с иерархическими отношениями», при которых совмещается описание и сегментация текста, а также возникает возможность описать «рубеж, на котором знаковая система получает выход в социальную и историческую практику». При этом необходимостью является взаимодействие с историей, психологией, эстетикой, т.е., областями, связанными с национально-культурным (ментальным) компонентом, которые в современной лингвистике объединены в понятие *фоновые знания* (см. 3.3.2., п. 5.). Р. Барт вплотную подходит к необходимости учёта и использования *страноведческого дискурса*, в то время ещё не имеющего современной дефиниции.

Таким образом, различие между изобразительно-выразительным средством (элементами трясанки/суржика) и транскодом можно определить рамками и типом ограниченной и неограниченной коммуникации. Если при создании художественного, эстрадного, газетного текста автор использует отдельные элементы, *он при этом ставит какую-либо цель*, чаще эти цели

многоплановы: 1) создание метафоры, 2) отделение двух понятных, но разных по природе, явлений, 3) при обращении к народу – игра на идентификаторах, стремление показать свою свойскость, 4) способность быть одновременно в и вне двух контекстов, т.е. в пограничном положении.

Транскод следует представлять как *связный текст, представляющий содержательное единство, продуцируемый неосознанно*. Как только продукция текста переходит в осознанное русло, когда говорящий/пишущий осмысливает почему и для чего он так говорит/пишет, речь идёт о элементах, средствах, приёмах. Транскод – категория области связного текста. Отдельные лексические единицы или вставные конструкции в кавычках, либо в ином метаязыковом выражении транскодом не являются.

Транскод – текстовый континуум, обусловленный (1) неосознанным выбором языковых средств, его „исполнитель“ не задумывается при их выборе, (2) не ставит каких-либо специфических задач, (3) продуцирует свои мысли средствами, приходящими в данной ситуации как примарные.

4. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, БЕЛАРУСЬ, 2008 год

4.0. Основные аспекты полевых исследований

4.0.1. Общая характеристика

При полевых исследованиях, проведённых автором работы в июле 2008 г. в Беларуси, был использован *метод включенного наблюдения*, при котором письменное анкетирование было в большинстве случаев совмещено с последующей беседой, разговором на близкие темы: *развитие белорусского языка, присутствие белорусского языка в исследуемом регионе, официальный статус и реальное положение языка, домашние языковые ситуации, положение языка в 90-е годы, местные диалекты и др.* – темы не были инициированы автором работы, респонденты о них говорили сами, желая показать свою принадлежность и включённость в исследуемую ситуацию, что часто позволяло дефинировать самооценку респондента как крайне субъективную, вместе с тем, дополняло общую картину множеством оттенков.

4.1.0. Цели

Исследование не предполагало изучение трасянки в её языковом проявлении, его **целью** было выявить 1) *знают ли респонденты слово трасянка как термин*, 2) *как относятся к трасянке*, 3) *употребляют ли её*, 4) *условия и причины „прихода“ респондента к трасянке.*

4.1.1. Специфика исследуемого региона

Для исследования был выбран специфический город Западной Беларуси. Брест – областной центр брестского Полесья с населением 300 тыс. человек, тяготеющий к культурно-коммуникативной сфере *полесской микрокультуры*. Этот языковой континуум, значительно отличающийся от остальных белорусских областей, что, с одной стороны, не даёт возможности полной аппликации полученных результатов на общую картину, с другой стороны,

отражает общие и различные тенденции и даёт материал для сравнения с исследованиями (ЖАНТО: 2001 (результаты исследований, проведённых в 1994 – 1998 годах в г. Минске), ЛИСКОВЕЦ: 2002, ЛУКАШАНЕЦ: 2006, HENTSCHEL: 2008, ЗАПРУДСКИ: 2008), проведёнными ранее.

Национальная картина города пестра, в нём проживает значительный процент неэтнического населения: (1) русских и русскомыслящих, значительная часть из которых – военные пенсионеры советской армии и их семьи, представляющие особую категорию по отношению к белорусскому языку, 2) украинцев, т.к. Брест находится в пограничном треугольнике Беларусь – Польша – Украина (в силу престижного статуса города, миграция украинцев не прекращается и сейчас). Поликультурный микс населения Бреста предопределяет иное отношение к белорусскому языку, чем в центральной Беларуси, т.к. он отмечен региональным местным полесским патриотизмом, который всегда был дистанцирован от белорусского. Этим культурная картина Бреста отличается от Минска, в следствие чего описываемую языковую ситуацию правильнее характеризовать как полилингвальную, в которой менее проявляются белорусские фонетические черты (отсутствие дзекания и цекания, отсутствие полного акания и якаяния), и в большей степени присутствуют черты микроязыка Полесья, имеющего больше сходных фонетических черт с украинским языком.

4.1.2. Позиция исследователя

В проведении полевых исследований очерчивается проблема *выбора позиции исследователя – «подчеркивается ли его нахождение внутри описываемой ситуации или, наоборот, его отстраненность от ситуации»* (ЛИСКОВЕЦ: 2000). В идеале должны быть объединены *некая отстраненность интервьюируемого, степень которой может варьироваться и создавать различные проблемы. Основной помехой в белорусской ситуации часто называют политическую zaangażированность респондентов* (ЛИСКОВЕЦ: 2000).

В исследовании, проведённом в г. Бресте, названная проблема респондентами „игнорировалась“, на вопрос анкеты № 34 (*Нужна ли языковая политика, если да, то какой она должна быть?*) (см. **Приложение № 6**) респонденты просто не отвечали – ставили прочерк или отвечали: *да, нет, не знаю*. В устном общении лишь один респондент акцентировал внимание на части вопроса, отшутившись, что *всё, что касается политики, это проблема, а я не знаю, не окажутся ли эти анкеты на Леваневского**. Однако ни в одном случае не было выраженной агрессии (как это было в опросах ЛИСКОВЕЦ: 2000).

Проблема «легенды» исследователя, как таковая, не стояла, треть из опрошенных составили родственники (в т.ч. школьники), бывшие соседи и знакомые, примерно третья часть – сослуживцы и коллеги родственников (врачи, учителя, студенты), продавцы близлежащих магазинов, аптек, риэлторских контор и турагентств. Такой *способ внедрения* определял исследователя в глазах респондентов с одной стороны как „своего“, но одновременно «непричастного к актуальной ситуации», и исключил проявления негативизма в открытой форме. Некоторые (3 человека) просто отказались заполнять анкету, отшутившись, либо сославшись на нехватку времени, исключив тем самым конфронтационные ситуации.

В описываемом исследовании, позиция исследователя, как человека, родившегося и владеющего национальной матрицей, но не живущего в Беларуси 10 лет, дала возможность более отстранённого анализа, вместе с тем принадлежность и определённое положение „внутри“ – возможность видеть инерцию в изменении подхода к интерпретации национального языка.

* На ул. Леваневского в г. Бресте располагался РОВД

4.1.3. Теоретические константы

Выбор методик исследования был основан на традиционных подходах к полевым исследованиям, были учтены некоторые замечания (ЛАБОВ: 1975), которые не всегда можно решить путём предварительного планирования:

- 1) *Стилевые сдвиги.* Информанты обнаруживают сдвиг в некоторых переменных при изменении социального контекста и темы;
- 2) *Внимание.* «<...> стили можно расположить по значениям одного единственного параметра - по степени внимания, с которым говорящий относится к речи <...>»;
- 3) *Спонтанная речь;*
- 4) *Официальность* (ЛАБОВ 1975: 119 - 120)

У. Лабов также называет параметр „доброкачественные наблюдения“, которых можно достигнуть систематическим наблюдением, что в данном исследовании не являлось возможным, проведённое исследование основано на наблюдениях несистематических. Параметр „парадокс наблюдателя“, имеющий цель: *выявить то, как люди говорят, когда за ними не наблюдают*, который Лабов непосредственно связывает с предыдущим, частично удалось „улучшить“ тем, что в отдельных случаях ситуации помогли сломать жёсткие рамки интервью (тем способом, что интервью вообще не предполагалось), иногда этому способствовала непринуждённая обстановка, отвлекающая внимание и вызывающая спонтанную речь. Чаще отношения *спонтанность : официальность* вообще не приходилось решать, т.к. большинство опрошенных Респондентов как **официальную форму** воспринимали заполняемую ими **анкету**, т.е. письменную форму, комментарии, возникшие по ходу заполнения вопросы, не воспринимались Респондентами в устном разговоре как продолжение официальных отношений, они были *эмоциональными, спонтанными, не ограниченными формальными рамками написанного.*

4.1.4. Установки респондентов

В анкетах и в устных беседах часто проявлялся аспект, подчёркиваемый многими исследователями – *„говорящий воспринимает себя не как говорящий вообще, а как говорящий в какой-то своей роли“*, – следствие этого обычно воспринимают как *полевой брак* (АДОНЬЕВА: 2000: I). В данном случае, когда исследование не касалось трясанки как *текста*, а определения *отношения* к ней как *явлению*, *отсутствие сообщения* как такового, компенсированное спонтанными эмоциями и комментариями, нельзя рассматривать как *брак*. Они лишь подчёркивают *неофициальность* данного явления и дают возможность интерпретировать материал с других точек зрения, подтверждают факт, что в проводимом исследовании не был закрыт эмоциональный коридор.

В целом, и в большей степени в устном общении, респонденты – мигранты (неуроженцы г. Бреста), подтвердили сильное *влияние негативных гетеростереотипов* (Кісь: 2002), способствующих ускорению этносоциальной маргинализации переселенцев, стремящихся как можно скорее раствориться в окружающей среде, *«чтобы не наталкиваться на иронию и осуждения»*.

Следующим аспектом, который также прослеживается в подобных исследованиях, было проявление стремления соответствовать определённому сложившемуся стандарту: *как нас видят, воспринимают и оценивают другие, и чего от нас ожидают* (Кісь: 2002), или *гиперкоррекция на сущностном уровне* (ЛИСКОВЕЦ: 2000), проявляющаяся у некоторых респондентов желанием угодить, дать *„правильный“*, *„ожидаемый“*, по мнению респондентов, ответ.

4.2. Анкета

В анкете респондентам предлагался 41 вопрос (1 печатный лист – 2 страницы) (образец см. **Приложение № 6**). Предлагаемая для выполнения анкета была составлена на белорусском языке, в случае если респондент задавал вопрос, на каком языке нужно заполнять, он получал ответ: *на любом*. При выборе языка анкеты предусматривалась *возможность выбора* (самостоятельного

или разрешенного), чтобы возможные коммуникативные коридоры не были для респондента ограниченными в силу недостаточного знания белорусского языка, одновременно преследовалась „провокационная“ цель – определить количество респондентов, владеющих или ориентирующихся на белорусский язык.

У автора работы была возможность сравнивать письменные и устные высказывания большинства из опрошенных. Часто более интересные мысли были высказаны респондентом вслух, но не фиксировались им в анкете.

4.3. Данные анкет. Краткая характеристика респондентов

Исследование охватило в целом 82 респондента и было проведено преимущественно в г. Бресте (62 анкеты), 8 респондентов опрошены в г/п Новоеल्या, Гродненской обл. и 12 респондентов из разных населённых пунктов.

Анкета была предложена людям разных возрастных категорий (см. **Приложение № 7. Таблица № 1**), не все анкеты были заполнены полностью. Младшие респонденты: 11-летние школьницы, а старшей из опрошенных было 83 года. Половину опрошенных составили респонденты среднего возраста (41 из 82): 24 человека от 21 до 30 лет, и 17 человек в возрасте от 31 до 40 лет.

Более чем треть опрошенных (29 из 82) – люди с высшим образованием, 27 респондентов имеют среднее специальное или среднее техническое образование (см. **Приложение № 7. Таблица № 2 и № 3**). Национальный состав представлен белорусами (65 из 82), русскими – 7 человек, украинцами – 4 человека, 4 респондента свою национальность не назвали, 11-летняя школьница, испытывая затруднения, указала белоруска/азербайджанка, и один из респондентов назвался литвином.

4.4. Результаты анкетирования

4.4.0. Общие показатели

Нужно отметить, что отношение к белорусскому языку, по результатам анкет отражает общую ситуацию (см. Приложение № 7. Таблица № 4).

Почти половина респондентов (брестчан) не знают, что такое трясанка (см. Приложение № 7. Таблица № 5), некоторые в анкете поставили прочерк, некоторые ответили, что не понимают или не знают, что это такое. Ответы на вопрос о трясанке наиболее сложны, для того, чтобы их объективно отразить в таблице, т.к. и те ответы, где респонденты ответили, что к трясанке относятся положительно либо отрицательно, имеют широкую шкалу оценочных рефлексий.

4.4.0.1. Отношение Респондентов к трясанке

Выявлено как положительное, так и отрицательное отношение к трясанке (см. Приложение № 7. Таблицы № 6, 7, 8). Положительным видится то, что респонденты-учащиеся в поисках объяснения обращались к словарю (в 3 анкетах было написано, что в словаре такого слова нет). Встречаются ответы из области народной этимологии (в устной форме один из респондентов предположил, что трясанка это *состояние во время алкогольного опьянения*, следующий предложенный вариант – *сито*, третий – *картофелеуборочная машина*).

1) **Положительное отношение** к трясанке высказали 14 из 82 респондентов (-1 респондет ассоциирует трясанку с картофелеуборочной техникой). Шкала положительных оценок разнообразна: *нормально, вполне нормально, хорошо, положительно, нравится, отлично*. Трясанка связывается респондентами с *языком деревни, местным диалектом, языком родителей*, 3 респондента дистанцируют себя от носителей трясанки, определяя свой переход на неё причиной «*когда разговаривает собеседник*».

2) **Отрицательная оценочность**, которую выразили 13 из 82 респондентов, также имеет широкий спектр: *не симпатизирую, неположительно, плохо, очень плохо, негативно, отрицательно, безобразие*. Среди названных причин, вызвавших такое отношение к трасянке: *народ должен говорить на родном языке; не украшает (портит) белорусский язык; бывает непонятно, что человек говорит*. При отрицательном отношении 3 из 12 респондентов написали, что трасянкой пользуются.

3) 10 из 82 респондентов дали неоднозначные ответы на вопрос об отношении к трасянке, в целом эти ответы отражают общую картину и утверждают уже названные функции трасянки: функция стратификации, идентификационная: *в деревне воспринимается нормально, в городе режет слух*; эмоциональная: *используется как стилистический приём – чтобы что-то подчеркнуть или в шутку; для «ёмкого словца*; шаблонный способ языкового поведения: *может оно и плохо, но привычка*. Респонденты не считают трасянку проблемой, но способом проявления своеобразной толерантности: *не считаю, что это хорошо, но потому что население разных национальностей, отношусь нормально; потому что живём и слышим русский, польский, украинский и белорусский языки*. Респонденты отмечают, что **используют трасянку по разным причинам: в деревне, потому что так проще общаться**, определяют употребление трасянки как *надобность, потребность*.

4.4.1. Региональные особенности:

г/п Новоелья Гродненской области

Респонденты, опрошенные в Гродненской обл. (8 из 82) (см. **Приложение № 7. Таблица № 10**), слово трасянка понимают, и осознают, что её употребляют, двое из них назвали трасянку *языком домашнего общения*. Язык, названный респондентами в г./п. Новоелья Гродненской обл. *русским языком*, с точки зрения лингвиста, можно дефинировать как местный диалект белорусского языка, ни в коем случае как нациолект; он сильно отличается от русского языка (обозначенного респондентами в г. Бресте), т.к. брестский русский у многих носителей можно назвать именно вариантом нациолекта.

4.4.2. Фактор субъективной самооценки на частном примере одной семьи

Интересен пример заполнения колонок 6 и 8 (вопросы: 1) *Какой язык считаете родным?* 2) *На каком языке говорят ваши родители?*) Анкету заполняли члены одной семьи: мать и две дочери (д. Дывин Брестской области) (см. Приложение № 7. Таблица № 11); языком домашнего общения каждая называет иной, а с учётом того, что мать называет домашним языком белорусский, а дети языком родителей русский, можно судить о крайней субъективности многих самооценок.

4.4.3. Выводы

В целом анализ анкет (см. Приложение № 7. Таблица № 9 *Общая сводная таблица*) даёт следующие результаты:

(1) свидетельствуют о крайней субъективности самооценки языкового поведения (об этом же замечания БРАЙТ: 1975), респонденты чаще не в состоянии реально дефинировать, на каком языке они говорят;

(2) в силу обыденного сознания и незнания понятия *трасянка*, респонденты склонны называть языком домашнего общения *русский*, что в практике не соответствует действительности, коммуникативные средства представлены *широкой шкалой*: белорусский нациолект русского языка, белорусские диалекты, *трасянка* со множеством региональных вариантов;

(3) отражают симптом переписи населения (1999) когда 85,6% белорусов назвали родным языком белорусский, при этом 58,7% не использует его как домашний язык;

(4) отражают тенденцию, привитую школьным обучением – за объяснением непонятого обращаться к словарю;

(5) подтверждают мысль, что национальный язык живёт в сознании (таков же вывод ЖАНТО: 2001, 218), как специфический национальный продукт,

символ идентификации, способный активизироваться в определённой ситуации;

(6) респонденты подтверждают, что положение белорусского языка ненормально, в тоже время указывают на его *необязательность* (подобные результаты исследований, проведённых в г. Минске (1994 – 1998 (ЖАНТО: 2001):

«В своём большинстве их дети обучаются на русском, но они выступают за обязательное изучение также и белорусского языка. Используя известные метафоры, можно сказать, что они хотят, чтобы их дети одновременно изучали “язык хлеба” и “язык сердца”. Но в современных условиях большая часть отдаёт приоритет “языку хлеба”» (ЖАНТО: 2001, 215).*

(7) респонденты проявляют стремление избегать вопросов, связанных с политикой, стоят на *позиции несоздания конфликта*;

(8) би/полилингвизм не воспринимают как проблему;

(9) при неиспользовании языка как коммуникативного средства, респонденты часто проявляют стремление к выполнению *идентификационной роли*.

* “Язык хлеба” и “язык сердца” - известные и популярные метафоры. “Язык хлеба” - язык, благодаря которому человек получает возможность заработать себе на жизнь. “Язык сердца” - как правило, первый язык, приобретённый в детстве, «его родной очаг, вне зависимости от его важности и могущественности» (MARVAN: 2008, 110), язык эндосферы, язык, с которым себя человек идентифицирует сам.

5. К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ К ФОРМИРОВАНИЮ ПРИНЦИПОВ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В БЕЛАРУСИ

5.1. О языковой политике Беларуси XX - XXI вв.

5.1.0. Этапы языковой политики

Целенаправленная языковая политика, ориентированная на национальный язык, имела место в Беларуси лишь дважды в недавней истории: в начале и конце XX в., всё остальное время язык борется за выживание.

- ▶ 20-е – 30-е годы XX в. – политика беларусизации в рамках СССР;
- ▶ 90-е годы XX в. – „постколониальное переосмысление“ ценностей, символики, обращение к национальному языку (для большинства беларусов потерянному как коммуникативное средство).

5.1.1. Первый период беларусизации, 20-30-е годы XX века

Этот период, принято характеризовать как наиболее благоприятный период для развития беларусского языка, что действительно так:

- 1) начинается создание новой традиции, ориентированной на национальные корни, бурное языковое и литературное творчество;
- 2) лексикографическая работа: создание словарей, разработка терминологии;
- 3) беларусизация проявляется и в умеренной коренизации*.

* Коренизация – политика, проводившаяся в 20-30-е годы XX в. в союзных республиках и национальных регионах, заключающаяся в целенаправленном привлечении местных национальных кадров на руководящие должности, в партийную и советскую администрацию с целью укрепления власти.

5.1.1.1. Особенности периода

Нужно отметить, что в названный период одновременно происходят следующие процессы:

- 1) Беларусь находится в поле постоянных политических переустройств и государственных преоформлений⁷⁵;
- 2) процесс беларусизации на национальной территории не является процессом всеобъемлющим, охватывающим всё население республики, он

⁷⁵ Источник: **История Беларуси в датах**, <http://icpo.at.tut.by/historyr.html>

9.03.1918 г. Провозглашение Белорусской Народной Республики (БНР).

18.03.1918 г. Переименование Рады Всебелорусского съезда в Раду БНР.

25.03.1918 г. Провозглашение независимости Белорусской Народной Республики (БНР).

ноябрь – декабрь 1918 г. Освобождение Беларуси от немецких захватчиков.

1.01.1919 г. Провозглашение Советской Социалистической Республики Белоруссия (С.С.Р.Б.)**. Создание Временного рабоче-крестьянского правительства Беларуси во главе с Д.Ф.Жилуновичем.

** (ШАРУХО: 2006, 166) «При образовании Белорусской Народной Республики (БНР, 25.03.1918) территория составила почти 300 тыс. км². Границы БНР в основном совпадали с границами основного ареала расселения белорусов <...> включала территорию нынешней Беларуси, части современных Брянской обл. и г. Брянск, Смоленской обл. и г. Смоленск, небольшой участок Тверской обл., южную часть Псковской обл. (часть быв. Витебской губ.), Белосточкины (ныне Польша), Виленского края и г. Вильно (Вильнюс), восточную часть Латвии (быв. часть Витебской губ.) с г. Двинск (Даугавпилс). Территория ССРБ (провозглашена в Смоленске; 300 тыс. км²) в начале 1919 г. мало чем отличалась от территории БНР (за вычетом Вильно, Брянска, но с «плюсом» за счет некоторых территорий современных Псковской и Смоленской обл.)»

1.01.1919 – начало 1920-х гг. частичное действие на территории Беларуси законодательных актов РСФСР.

2-3.02.1919 г. I Всебелорусский съезд Советов. Принятие первой Конституции С.С.Р.Б. Выборы ЦИК Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (ЛитБелССР).

1919-1939 г. Полонизация западных территорий Беларуси.

март 1919 г. – октябрь 1920 г. Польско-советская война.

31.07.1920 г. Принятие «Декларации о провозглашении независимости БССР».

ноябрь – декабрь 1920 г. Слуцкое восстание.

14-18.12.1922 г. IV Всебелорусский съезд Советов. Решение о добровольном вхождении БССР в состав СССР”.

30.12.1922 г. I Всесоюзный съезд Советов. Принятие Декларации и Договора о создании СССР.

проходит параллельно с аналогичными процессами национальных меньшинств на территории Беларуси: евреев, поляков, литовцев⁷⁶;

⁷⁶ (ЛЕЙЗЕРОВ: 2002) приводит различные факты из истории развития национальных культур в Советской Белоруссии в период первой беларусизации XX в.:

“А. Поляки

В первые же послереволюционные годы в Белоруссии появились польские школы <...> Возникли и «польские» классы в белорусских школах.

№№ Учебный год Польские школы Белорусские школы п/п с «польск.» классами

1.	1925/1926	98	Нет данных
2.	1926/1927	111	79
3.	1927/1928	138	93

Для подготовки преподавателей польского языка в 1923 г. в Минске был открыт Польский педтехникум, а в 1925 г. в Белпедтехникуме (Минск) было введено преподавание польского языка для работы в белорусских школах с «польскими» классами. <...>

В 1926 г. начала выходить республиканская газета на польском языке. В Минске работало польское книгоиздательское общество «Культура». В 1927 г. с образованием Института Белорусской культуры (Инбелкульт) был создан польский сектор <...> .

Б. Литовцы

В 1924-1925 гг. <...> в Белоруссии появились первые государственные литовские школы: в селах Рукшицы и Ускуля Полоцкого округа (1925). В 1926 г. было открыто еще 6 литовских школ, в 1927 г. – еще 2. Практически были охвачены все населенные пункты с компактным проживанием литовского населения. При Наркомпросе появилась должность инспектора литовских школ. В 1927 г. в структуре Института белорусской культуры была образована кафедра истории Литвы. В Минске начала выходить газета на литовском языке.

В. Евреи

Государственные еврейские школы появились в Советской Белоруссии вскоре после революции 1917 г., и уже в 1921 году учебой <...> было охвачено 10 445 детей. В 1924 г. в республике работало 129 еврейских школ, спустя два года – 182 (без Гомеля и Речицы). <...> в царской России на каждую тысячу еврейского населения было лишь 25 учеников, а в Советской Белоруссии к середине 20-х годов их было уже 110.

Учителей для еврейских школ готовили три еврейских педтехникума (Минск, Витебск, Гомель). Число подготовленных ими учителей с каждым годом росло: 1924 – 14, 1925 – 52, 1926 – 80, 1927 – 128. В 1926/27 гг. При Белорусском Госуниверситете имела Еврейская секция <...> В Горьковской сельхозакадемии работала еврейская кафедра. Процент еврейских студентов в разных вузах был разным и колебался от 7% в Ветеринарном институте до 3 954 в Белгосуниверситете.

<...> в 1921 г. в Минске возникла первая государственная еврейская труппа. Развивалось книгоиздательское дело, и в 1925-1926 гг. уже вышло в свет 14 книг на еврейском языке.

В 1926 г. при Инбелкульте было образовано Еврейское отделение (экономика и история БССР). В его состав входили 10 действительных членов и 14 членов-сотрудников. В 1927-1928 гг.

3) вторая Конституция, действовавшая с 1927 г. по 1937 г., не дала языку титульной нации никаких привилегий, т.к. государственными были признаны 4 языка⁷⁷.

«Конституция БССР 1927 года <...> В государственных и общественных учреждениях и организациях республики устанавливалось полное равноправие белорусского, еврейского, русского и польского языков. В соответствии со ст. 23 Конституции опубликование важнейших законодательных актов производилось на этих четырех государственных языках. <...> Рабочими языками на Белорусском радио, кроме белорусского, были литовский, латышский, польский, русский, еврейский языки и эсперанто» (ЛЕЙЗЕРОВ: 2002).

Кроме названных ограничений и действительно высокой продуктивности, период этот был чрезвычайно коротким. Конец 30-х годов стал концом национального обучения: « <...> точку в этом вопросе поставило Постановление ЦК ВКП(б) и СНК от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении

отделение было преобразовано в Еврейский отдел с целым рядом комиссий: исторической, лингвистической, литературной, социально-экономической, фольклорной.

Для ведения судопроизводства на национальных языках в Белоруссии были созданы национальные камеры (участки): 6 еврейских (Минск, Гомель, Витебск, Бобруйск, Мозырь), 3 польских (Минск, Витебск, Могилев) и 1 латышский. Их полномочия распространялись на всю территорию округа. (17) Только еврейскими национальными камерами в 1926 г. было рассмотрено 1902 уголовных и 4762 гражданских дела”.

В 1934 году национальная политика в БССР сделала резкий поворот, и уже в октябре этого года, то есть спустя всего 13 месяцев после образования последнего нацсовета, началась их ликвидация. <...> Абсолютное большинство актов, которыми упразднялись или реорганизовывались нацсоветы, не было мотивировано. Лишь отдельные из них содержали такой мотив, как «большинство крестьян говорит на белорусском языке» или «крестьяне читают только белорусские газеты».

В отдельных актах Президиума ложно утверждалось, что нацсоветы были «образованы во вредительских целях» <...>

В 1939 году с национальным образованием в республике было покончено. В годы террора многие руководители национальных советов и органов просвещения были репрессированы по обвинению в шпионаже в пользу стран, являющихся их „исторической родиной”.

⁷⁷ Языковые вопросы отражаются в государственной символике, сравним гербы и издания 5 Конституций Беларуси XX в. (1919, 1927, 1937, 1978, 1994 гг.) (кроме них действовала Конституция СССР 1924 г.) (см. Приложение № 8). Герб Белорусской ССР (1926 - 1937), в соответствии со второй Конституцией, содержал надпись «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на четырех языках - белорусском, русском, польском, еврейском (беларусский вариант изменялся: до 1927 г. «Пролетарыі ўсіх краёў, злучайцеся!», с 1927 г. «Пролетары ўсіх краін, злучайцеся!»), с 1937 г. «Пролетарыі ўсіх краін, злучайцеся!»).

русского языка в школах национальных республик и областей», которое в марте-апреле продублировали все союзные республики. За этим последовали реальные мероприятия, такие, как увеличение количества часов на изучение русского языка, расширение подготовки учительских кадров и соответствующей методической базы» (РАТКЕВИЧ: 2009, 66).

Данный период характеризуют односторонне, как *только* период беларусизации, т. к. сам по себе этот процесс был значительным и чрезвычайно важным, но упускается то, что национальная политика была дифференцированной и разграниченной, совмещённой с аналогичными национальными, и в том числе религиозными⁷⁸ процессами на территории Беларуси, в условиях непрерывных территориальных переделов⁷⁹, – всё это способствовало дальнейшему

⁷⁸ (МАРТОС: 2003) цитирует обращение Я. Барановского, изданное в августе 1927 г., из которого можем почерпнуть следующие сведения: 1922 г. – один из самых острых моментов церковной разрухи и безвластия в Церкви («народнения обновленческой смуты»); в Минске, «в среде церковных людей возникла мысль оградить свою местную Церковь от тяжких потрясений, выдвинув в качестве спасательного якоря идею самобытности Белорусской Церкви и ее права на национальное самоопределение. Здоровый церковный инстинкт самосохранения и прогрессивное течение религиозной мысли гармонически сочетались в этом идейном движении, тем не менее акт провозглашения Белорусской митрополии 23 июля 1922 года, радостно встреченный всем православным населением Минского края, был подорван в своем истинном значении засилием обновленчества и потому не дал всех своих благодетельных для Церкви результатов. Дальнейшая полоса церковной жизни Минской епархии, хотя и вернула староцерковничеству его настоящее место, также мало благоприятствовала законному стремлению православной Белоруссии к устройению своей церковной жизни на началах полной независимости (автокефалии). Отношение правящих церковных сфер в Москве по данному вопросу носило характер переменчивый и непостоянный, принимая то форму благожелательства (при покойном патриархе), то форму явной неприязни (при его местоблюстителях)».

⁷⁹ (КУЗНЕЦОВ – ШЕЛКОПЛЯС: 1998) «Беларусь неоднократно меняла свои границы и административно-территориальное деление. 1 января 1919 г. была впервые провозглашена БССР в составе Витебской, Гродненской, Смоленской, Могилевской, Минской губерниями и белорусскими поветами Виленской и Ковенской губерний, со столицей в **Минске**.

<...> 16 января 1919 г. ЦК РКП(б) принял решение о присоединении к РСФСР Витебской, Могилевской и Смоленской губерний.

Литбел создавалась как прецедент для борьбы против БНР и Литовской буржуазной республики за установление своей власти, для предотвращения войны между Польшей и Советской Россией. <...>

В августе 1919 г. территория Литбел была полностью оккупирована польскими войсками и только в июле 1920 г. состоялось вторичное провозглашение БССР.

Осенью 1920 г. было новое наступление Польши, и оккупация значительной части Беларуси. По Рижскому мирному договору (предварительным условиям) Беларусь теряла 108 тыс. км. кв. и 4 млн. человек в пользу Польши. <...>

размежеванию населения Беларуси. Сформированный *национально-культурно-религиозный микс* и его последующая лагеризация и советизация способствовали дальнейшему совершенствованию *психологии терпимости*, для которой проявления национального сознания титульной нации являются потрясением.

5.1.2. Предвозрождение. Роль БНФ

Беларуский язык перед распадом СССР, при содействии «Белорусского Народного Фронта "Адраджэнне"» (БНФ), стал символом сопротивления системе и существующей власти. Конец 80-х годов XX века, принёсший плюрализм, затронул и языковую сферу.

Новое белорусское Возрождение связано с концом советской истории: возникают организации, определяющие белорусскую культуру и язык в разряд ценностей, находящихся под угрозой. Эти организации предпринимают шаги к её возрождению. Среди первых молодёжных организаций была "Талака", ставящая своей целью ревитализацию белорусского языка и реабилитацию национальной культуры.

«В 1986 – 1987 гг. в БССР возникло 7 тыс. любительских объединений. С августа 1987 г. по ноябрь 1988 г. только в столице республики число участников молодёжных групп возросло в несколько раз. В ноябре 1988 г. в Минске действовало 566 "любительских самодеятельных объединений и клубов по интересам", объединяющих более 46 000 членов. Около 100 из них имели "общественно-политическую направленность". Группировки, активно поддерживающие идею новой культурной политики, возникали и в других городах республики. Наибольшую известность среди них получили "Талака", "Тутэйшыя" (Минск), "Паходня" (Гродно), "Узгор'е" (Витебск), "Маладзік" (Полоцк-Новополоцк), "Край" (Брест). От проведения отдельных культурных

Неоднократно проходили укрупнения БССР (в 1924, 1926 гг.), последствием которых было изменение административно-территориального деления республики. В 1938 г. в БССР было введено областное деление, а в 1939 г. после присоединения Западной Беларуси БССР насчитывала в своем составе 10 областей и 197 районов: Витебскую – 20, Гомельскую – 14, Могилевскую – 21, Минскую – 20, Полесскую – 15, Барановичскую – 26, Белостокскую – 24, Брестскую – 24, Вилейскую – 22 и Пинскую – 11».

мероприятий они постепенно переходили к политической деятельности. Подтверждением политизации неформальных молодежных объединений является их активное участие в одной из первых антиправительственных демонстраций, приуроченной к традиционному празднику поминовения предков "Дзяды" (1 ноября 1987). Постепенно у новых молодежных организаций возникло стремление к консолидации. В декабре 1987 г. и январе 1989 г. прошли сеймы представителей молодежных организаций, имевшие целью создание Конфедерации белорусских молодежных суполок» (ШАДУРСКИЙ: 1999: I).

В 1988 году на арену выходит БНФ „Адраджэнне“. Партия БНФ была образована в 1989 году, у её истоков стояли З. Позняк, В. Быков (1924 – 2003) и другие. Расцвет деятельности пришёлся на 1991-1992 годы, в её рядах насчитывалось около 40 000 человек. Сегодня политическим и юридическим правопреемником БНФ является Консервативно-Христианская Партия БНФ. Первоочередными задачами движения были борьба за независимость Беларуси, демократизация власти, возрождение культуры и языка. После избрания в Беларуси (1994 год) первого президента А. Лукашенко, БНФ находится в постоянной конфронтации с государственной властью.

В программах документов партии читаем:

«Партия БНФ выступает:

- за государственную политику развития и охраны белорусской культуры и языка посредством соответствующих законов и эффективного контроля над их исполнением, за приоритет белорусского языка в государственной и общественной жизни;
- за отклонение попыток ассимиляции белорусского этноса посредством политики уменьшения количества коренного этноса Беларуси и введения двуязычия, направленного на недопущение белорусского языка в сферы государственной и общественной жизни»

(КХП БЕЛАРУСКИ НАРОДНЯ ФРОНТ: 2009: I, перевод⁸⁰).

⁸⁰ (КХП БЕЛАРУСКИ НАРОДНЯ ФРОНТ: 2009)

«Партыя БНФ выступае:

* за дзяржаўную палітыку развіцця і аховы беларускае культуры і мовы праз адпаведныя законы ды эфектыўны кантроль за іх выкананнем, за прыярытэт беларускай мовы ў дзяржаўным і грамадскім жыцці;

Говоря о роли БНФ с позиций сегодняшнего дня, нужно отметить его организующую функцию в деле Возрождения конца XX века, вместе с импульсом, который партия сумела дать определённой части населения, в силу неопытности, она также произвела и обратный эффект – вызвала недоверие, и тем самым, оттолкнула от языка. Усилению этого эффекта во многом способствовал антипиар государственных СМИ.

Предлагаемая сегодня идея *сойти с баррикад* (ОРГШ: 2008: I) и объединить усилия ранее противоборствующих сторон, со стороны БНФ не нашла отклика.

5.1.3. Официальный период второго Возрождения XX века (1989 – 1994)

Также как и во время *первого Возрождения XX века* (20-е – 30-е гг.), часть белорусских журналистов обратилась к двум графическим системам – кириллической и латинской. Кроме белорусской эмиграции, традиционно придерживающейся *тарашкевицы* или *классического варианта* (см. 2.0.), принятого до 1933 г., к этой системе начали обращаться и некоторые языковеды и писатели. Остро встал вопрос о необходимости орфографической реформы, эти споры привели к резкому размежеванию государственного и негосударственного издательского сектора. *Тарашкевицу* начали употреблять независимые СМИ, как своеобразную реакцию на достигшую критической границы русификацию, когда русизмы заполнили все сферы языка (см. 2.6.)

Косвенным импульсом к её использованию была книгоиздательская деятельность: в конце 90-х годов началось переиздание и издание репрессированной литературы 20–30-х годов. Вышли: «Спадчына» Я. Купалы 1992 г. (репринт, 1922), «Вянок» М. Богдановича 1985 г. (1913), «Матчын дар» А. Гаруна (Минск: 1918, 1929, Мюнхен 1962, Минск: 1991); были переизданы книги

* за адхіленне спробаў асіміляцыі беларускага этнасу праз палітыку змяніэння адноснай колькасці карэннага этнасу Беларусі ды ўвядзенне "двухмоўя", скіраванага на нядопуск беларускае мовы ў асноўныя сферы дзяржаўнага і грамадскага жыцця».

по истории, авторы которых стояли на разных позициях, но язык их книг „дышал“ освободительными идеями ушедшей эпохи: А. Цвікевіч «Западно-руссизм» 1993 г. (1929), В. Ластовский «Кароткая гісторыя Беларусі» 1992 г. (1910) и др., вышли в свет многочисленные новые словари и энциклопедии: *Энцыклапедыя ЛІМ (Літаратуры і Мастацтва)* 1984 г., новейшие для того времени издания по истории – издания К. Тарасова «*Памяць пра легенды*» (1994), ежегодник исторической литературы «*Бацькаўшчына*» (1990), к 500-летию со дня рождения Ф. Скорины была приурочена большая серия научных изданий. Факсимильные издания в конце XX века внесли революционный возрожденческий дух начала этого века и способствовали реанимации употребляемого в изданиях классического варианта. Переизданные в новое время книги поспособствовали возрождению споров о правомерности возвращения мягкого знака (напр., снег – сьнег, звінець – зьвінець) в современный белорусский язык.

Создавшаяся в конце 90-х годов ситуация, по мнению Ж. Жанто, в соответствии с интерпретацией модели языкового конфликта (Бойе, Кальве, Ниньолес), была представлена „карикатурным противостоянием двух малочисленных групп, одна из которых выступает за всё русское, другая – за всё белорусское. Большая часть населения – сторонники *status quo*, т.е. равноправия между обоими языками“ (ЖАНТО: 2001, 215).

Открытие границы с Польшей способствовало притоку старых и новых полонизмов и их дублетному употреблению, что типично также для украинского языка.

5.1.4. Неофициальный период Возрождения конца XX – начала XXI вв.

Официальную продолжительность второго периода белорусизации XX века можно определить приблизительно 5-6 годами (1989 – 1994 гг.), он был ещё более краток, чем первый, главное его достижение – признание государственности белорусского языка как единственного. Оно последовало за

„Декларацией о государственном суверенитете Белоруссии“ от 27 июля 1990 г., но вскоре было нивелировано референдумом 24 ноября 1996 года. По его результатам были внесены изменения в Конституцию Республики Беларусь 1994 г., вышедшую в 1996 г. с изменениями и дополнениями, и зафиксировавшую официальный статус двух языков.

Быстро закончившийся период *официальной беларусизации* дал толчок для перехода процесса в *неофициальное русло*. Беларусский Текст создают единицы, этот процесс не носит массовый характер, его формируют «участники языкового противостояния», которых Ж. Жанто называет «*деятельным меньшинством*» (ЖАНТО: 2001); в большей степени процесс связан с развитием современной литературы и публицистики.

« <...> современное мышление начало активно проявлять себя в Беларуси практически во всех гуманитарных сферах: не только в философии и культурологии, но и в истории, искусствоведении, лингвистике, социологии, политологии, публицистике и т. д. Но поскольку во всём перечисленном (и не перечисленном) оно проявляет себя не тотально, не всем корпусом той или иной дисциплины, а только значимостью индивидуальных прорывов, то именно этим отдельным проявлениям интеллектуальных инициатив мы можем дать дефиницию „современный беларусский интеллектуализм“» (АКУДОВИЧ: 2000, перевод)⁸¹.

В. Акудович, определяя новое беларусское мышление как „*беларусский интеллектуализм*“ подчёркивает, что оно находится в разрыве с мышлением официальным, а его возникновение обусловлено уникальностью беларусской ситуации.

«Всё, что у нас происходит собственно беларусское, происходит только на литературном поле. Даже само государство Беларусь – это скорее

⁸¹ (АКУДОВИЧ: 2000) «Ні да чаго канкрэтна не прытарнаванае азначэнне „беларускі інтэлектуалізм“ бачыцца мне напэўна прыдатным для ўжытку яшчэ і таму, што сучаснае мысленне пачало актыўна выяўляць сябе на Беларусі амаль ва ўсіх гуманітарных сферах: не толькі ў філасофіі і культуралогіі, але і ў гісторыі, мастацтвазнаўстве, лінгвістыцы, сацыялогіі, паліталогіі, публіцыстыцы і г.д. Аднак паколькі ва ўсім пералічаным (і не пералічаным) яно выяўляе сябе не татальна, не ўсім корпусам той ці іншай дысцыпліны, а толькі ў значэнні індывідуальных прарываў, то якраз гэтыя асобныя выпадкі інтэлектуальных ініцыятываў мы і можам ахапіць азначэннем «сучасны беларускі інтэлектуалізм».

только декларативная фигура, а значит, всего лишь один из литературных (поэтических) тропов. То же касается и интеллектуальной литературы (тексты подобного масштаба из области философии, культурологии, политологии, историософии и искусствоведения) – она возникла и начала оформляться в Беларуси не в университетских кругах или каких-либо других местах, а в среде художественной литературы, в атмосфере литературно-художественных изданий» (Акудовіч: 2000)⁸².

Таким образом, официальная беларусизация, закончившаяся в 1994 году, дала импульс для плавного перехода процесса в неофициальное русло. Протекающий вне официальных рамок процесс не охватывает всё население Беларуси (см. 2.9.1.), имеет своих защитников и оппонентов.

5.1.5. Современная ситуация в Беларуси

Определив статус государственности двух языков, Беларусь, в отличие от соседей: прибалтийских республик и Украины, избрала иную ориентацию. Внутренние беларусские течения, хотя и воспринимались как невлиятельные, фактом своего культурного присутствия в общем социально-коммуникативном пространстве послужили толчком к тому, что государственная политика вынуждена была обратиться к области национального языка. Запланированная на 2010 г. реформа, по сути дела, является *актом корпусного планирования* (нормализации и совершенствования норм одного из официальных языков, она затронет правописание и частично структурные морфологические компоненты). В условиях транскомуникации реализация *акта корпусного планирования* не принесёт успехов, пока в действие не будет запущен механизм *статусного планирования*, основной задачей которого должно стать реинкарнирование языка как родного. При богатстве языковых форм, высоком

⁸² (Акудовіч: 2000) «Усё, што ў нас адбываецца ўласна беларускае, адбываецца ў полі літаратуры. Нават сама Дзяржава Беларусь – гэта хутчэй толькі дэкларатыўная фігура, а значыць усяго толькі адзін з літаратурных (паэтычных) тронаў. Тое самае і інтэлектуальная літаратура (філасофічныя, культуралагічныя, паліталагічныя, гістарыясафічныя, мастацтвазнаўчыя ды іншыя тэксты пэўнага кіталіту) – яна ўзнікла і пачала афармляцца на Беларусі не ва ўніверсітэцкіх колах ці якіх яшчэ іншых месцах, а ў асяродку мастацкай літаратуры, у прасторы літаратурна-мастацкіх выданняў <...>».

уровне образования населения, необходим перевод национального языка из области психологического остранения в область практического применения. Этот перевод невозможно решить только реформой правописания, реформа должна проводиться в контексте созданных государством определённых условий, т.е. при совмещении корпусного и статусного планирования.

5.2. Аналогии и параллели

5.2.0. О старых и новых парадигмах

Для каждой языковой ситуации можно создавать множество моделей, не так важно, будут относиться они к одной категории, либо к разным. В условиях, когда необходимо сформулировать принципы языковой политики, *узко специализированной на нужды конкретного языка*, любое хорошо разработанное сравнение играет большую роль. Подходы к белорусской общественно-коммуникативной сфере должны учитывать её современное состояние, в нашем распоряжении имеются следующие варианты:

1) язык как частично функционирующая система (язык находится под угрозой – в этом случае аналогии с Ирландией и Лужицей);

2) белорусский язык как представитель культуры Пограничья (в этом случае рассмотрение возможных перспектив – в сравнении с украинским и словацким языками, возможно также сравнение с Молдовой);

3) белорусский язык – как представитель негомогенной постколониальной языковой семьи (все языки постсоветского пространства). Распад СССР для таких сравнений создал богатый материал. Данные вопросы сегодня рассматриваются в каждой постсоветской стране и в российских автономиях (где противостояние имеет разные формы), регулярно появляются новые материалы и исследования, поэтому назревает необходимость их систематизации и обобщения.

5.2.1. Беларусь – Ирландия

В истории двух народов и их национальных языков можем проследить отдельные параллели: 1) преобладание аграрного уклада, 2) наличие сильного мажоритарного соседа, 3) политика навязывания чужого языка, 4) переломные события, ведущие к самостоятельности, приходятся на 1918 – 1919 годы (см. 5.1.1.1.). Объявлена независимость Ирландии, 5) перекраивание территории и государственных границ: 1921 г. мирный договор между Ирландией и Великобританией. Шесть промышленных наиболее развитых графств остались в составе Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии; 1922 – 1923 г.г. гражданская война; 1937 г. принята новая Конституция; 1949 г. – провозглашение Ирландии независимой республикой, 6) носители национального языка, при владении тем или иным диалектом, чаще в коммуникации используют мажоритарный язык, 7) употребление языка обусловлено социально, поэтому невозможно установить точные данные о использующих национальный язык в коммуникации.

5.2.2. Беларусь – Лужица

При рассмотрении исторических и языковых параллелей *Беларусь – Лужица* важен аспект *государственности*, который лужицкие сербы выдвигали как цель, но не достигли её, однако при значительно меньшем количестве населения (60 000*) и отсутствии самостоятельного национального государства прослеживается большее стремление к национальному языку, чем у белорусов. Отметим некоторые этапы и их особенности.

«Серболужицкий язык начинает функционировать не только в устной, но и в письменной форме в XVI в., в эпоху Реформации, когда на серболужицкой языковой территории латынь в церкви сменилась немецким языком. Метод импровизированного перевода во время

* такую цифру назвал П. Брезан, вице-председатель «Домовины» – Союза Лужицких Сербов, в интервью по состоянию на 2005 г., А. Супрун в 1989 г. приводил цифру около 100 000 человек.

церковной службы не отвечал требованию квалифицированного толкования догм <...>. Наряду с устными квалифицированными интерпретациями священных текстов появляются первые письменные редакции серболужицких богослужебных книг, которые создавались на основе местного диалекта для нужд местной церкви, прихода и широкого распространения не получили» (ЕРМАКОВА: 1994: I).

Сравним существование двух подходов к догматическому тексту в Руси Литовской и Руси Московской (перевод Библии Ф. Скорины на старобеларусский и неприкосновенность религиозного текста в Руси Московской).

Формирование к XVII – XVIII вв. двух вариантов верхнелужицкого письменного языка, связанных с протестантской и католической традициями, можно сравнивать с борьбой различных вариантов правописания в белорусском языке на рубеже XX – XXI вв.

Серболужицкие языки из языков церковной литературы пришли в XVIII веке к светскому содержанию. Беларусский стал языком развитой художественной литературы, и несмотря на неблагоприятные условия, в XX веке создал богатую литературную традицию.

Необходимо отметить и следующие факты:

1) 1918 год как один из судьбоносных, прозвучали предложения возможных решений территориальной и государственной самостоятельности, которые пришли к конкретному завершению лишь после войны. *«В марте 1946 г. Конференции четырех министров иностранных дел в Москве был предложен четвертый меморандум лужицких сербов. Меморандум требовал включения в текст мирного договора пункта об отделении Лужицы от Германии и создании нейтрального государства („Славянского Люксембурга“ – Лужицы – „Славянского Лаузица“)*» (КОРОБКИНА: 2004: I).

2) Политика германизации (у лужицких сербов), и политика полонизации и русификации у белорусов, а также политические и социальные детерминанты создали фон для рассмотрения языков как крестьянских, деревенских. Все носители обоих национальных языков двуязычны. Вследствие развитого

двуязычия в серболужицких языках много заимствований из немецкого языка, в белорусском – посредством польского и русского.

Беларусский и серболужицкие *литературные языки* с течением времени приобрели консервативный характер и составили оппозицию устной форме. Этому способствовало присутствие мажоритарных языков (в т.ч. письменных форм) с их *деструктивной* функцией как *языков школьного обучения*.

«До 1990 года у лужичан было 7 школ с обучением на серболужицком языке и 85 школ, языком обучения в которых был немецкий язык, но обязательным был у студентов тоже серболужицкий язык.

При этом интерес к обучению серболужицкого языка повышается. В то время, как в учебном году 1999/2000 в Бранденбурге изучало сербский язык 1036 учеников, в 2003/4 годах это было уже 1667 детей. В Саксонии, например, в 2000/2001 гг. даже 7473 детей. Но в большинстве ученики учатся в школах с обучением на немецком языке с обязательными уроками серболужицкого языка <...> » (GRUZOVSKÝ: 2007: I).

В обеих странах ограничены возможности получения национального начального и среднего образования, нет высшего образования на национальном языке, поэтому его изучение кажется «бесперспективным».

Разница в приведённой парадигме основана на оппозиции 'родственности', в практике соотношение 'мажоритарный : миноритарный' язык основано на отличии отношений: для серболужицких языков – 'неславянский : славянский', для белорусского – 'славянский : славянский'.

5.2.3. Чехия - Словакия. Надо ли Минску быть второй Братиславой? О невозможности рождения «исторических близнецов»

Разделение Чехословакии 1 января 1993 г. на два самостоятельных государства даёт возможность проводить некоторые параллели с рассматриваемой нами ситуацией. Этот вопрос в начале XXI в. был поставлен относительно языковых параллелей (MARVAN: 2004, SLOBODA: 2005, NÁVĚLKOVÁ – SLOBODA: 2005, NÁVĚLKOVÁ – SLOBODA: (I), отдельных исторических этапов (ШИМОВ: 2005), широкого спектра взаимоотношений в условиях

государственной самостоятельности (MARVAN: 2004, ŠABATOVÁ: 2007, ČARNOGURSKÝ 2007, MITTER: 2007, LIGOŠ: 2003).

Я. Шимов проводит следующие параллели: 1) преимущественно крестьянские народы, 2) Беларусь: наднациональный литвинский патриотизм – Словакия: патриотизм венгерский без привязки к венгерской национальной культуре и языку, 3) немногочисленность национальных элит, 3) „тутэйшая“ самоидентификация крестьянского большинства – привязанная не к языку, культуре, государству, а к местности, 4) политика мадьяризации – политика полонизации и русификации (возможность сделать карьеру), 5) 1918 г. *„перспектива обретения независимости возникла перед активистами словацкого национального движения столь же неожиданно, как в том же году – перед основателями БНР или в 1991-м – перед руководителями БССР“* (ШИМОВ: 2005), 6) экономическая политика правительства ЧССР – правительства СССР (50-е-60-е гг.) содействовала ускоренной индустриализации и урбанизации.

« <...> чехословакизм (в отличие, скажем, от доктрины «западноруссизма» по отношению к белорусам и украинцам) предоставил словакам полную культурную автономию. Словацкий язык был официальным (он считался одной из форм «чехословацкого» языка), и при Первой республике не существовало препятствий к его использованию и получению образования на нем. Этот период в истории Словакии можно в какой-то степени сопоставить с эпохой «белорусизации» 20-х – 30-х гг. в Беларуси, когда, несмотря на централизованный характер советского государства и господство коммунистической идеологии, жители БССР получили невиданные ранее возможности для национально-культурного развития» (ШИМОВ: 2005: I).

Несмотря на приведённые параллели, к дискуссии остаётся вопрос, можно ли называть белорусов и словаков *“историческими близнецами”*.

Я. Шимов подчёркивает, что словаки *ушли дальше*, что естественно, даже если говорить только о событиях XX в. В истории Словакии не было 1) столь многочисленных переделов национальной территории и государственных границ в самом начале образования государства (см. 5.1.1.1.), 2) изменения традиционного ландшафта, а соответственно устоявшегося веками уклада

жизни (мелиорация), 3) массовых репрессий и уничтожения национальной элиты в начале XX века, 4) полинациональности и поликонфессиональности состава населения, 5) таких значительных потерь людских ресурсов во время Великой Отечественной войны*, 6) мажоритарного языка, довлеющего **во всех** коммуникативных сферах, 7) образования на чужом языке; *„Словакам больше, чем белорусам, повезло с доминантными соседями. Венгерское влияние в Словакии после 1918 г. было практически сведено к нулю <...>, влияние же чешское проводилось в куда менее жесткой форме, чем российское/русское влияние в Беларуси, особенно в сфере образования и культуры“* (ШИМОВ: 2005); 8) преобладания СМИ на чужом языке, 9) восприятия в новейшей истории национального языка как политического вопроса.

Нужно особо подчеркнуть факт, что *воссоединение* Западной и „советской“ Беларуси в *единое государство* произошло в **1939 г.**, т.е. за два года до начала войны (два года было не достаточно для установления советской власти). Война отодвинула *реальное объединение* – образование целостного государства на следующих **пять** лет. Поэтому о *начале консолидации белорусов как нации в современных территориальных государственных границах можно говорить лишь с послевоенного периода (но не с 1945 г.!).* В Западной Беларуси он был отмечен сопротивлением; население, привыкшее к единоличному хозяйствованию, сопротивлялось колхозному укладу, и советскую власть, ставшую к тому времени „своей“ в Восточной Беларуси, воспринимало как оккупационную, поэтому *„слои «советскости» <...> в разных районах разные“* (ВАЛОВИЧ: 1993, 223).

«К началу 50-х годов Белоруссия лишалась основ своей традиционной городской культуры. Возрождение городов велось за счёт заселения их крестьянами из близлежащих районов. <...> Для белорусской земли такое положение – новость, ибо никогда белорусское общество не было столь этнически однородно» (ВАЛОВИЧ: 1993, 224).

* По официальной статистике в Беларуси погиб каждый четвёртый, однако, эти данные ставятся под сомнение, возможно потери были ещё большими.

Национальное и языковое развитие белорусов и словаков с 1950-х годов шло различными путями.

5.2.4. Словацкий – белорусский: языковые параллели

Языковой аспект соотношений представлен сравнением трасянки и „českoslovenštiny“ (SLOBODA: 2005, NÁBĚLKOVÁ – SLOBODA: 2005), однако, эти два понятия в сравнении – понятия различных категорий.

Как уже отмечалось, ближайшим родственником трасянки является суржик (см. 3.2.). Это типологически и структурно родственные явления, охватывающие приоритетно устную сферу, т.е. **конкретную сферу реальной, ежедневно обновляющейся коммуникации**, не литературный язык как таковой.

Й. Марван, полемизируя с В. Важным (VÁŽNÝ 1934): *язык чехословацкий – лишь абстрактный язык*, модернизирует его высказывание:

«Диасистема чехословацкая – <...> – языковая среда чехословацкая – является собственно системой абстрактной; её конкретными представителями (*ale-bo realizacemi*) были – а в определённых условиях могут опять быть – два литературных языка: чешский литературный язык и словацкий литературный язык» (MARVAN: 2004, 133, перевод)⁸³.

Общим концептом для сравнения (NÁBĚLKOVÁ – SLOBODA) является семантика терминов, как *категорий лингвистического микса*. Авторы указывают, что слово *трасянка* имеет более разветвлённую семантическую шкалу. М. Слобода отмечает, что происхождение обеих категорий отличается по временным и социальным показателям.

⁸³ (MARVAN: 2004, 133) «Diasystém československý – či *moderne povedané* – jazykové prostředí československé – je vlastně jen systém abstraktní^o; jeho konkrétními představiteli (*ale-bo realizacemi*) byly – a za určitých podmínek mohou opět být – dva spisovné jazyky: spisovná čeština a spisovná slovenština».

«“českoslovenština“ старше трасянки. “Идентичность“, с которой связывается “трасянка” – типично коллективная, у “českoslovenštiny” типично индивидуальная. Обе категории, а особенно “трасянка”, приобретают чаще негативное значение <...> Основная функция “českoslovenštiny” – употребление этой категории как метадискурсивного средства описания и опосредствованной оценки конкретных текстов» (SLOBODA: 2005)⁸⁴.

Нельзя полностью согласиться с тем, что идентичность трасянки типично коллективная, т.к. каждый её отдельный носитель вносит свои новшества. Являясь предметом устного народного творчества в новое время, трасянка – как категория коллективного творчества, состоит из многочисленных языковых производных отдельных индивидов.

В параллели *чешский – словацкий* и *русский – белорусский* языки, невозможно проводить аналогии относительно их присутствия на соседней национальной территории, в особенности о *метадискурсивности*. В Беларуси русский язык господствует, и сегодня тяжело предугадать, наступит ли время ограничения его функций, в России белорусский язык отсутствует. Современные взаимоотношения чешского и словацкого совершенно иные, сегодня чешские школьники не понимают словацкого языка.

«Прямым следствием распада федерального государства является практическое исчезновение словацкого языка из общественной сферы Чешской республики. <...> Затухание двуязычности касается ранее билингвальных сфер массмедий и общей возможности контактов со вторым языком, т.е. в Чехии контактов со словацким языком, а в Словакии контактов с чешским языком. Пока кажется, что меньше этих контактов на чешской стороне» (MITTER: 2007, 189, 192, перевод)⁸⁵.

⁸⁴ (SLOBODA: 2005) «Ідэнтычнасць, з якой звязваецца “трасянка” – тыпова калектыўная, у “českoslovenštiny” тыпова індывідуальная. Абедзве катэгорыі, а асабліва “трасянка”, набываюць часцей негатыўны сэнс, але ў матэрыяле сустраляі і фармулёўкі пазітыўных канатацый. Асноўная функцыя “českoslovenštiny” – ужыванне гэтай катэгорыі як метадыскурсіўнага сродку апісання і апасродкавана ацэнкі канкрэтных тэкстаў. Для катэгорыі “трасянка” гэтая метадыскурсіўнасць не з’яўляецца тыповай, яна тыпова прымяняецца як дапаможны сродак у межах дыскусій аб беларускай моўнай сітуацыі, культуры ці грамадстве».

⁸⁵ (MITTER: 2007, 189, 192) «Přímým důsledkém rozpadu federálního státu je skutečnost, že slovenština praktický mizí z veřejného života v České republice. <...> Zánik dvojjazyčnosti se týká bývalých sfér masmediální komunikace i celkové možnosti kontaktů s jazykem toho druhého, tedy

В опросах, проведённых П. Миттером, 74 % респондентов (студентов-чехов) назвали словацкий язык близким, 26 % – не считают его близким. Сложившаяся ситуация часто характеризуется как *взаимное непримирение языков*.

В параллели белорусский-русский такие аналогии проводить нельзя, т.к. 1) русская сторона белорусский язык „заочно“ считает близким, почти „одним языком“ с русским, при этом при контакте с ним его не совсем понимает, либо интерпретирует на уровне народной этимологии, 2) белорусы русским языком владеют на хорошем коммуникативном и письменном уровне.

Аналогии можно создавать в подходах и методиках обучения национальному языку. Общей тенденцией может быть ориентация на коммуникативные, когнитивные, персональные и интерперсональные, культурные компетенции человека XXI века в широком смысле слова, как базис и основу для остальных учебных предметов, а в целом для дальнейшего продвижения ученика и применения знаний в дальнейшем обучении, трудоустройстве и создании своего места в жизни (LIGOŠ: 2003, 212).

5.2.5. О некоторых аспектах постсоветского билингвизма

Проблема витальности национального языка – забота каждой страны. Крайне различны подходы к реанимационным мерам восстановления постсоветских национальных языков.

В Кыргызстане претенденты на пост президента в 2009 г. сдавали экзамен на знание национального языка (во избежание недоразумений он проводился в прямом эфире по национальному телевидению).

«Современный период развития Кыргызской Республики как суверенного поликультурного государства характеризуется активными этнополитическими и этноязыковыми процессами, важное место в

которых занимает изменение языковой ситуации. Прежде всего, это отражается в перераспределении роли и места языков, функционирующих в республике» (ЕЛЕБЕСОВА: 2004: I).

Роль русского языка в Кыргызстане сегодня ограничена, язык-гость уступает свои позиции, во-первых, языку миноритной нации – кыргызскому (матрице), во-вторых, английскому языку (гость-2), который активизирует свою позицию как возможное средство к продвижению нации вперёд к культурному и экономическому прогрессу; в третьих – узбекскому языку (гость-3).

«Кыргызский язык заметно укрепляет свои позиции в образовании. Подавляющая часть школ регионов республики ведет обучение на кыргызском языке. В столице ситуация иная: здесь обучение осуществляется преимущественно на русском языке. На юге республики кыргызский язык выдерживает серьезную конкуренцию с узбекским языком» (ЕЛЕБЕСОВА: 2004: I).

Украинская языковая политика сегодня основывается на использовании известных пуристских методов (замена русской лексики путём создания лексических единиц на базе украинских, и в определённой мере, использование полонизмов). Украинский билингвизм, как и белорусский, политически маркирован, *«несёт в себе множество противоречий и вызывает зачастую слишком полярные мнения: от алармистских приветствий до яростного сопротивления и предубеждений»* (ЮРЬЕВА: 2008: I). Украина, взяв ориентацию на национальный язык, планомерно вводит его как язык школьного обучения.

5.2.5.1. Субъекты РФ

В **Адыгее** (Республика Адыгея, субъект РФ, численность населения (на 2007 г. составила 441,2 тыс. чел., более 100 национальностей, русские – 52 %,

адыгейцы – 24,2%⁸⁶) адыгейский язык введён в начальных классах, от 5 класса преподаётся как предмет, также введён новый предмет «Национальная культура и традиции адыгов». Адыгейский государственный университет в 1990 г. открыл факультет «Адыгейской филологии и культуры».

«Русскоязычные студенты, изучающие адыгейский язык, получают дополнительную стипендию от золотопромышленника Совмена Х. М., ныне Президента Республики Адыгея. При Президенте в 1996 году создан «Совет по адыгейскому языку» (БАГИРОКОВ: 2004: I)*.

Башкирский язык (Башкортостан, РФ, (численность населения – 4 млн. 051,6 тыс. чел.: 36,3% – русские, 29,8% – башкиры (что составляет более 1 221 000 человек), 24,1%– татары⁸⁷) включен ЮНЕСКО в список неблагополучных языков. В апреле 2009 г. в г. Уфе (столице) на митинг собралось более 2000 человек. *«С 1 сентября 2009 года предметы так называемого регионального компонента (история, культура, география родного края, а также родной язык) не будут присутствовать в школьной программе <...> Собравшиеся скандировали: «Нет языка – нет народа!» <...> В принятой по итогам митинга резолюции указано, что новая редакция федерального закона ущемляет права нерусских наций в России на получение полноценного национального образования»* (ЛЕСНАЯ: 2009: I).

Ещё более сложной является ситуация, в которой оказались **нерусскоязычные субъекты РФ – представители малых народов Севера.**

«Мои земляки по Северу, – утверждает писатель Ю. Рытхэу, – сегодня находятся на грани полного вымирания, исчезновения с Земли, и этому немало будет

⁸⁶ Источник: Республика Адыгея. Официальный интернет-сайт исполнительных органов государственной власти, <http://www.adygheya.ru/info/index.shtml>

* речь идёт о первом президенте

⁸⁷ Источник: Республика Башкортостан. Официальный информационный портал, <http://www.bashkortostan.ru/bashkortostan/>

способствовать претворение в жизнь Закона* «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».⁸⁸

В чукотском языке долголетние поиски графического обозначения фонетических особенностей стали основой для фонетических изменений. В значительной степени этому способствовала система образования. Двигателем изменений фонетического порядка стало прививаемое на уроках школьное произношение, и позиция мажоритарный – миноритарный язык. Интонация, ритм, темп, плавность голоса, лексика и стиль образуют многоуровневую систему, на основе которой, по мнению Сепира, формируются „экспрессивные стереотипы“.

« <...> два или более уровней данного речевого акта могут производить экспрессивный эффект как сходства, так и контраста. Можно проиллюстрировать это на гипотетическом примере. Мы знаем, что многие из нас, будучи поставленными природой или обычаями в ущербное положение, вырабатывают компенсаторные реакции. В случае шепелявого человека, которого мы назвали «неженкой», в целом женоподобный тип артикуляции, скорее всего, сохранится, но другие аспекты его речи, включая голос, могут

* Закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» принят Государственной Думой России 16.04.1999 г., одобрен Советом Федерации 22.04.1999 г., подписан Президентом Российской Федерации 30.04.1999 г. за № 82-ФЗ.

⁸⁸ В интервью «Северным просторам» писатель подробно прокомментировал статьи закона (МИСЬКОВА – РЫТХЭУ: 2000: I) Вопиюще противоречит конституции. <http://www.severprostor.ru>

« <...> закон недвусмысленно ограничивает права человека Севера территорией, своего рода резервацией, за пределами которой чукча перестает быть чукчей, коряк коряком, эскимос эскимосом и так далее. То же самое и с «традиционным образом жизни». Что это вообще за «традиционный образ жизни»? Жизнь в яранге, в чуме? Отсутствие электричества, телефона, телевидения? Обнаружив у эскимоса компьютер, есть основания придаться к тому, что он нарушает статус человека малочисленного народа и вполне может быть исключен из состава своего народа. Предполагает ли привязанность к «традиционному образу жизни» потребление только местных продуктов питания, ношение только традиционной одежды?

В этих определениях, которые при дальнейшей расшифровке еще больше показывают их зловещий смысл, исподволь протаскивается мысль о лишении представителей малочисленных народов их законного в общечеловеческом смысле права на прогресс, на изменение своего социального и экономического положения на основе достижений общечеловеческого прогресса. В противном случае закон «О гарантиях» навеки приковывает людей к прошлому.

Пункт об «этнологической экспертизе» вообще выходит за рамки общечеловеческой морали и невольно воскрешает в памяти гитлеровские методы определения чистоты «германской нации». За этой «заботой» «о гарантиях» проступает расистский дух, возможно непреднамеренно внесенный составителями этого закона».

свидетельствовать о некоторых его компенсаторных усилиях. Он может иметь пристрастие к мужскому интонационному типу, или, прежде всего, он может сознательно или бессознательно выбирать слова, долженствующие показать, что он настоящий мужчина. Здесь перед нами предстаёт очень интересный конфликт, нашедший воплощение в сфере речевого поведения. Он представлен здесь, как и во всех других поведенческих типах. Человек может выразить на одном из уровней структурирования то, что невыразимо на другом <...>» (СЕПИР: 2001, 296).

Как и в примере Сепира, стремление к мужскому типу произношения, которое является обязательным и для женщин-дикторов чукчей, может быть проявлением *компенсаторного усилия* целой нации.

Чукотский билингвизм тяготеет к асцендентному типу – нарастает роль языка-гостя. Чукотская литература относится к слаборазвитым, она представлена единственным прозаиком – Ю. Рытхэу, оригинальная литература представлена поэзией, её количество равно переводной (с русского). Периодика малочисленна, газета «Мурлин нутенут» выходила тиражом 1 тыс. экземпляров 1 раз в две недели (русский, чукотский, эвенский). Анадырское телевидение (по состоянию на 1995) вещало на чукотском языке 1 час в неделю.

5.2.6. Некоторые заметки о официальной объективности и неофициальной субъективности

Представленный в предыдущей главе материал часто имеет прямо противоположные оценки на официальных сайтах и в независимых блогах, это касается прежде всего языковой ситуации в Беларуси и Ирландии, субъективностью отличается и оценка развития постсоветских языков и их возможностей. Целью данной главы было дать краткие избирательные сведения и показать различные возможности развития миноритного языка в условиях после/либо частичного устранения мажоритарного языка.

Официальные доктрины 1) создание *советского народа* в рамках СССР и 2) *чехословакизм* в рамках Чехословакии имели под собой разные основы, но обе закончили своё существование. Чехи и словаки, предполагаемые как представители двух ветвей одного народа, каждый из которых, тем не менее,

пользовался своим языком, за время своей коэкзистенции выявили инакость ментальных матриц.

Колоссальный эксперимент по созданию *советского народа* создал значительно больше проблем для миноритных народов, чем *чехословакизм*. Советская интеграция была ассиметричной, она изначально игнорировала основу данного понятия как зачленения в новую культуру без потери национальной и культурной идентичности, языка.

Модель *абстрактной системы* чехословацкого языка (*českoslovenštiny*), по мнению Й. Марвана, „<...> может стать предвестницей либо прообразом будущей интеграции нашего европейского континента <...>“ (MARVAN: 2004, 133, перевод)⁸⁹.

Модель соотношений: **беларусский – русский языки**, в *досоветский, советский и постсоветский периоды* не может быть положена в основу для создания модели нормального, взаимодополняющего развития языков, их обоюдовыгодного сосуществования.

5.3. Языковая политика

5.3.0. О языковой политике и проблематике терминологии

Употребление нескольких параллельных терминов *языковое планирование*⁹⁰, *языковая политика*⁹¹, *языковой маркетинг* и *языковой менеджмент*⁹²

⁸⁹ (MARVAN: 2004, 133) « <...> Toto prostředí se může zároveň stát předzvěstí a předobrazem pro budoucí integraci našeho evropského kontinentu <...>».

⁹⁰ (NEKVAPIL: 2000)

«**Языkové plánování** (*language planning*)

Aktivity zaměřené na modifikaci (nebo naopak stabilizaci) jazykového chování společnosti. Rozlišují se dva aspekty jazykového plánování: 1. statusové plánování (*status planning*), 2. korpusové plánování (*corpus planning*). Statusové plánování se zaměřuje na určení “statusu” jazyka (nebo variety jazyka) ve vztahu k jiným jazykům (jeho varietám), přičemž vychází z problémů společnosti – základní otázky zde jsou: (a) který jazyk bude vybrán pro určitý účel, (b) jak bude zvolený jazyk ve společnosti implementován. <...> Korpusové plánování se zaměřuje na samu podobu jazyka (na jeho “korpus”). Týká se např. těchto jazykových jevů: (a) pravopisu, viz např. pravopisné reformy, (b) výslovnosti, (c) změn ve struktuře jazyka, např. v morfologii, (d) rozšiřování lexika, (e) rozvoje stylů. Společensky relevantní plánovací aktivity vyvíjejí (a) vládní instituce (např. ministerstva), (b) vzdělávací instituce, (c) nevládní organizace (např. církve), (d) vlivní jedinci. Cílem jazykového

(в СССР – языковое строительство) приводит к мысли о возможности стратификации терминов с учётом прямых связей: *политика, планирование, реализация и результат* (что не является предметом данной работы). Импульс к разграничению понятий *языковая политика* и *языковое планирование* был дан в XX в. Э. Хаугеном, дефинировавшим *языковое планирование* как один из видов *языковой политики*, нуждающийся «в прозрениях политической науки относительно возможностей и путей завоевания доверия руководимых» (ХАУГЕН: 1975, 469).

Названные дефиниции часто употребляются как синонимы⁹³ (ГЕРД 2005: 93) с большим спектром секундарных значений, идёт их постоянная разработка (АВРОРИН: 1975, ДЕШЕРИЕВ: 1977, АЛПАТОВ: 1997, МЕЧКОВСКАЯ: 2000⁹⁴, НЕКВАПИЛ 2000, КУРЦОВА: 2001, МУХАРЯМОВА: 2003, NEUSTUPNÝ: 2004, GIGER – SLOVODA: 2008, публикации Л. Никольского, В. Гака, М. Дьячкова, М. Исаева, В. Нерознака, С. Кузнецова и др.). Часто их разделяют как разные понятия: «*Языковой маркетинг*

plánování může být např. standardizace jazyka, reforma jazyka, propagace a rozšiřování jazyka, obnova jazyka, terminologická unifikace, simplifikace stylu, usnadnění komunikace mezi mluvčími disponujícími různými jazyky. Jazykové plánování je jedním z typů jazykového managementu.

⁹¹ «Языковая политика, совокупность мер, принимаемых государством, классом, партией, этносом для изменения или сохранения существующего функционального распределения языковых образований, для введения новых и консервации употребляемых языковых норм» (БОЛЬШАЯ СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ).

⁹² (НЕКВАПИЛ: 2000)
«*Jazykový management (language management)*

Korekční aktivity provádějící produkci promluv, resp. jazyka, a to jak na úrovni jednotlivce, tak na úrovni různě velkých skupin, i celé společnosti; jazykový management je “spravování promluv a jazyka”. Teorie jazykového managementu se vyvíjí jako komplexnější alternativa k teorii jazykového plánování. Jejím východiskem je identifikace jazykových problémů běžnými mluvčími v průběhu komunikace, nikoli identifikace jazykových problémů experty působícími v důležitých společenských institucích (např. na ministerstvech či v akademiích). To, jak jedinec “spravuje” své promluvy, se má stát východiskem institucionálního “spravování” jazyka. Vedle jazykového plánování existují další typy organizovaného jazykového managementu, jako je systematická normalizace termínů, logopedie nebo jazyková výuka. Jazykový management má tyto fáze: (1) povšimnutí (noting), (2) hodnocení, (3) plánování úpravy, (4) realizace».

⁹³ (ГЕРД: 2005, 93) «Языковая политика (языковое планирование) представляет собой сознательное воздействие государства на функционирование языка в обществе, находящемся на той или иной государственной или административной территории»

⁹⁴ (МЕЧКОВСКАЯ: 2000) «Под национально-языковой политикой понимают воздействие общества в многонациональном и/или многоязычном социуме на функциональные взаимоотношения между отдельными языками».

не представляет собой самодостаточную альтернативу языковой политике и языковому планированию. Он лишь предлагает некоторые новые идеи и дополнительные перспективы» (МУХАРЯМОВА: 2003: I).

Исследователи теоретической базы данных вопросов соглашаются с тем, что эта область весьма специфична и необходим учёт всех макси- и мини-показателей каждой конкретной ситуации, а так же учёт того, что языковое планирование – компетенция не только лингвистов, но составляющая целого комплекса государственной политики.

Каждой модели языковой политики должны соответствовать средства, т.е. инструментарий, необходимый для реализации теоретического плана языковой политики. Инструментарий начала XXI в. не может ограничиваться подходами, предлагаемыми в XX в.: *роль отдельных индивидов, система поощрений и наказаний*, воспринимаемых, как правило, неоднозначно: *«Отдельные индивиды также обладают определённым весом, который определяется исключительно личным и профессиональным авторитетом. Те, кому это не нравится, называют мнение этих лиц „авторитарным“, а кому нравится, предпочитают слово „авторитетный“»* (ХАУГЕН: 1975, 464).

Новый дискурс диктует новые способы поведения, языковая политика нового времени должна ориентироваться на *„сглаживание острых углов“*, минимализацию дискомфорта или агрессивного противостояния, внедрение инноваций, способствующих менее болезненной ампутации элементов советской матрицы. Языковая политика должна осваивать и внедрять новые подходы, как реклама, пиар-технологии, инновации, воспринимаемые молодой генерацией, а также проверенные практикой, засвидетельствовавшие себя традиционные: методики обучения, ориентацию на результат, систему поощрений, создание неагрессивной/умеренной конкурентоспособной среды, проведение праздников, акций, базирующихся на ментальном мышлении (по В. Акудовичу: *наращивание астрального тела нации*). Важно использование информационных технологий и расширение национального информационного поля, работа над Корпусом национального языка.

5.3.1. Традиции и белорусский ракурс

Э. Хауген деятельность по планированию разделяет на *формальную* и *неформальную, организованную* и *преднамеренную*, она может осуществляться *частными лицами* и *официальными учреждениями*, разные страны «*находят её приемлемой в специфических сферах в самой разной степени*». Планирование, по мнению Э. Хаугена, должно включать: сбор материала в широких масштабах, рассмотрение альтернативных планов действия, принятие решений, их внедрение самыми различными методами.

Нон-коммуникация, выдвигаемая Э. Хаугеном как *главная проблема ЯП*, возникает везде, где есть разрыв коммуникации, который может быть выражен целым спектром коммуникативных ситуаций.

«Во всяком коллективе, обладающем письменностью, за которой стоит хоть сколько-нибудь древняя традиция, существует целая система убеждений и рассуждений относительно речи и письма, выступив против которых, нормализатор может оказаться бессильным, если только не сумеет приспособить их к своим собственным задачам» (ХАУГЕН: 1975, 458).

Языковую политику будем понимать как *часть государственной политики*, которая в идеале в Беларуси должна совместить сегодня *статусное* и *корпусное планирование* и привести к *этнической мобилизации*.

При сосуществовании нескольких стандартов, которые для нормализаторской деятельности – ограничение (ХАУГЕН: 1975), и практическом неприменении языка, необходима выработка подходов к решению сложившейся ситуации именно со стороны госструктур. В Беларуси сильна роль традиции и инерции: белорусы не знали монолингвизма, би/полилингвизм всегда был нормой.

5.3.2. К вопросу об этнической мобилизации

«Политизированная этничность опиралась на благоприобретенную или захваченную власть, усиленно

оправдывала, катализировала и электризовала этничность как с помощью подлинных или мнимых данных археологии и истории, так и с помощью социологии, пытаясь всеми средствами обосновать приоритеты для своей нации. Имея в руках мощную систему современной четвертой власти, политизированная этничность пробуждала "чувство топографии", насаждала "чувство географии" культивировала "чувство истории", переосмысливала "чувство справедливости", обосновывала "чувство правосубъектности", утверждала чувство "республикообразующей" или "государствообразующей нации». (ГУБОГЛО – КОЖИН: 2007: I)

Общесоветская тенденция XX века сместила этническое в сферу духовной культуры и политику, привела к созданию политизированной этничности, т.о. разрушая национальности как таковые. В национальном советская власть учила видеть отсталость, недоразвитость, неперспективность, утопичность, невозможность реализации, т.е. обоснование советской этничности базировалось на негативной маске „отсталых национальных меньшинств“.

Задачей современной этнической мобилизации должно стать „очищение и реставрация“, использование накопленного опыта, в т.ч. советского, который сегодня многие перечёркивают. Идеологизированную советскую „историческую память“ необходимо направить в русло очищения, но не абсолютного отказа и дистанцирования от неё.

«Этническая мобилизация становится важным, чрезвычайно сложным и разносторонним явлением, неотъемлемым признаком смены тысячелетий и подобно термину Возрождение (Ренессанс) буквально у нас на глазах наполняется и переполняется многозначным смыслом. Не случайно одни авторы воспринимают ее как "сосредоточение всех усилий на убыстренном развитии самобытной и жизнеспособной национальной культуры", другие – "средством политической мобилизации", третьи – как первое и второе вместе взятое» (ГУБОГЛО: 2000: I).

Изменения в современном мире быстротечны, это же касается изменений в языках, для каждого из них должен быть создан свой *стратегический план*. Для постсоветских языков действены два сильных фактора: 1) советский стереотип

и значительный отпечаток русского языка прежде всего в разговорной форме;

2) глобализация и нарастающие мультикультурные связи. Общая для них цель – функциональное преобразование национального языка в продукт „массового потребления“, перевод его из вторичного сырья в разряд элитных продуктов.

5.4. Возможные подходы на пути к этнической мобилизации.

Национализация образования

Простейшая стратегия, по мнению Э. Хаугена, „начать постепенно реформу школьного обучения, чтобы она продвигалась по мере роста детей“ (ХАУГЕН: 1975, 446).

Стратегический план витализации языка в сфере образования должен быть нацелен на достижение результата, поэтому поставленные задачи необходимо делить на уровни, с чётко определёнными этапами для каждого: *перспектива-минимум*, далее **П(а)**, и *перспектива-максимум*, далее **П(б)**, в которую будут входить **П(а1)**, **П(а2)**, **П(а3)**. Для **П(а)** можно определить временные рамки 5 (6) лет, которые дадут возможность проведения языковой коррекции дошкольных учреждений, начальной школы, которые будут продолжать поэтапное решение начатого. Таким образом, через этапы **П(а 1, 2, 3)** будет реализована **П(б)** – программа постепенной медленной коррекции высшей школы, официальной сферы и производственного процесса.

Временные рамки **П(б)** определим **П(б 1)** как **П(а 1)** 5 лет и **П(а 2)** 6 лет, **П(б 2)** т.е. **П(а 3)** 5 лет. Таким образом, полный цикл **П(б)** составит 16 лет, такой срок необходим для постепенного и ненасильного перевода среднего базового образования на другой язык обучения, т.е., ученик (параллель), начинающий в *условном первом году П(а 1)* обучение на другом языке, закончит своё обучение максимум в *условном одиннадцатом году – П(б 1) - П(а 1) + П(а 2)*, однако уже в эти одиннадцать лет вписывается подготовительная работа в вузах так, чтобы через 11 лет высшее образование могло быть полностью национально

дееспособным. Учитывая то, что не каждый выпускник будет поступать в вуз, одиннадцатый год можем считать для него условно последним, т.к. за ним будет следовать специальное среднее образование либо рабочее место (которые к этому времени в соответствии с этапами **II(a)** будут национально витализированы). Ученики, перешедшие на этап высшего образования, будут продолжать своё обучение в естественных для них языковых условиях – инновативных в нашей схеме.

Кроме 1) сферы образования, необходим продуманный подход к 2) официальной; 3) сфере услуг; 4) производственной; 5) языковому аспекту внутреннего рынка – продукты, приходящие к потребителю; 6) внешнему рынку – языковая стандартизация отечественного продукта (тем самым создание новых рабочих мест и престижа языка на международной арене). Необходим анализ, прогноз коррекционных изменений; ориентация на постоянный персональный рост с учётом возникающих инновативных подходов; сбор и обработка информации о подходах к языковому менеджменту в различных странах, анализ ситуаций, т. наз. „сканирование конкурентной среды“, анализ условий, параллелей, выработка стратегических структур.

Стратегический план должен опираться на модель *функционирующего языка*, с учётом всех выполняемых национальным языком функций, ключевых процессов, необходимых для обеспечения всех коммуникативных уровней. Функциональная модель должна выражать валентность связей между всеми уровнями и предусматривать возможные проблемы.

Стратегический план должен предусматривать контроль и постоянный анализ, необходимый для улучшения стратегий и эффективного использования вкладываемых ресурсов. Должны учитываться два направления:

1) Витализация языка, коррекция его функциональности, посредством этого этномобилизация (объединение задач *корпусного* и *статусного планирования*);

2) Материальный аспект в языковом планировании не является стандартным. Вложение капитала в данном случае не предусматривает

нарастание его процентов, но его иную компенсацию через этап, определённый рамками П(б), а именно: национальное государство

1) не будет дотировать изучение чужого языка – не будет печатать дубликаты учебников для одной параллели на двух языках;

2) сократит общее информационное пространство, что может вести к а) оплате пространства теле/радиовещания соседней страной, б) консолидации национального рынка СМИ и книгоиздания; в) созданию национальных Текстов СМИ, где своё место займёт ценовая и культурная конкуренция.

Национальная коррекция должна привести к уменьшению оттока национальных кадров в мажоритарную культуру, т.к. а) идёт устранение элементов советской матрицы, б) нормализуются функции национальной культуры, что способствует ускорению её *„производства и росту её производительности“*. Т.е. главной целью *стратегического плана языковой политики* должно стать развитие конкурентоспособности языка, обеспечение его лидирующей роли, ориентация на *конечный продукт* – язык, функционирующий во всех сферах.

5.5. О возможности использования теории менеджмента и маркетинга для создания моделей стратегического плана языковой коррекции (ревитализации)

5.5.0 SWOT-анализ

Для создания *стратегических моделей* языкового планирования может быть использован **SWOT-анализ**, применяемый для решения стратегических вопросов, это метод маркетинговых исследований, часть стратегического менеджмента, находящий широкое применение в различных областях, требующих комплексной оценки функционирования, обнаружения проблем и возможностей их преодоления, т.е. *„планированного“* развития. С ним

работают обычно в небольших группах, в нашем случае, он может быть опробован в бóльшем количестве групп лингвистов и нелингвистов с последующим обобщением и анализом полученных результатов.

При анализе ситуации (команды, предприятия) прежде всего записывается цель, далее каждая отдельная составляющая (член команды, продвигаемый продукт) „расщепляется“ в две колонки: **Слабые стороны - Сильные стороны, Угрозы - Возможности**; на основе вписанного формируются задачи. При этом учитываются и разграничиваются силы внешние и внутренние. Затем следует создание матрицы.

	Сильные стороны	Слабые стороны
Внутренние силы	S Strengths Сильные стороны	W Weaknesses Слабые стороны
Внешние силы	O Opportunities Возможности	T Threats Угрозы

SWOT-анализ может быть применён для анализа национального языка как своеобразного национального продукта. Поочередный разбор сильных и слабых сторон, где главной задачей является «наиболее объективное вынесение всех необходимых качеств на общее обсуждение» и последующий «совместный мозговой штурм проблемы» должны привести к нахождению путей «превращения угроз в возможности и слабых сторон – в сильные» (ДЕРЕВЯНКИН: 2009: I).

5.5.1. SWOT-анализ: пометки к белорусской ситуации

Анализ может быть проведён в среде белорусских лингвистов и нелингвистов. Можем наметить лишь некоторые пункты:

Сильные стороны

S Strengths

- + Богатое литературное и фольклорное наследие
- + Язык выполняет символическую, идентификационную, эстетическую функции
- + Проявляет тенденцию к элитности
- + Развивается в сфере новейшей литературы и гуманистики
- + Сознательные носители – высокообразованные люди
- + Живёт в сознании народа как идентификатор
- + Официально признан государственным
- + Международное признание – статус европейского языка

Слабые стороны

W Weaknesses

- Прерванная литературная традиция
- Язык не выполняет базовую функцию – коммуникативную
- Сферы употребления крайне ограничены
- Диалекты подвержены чужому влиянию посредством русских СМИ
- Не является основным языком образования
- Малое количество активных носителей
- Неравные силы в соперничестве за статус государственного
- Стереотипы, унаследованные от тоталитарной идеологии.

5.5.2. Возможные пути к языковой ревитализации на основе подходов современного менеджмента

Целесообразно использовать и другие подходы современного менеджмента. С. Славинский, анализируя продвижение продуктов, констатирует, что поменялась культура потребления и был сделан первый шаг к осознанному потреблению; *«мы с бешеной скоростью „въехали“ в премиум, но еще не доросли до истинного люкса»; «в основе любой люксовой торговой марки лежит банальное качество. Его, а не цену, в свое время выбрали создатели данных продуктов, сформулировав соответствующую идеологию бизнеса. „Создавать самое лучшее без оглядки на цену“ – и это работает!»* (СЛАВИНСКИЙ: 2009: I)

Успех автор объясняет наличием „know how“ и инновациями в производстве.

«Суть люкса – в последовательных бескомпромиссных инновациях. И это отнюдь не противоречит тому, что принадлежность к „лакшери“ сегменту определяется достижением максимального потребительского качества продукта (не путать с ценностью). Которое сохраняется до тех пор, пока не появляется инновация, определяющая новый максимум» (СЛАВИНСКИЙ: 2009: I).

Развитие сегмента „лакшери“ не „предполагает“ потребитель своим сознательным спросом, *«это в чистом виде „производственное мышление“, где во главе угла стоит не потребитель, а продукт»* (СЛАВИНСКИЙ: 2009: I).

В подходе к языку, на первый план, кроме реализации корпусного планирования, выходит вопрос инноваций в языковом „производстве“ – вопрос достижения функциональной самодостаточности (максимального потребительского качества продукта), которую невозможно создать без „know how“ и инновационных технологий – без продуманного подхода государства и различных методов поддержки с его стороны. Как и в случае с люксовым потребительским рынком, можем выделять два типа „потребителей“ языка: „богатые люди“ и „бедные люди с деньгами“.

«Первый тип – самодостаточен. Второй – озабочен. Оба – в хорошем смысле. В чем отличие? В первом случае потребление рациональное и эмоциональное, во втором – иррациональное и мыслительное. „Богатые люди“ считают деньги и выбирают лучшее по качеству (как правило, на основе опыта), „бедные с деньгами“ – то, что дороже и/или известнее» (СЛАВИНСКИЙ: 2009: I).

Язык как продукт из рекламируемого разряда „полулукс“, предназначенный для самоидентификации „бедным с деньгами“ необходимо перевести в сознании народа в разряд *Newer luxury*⁹⁵, а для определённой сложившейся ранее группы он уже сформирован как продукт категории *pure luxury*⁹⁶, отличие которого «в тихом и спокойном удовлетворении, а не в показательном потреблении» (СЛАВИНСКИЙ: 2009: I).

Важным вопросом в данной сфере является вопрос контроля: с одной стороны речь не идёт о типичном продукте, качество которого определяется шкалой категориально установленных параметров; с другой стороны, это не только продукт внешнего потребления, имеющий визуально-акустические характеристики, но продукт, внедряющийся в подсознание. Именно поэтому контроль над его внедрением должен быть очень тонким и гибким, т.к. малейшее ощущение прессинга вызывает обратную реакцию – неприятие.

«Контроль – это взаимодействие между людьми, один из которых (подчиненный) имеет право на ошибку, а другой (руководитель) – нет. Не „поймать“, „схватить“, „уличить“, а выяснить и помочь – в этом психологическая суть и смысл контроля как управленческого действия» (ВЕРЕСОВ: 2005: I).

Необходимо избежать тотального контроля и бесконтрольности, стремиться к золотой середине.

⁹⁵ (СЛАВИНСКИЙ: 2009: I) «*Newer luxury* – эксклюзивные продукты, сделанные на основе товаров массового спроса путем, как правило, изменения внешнего вида, ограниченным тиражом. Как правило, производятся для аудитории существующих потребителей базового продукта».

⁹⁶ (СЛАВИНСКИЙ: 2009: I) «*Pure luxury* – традиционные люксовые продукты, мало известные широкой публике. Практически не рекламируются и не идентифицируются вне целевой аудитории».

5.6. Беларусь: язык + политика = политическая проблема. Было. Есть. Что будет?

Беларусский язык за последние три столетия перерос в вопрос политического характера. На протяжении столетий на своей национальной территории он толерантно соседствовал с другими. В ВКЛ: простая мова (старобеларусский письменный и устный) с церковнославянским, латинским, татарским, еврейским, украинским, польским; в Королевстве Польском был вытесняем польским и приобрёл статус языка низов; в составе Российской империи этот статус искусственно поддерживался. В СССР язык прошёл два различных этапа (см. 5.1.): 1) беларусизация 20-30-х г.г.; 2) борьба за выживание в условиях советизации и русификации. Ещё перед распадом СССР, в 80-е годы начался новый этап, связанный с деятельностью БНФ, политика которого 1) дала толчок к пробуждению национального сознания определённой части населения, 2) усугубила статус языка как политически маркированного средства.

Долгие постсоветские споры о необходимости языковой реформы разделяли оппонентов на два политических лагеря, принятые „Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі“, которые вступят в силу с 1 сентября 2010 г., также не оставляют многих равнодушными к тому, что будет⁹⁷.

⁹⁷ См., напр., статьи:

- 1) Рудкоўскі, П. Колькі беларускіх моў будзе ў 2010 годзе? Часопіс «ARCHE» № 6, 2008, с. 16-24. 26.07.2008
- 2) Блэг В. Вячоркі, PROIECTVS <http://www.pbnf.org/2008/12/06/proiectvs.html>
- 3) Івашчанка, А. Правапіс прымірэння Народная воля №21-22, 10.02.2009
- 4) З новага году «Дзеяслоў» пяройдзе на школьны правапіс, Наша ніва on-line, 16:17, 19 снежня 2007, <http://www.nn.by/index.php?c=ar&i=13861>
- 5) “Хочаце свабоды правапісу – дабівайцеся палітычных пераменаў” 15 жніўня 2009, Радыё Свабода, <http://www.svaboda.org/content/transcript/1188740.html>
- 6) Адказнасьць за мову 05.08.2008 10:30 Радыё Свабода, <http://www.svaboda.org/content/article/1188516.html>
- 7) "Пытаньне правапісу – палітычнае" Радыё Свабода, 05.08.2008 22:28, <http://www.zasvobodu.net/news/Pytanne-pravap-su-pal-tychnae/>

Современное состояние и положение белорусского языка в основном представляют двумя выводами: 1) белорусский язык как умирающий язык*; 2) язык, находящийся в сложной ситуации.

« <...> белорусский язык не идёт по пути исчезновения, хотя его положение можно считать довольно сложным. Он кажется закрытым языком, но представлен (на главном месте) в языковом сознании белорусов. Однако опечаливает то, что подобной безысходной ситуации не видно конца и, таким образом, в большой мере будущее белорусского языка находится в зависимости от языковой политики, т.е. свободной политики в области преподавания национальных языков, как это показала языковая история Беларуси, приводит к отставанию более слабого языка и может серьёзно затруднить развитие белорусского языка. Одним словом: условия для позитивного развития белорусского языка существуют, оно возможно, включая и повседневное его употребление. Но правда и то, что он должен поддерживаться добровольной языковой политикой» (ЖАНТО: 2001, 218).

Беларусские власти пока не идут на открытый диалог о проблематике языковой политики, пресса даёт противоречивые информации о закрытии/открытии белорусских школ⁹⁸, а вопрос положения и состояния национального языка остаётся в Беларуси открытым.

8) Прэс-служба ГА "БАЖ" «Наша Ніва» пераходзіць на «школьны» правапіс. Гутарка з галоўным рэдактарам (+АЎДЫЁ), <http://baj.by/m-p-viewpub-tid-1-pid-6095.html>

* Газета «Наша ніва» за 19.06.2009, <http://www.nn.by/index.php?c=ar&i=27179>

поместила информацию о Обращении к президенту «ВЯРНІЦЕ МОВУ!», под которым подписались 203 человека (учёные, деятели культуры, бизнесмены, студенты), которое начинается констатацией: «*На пачатку 2009 году ЮНЕСКА аднесла мову беларусаў да моў, якія апынуліся пад пагрозай поўнага знікнення*».

⁹⁸ См.: 1) БелаПАН: Минобразования обещает увеличить число белорусскоязычных школ и гимназий, 19.07.2009 // Общество, <http://naviny.by/rubrics/society>.

2) 18.08.2009 В Беларуси закрыли еще одну белорусскоязычную школу. <http://charter97.org/ru/news/2009/8/18/21161/>

3) Вербицкая, Д., *Белорусский язык должен быть у ребенка в садике, школе и вузе*» www.odinews.ru 01.02.2009.

« - На момент распада СССР, а также в 1991 - 1994 годах в Беларуси 25% учеников выбирали обучение в школах на белорусском языке, <...> В 2005 году таких учеников уже было 22%. В данный момент их только 18,4%.<...>становится все меньше сельских школ, где школьники учатся на белорусском языке, а в городах вообще 1,9 % таких учеников».

5.7. Перспективы

Для Беларуси сегодня, когда сделан первый шаг к корпусной нормализации, важно превратить норму в живую. Выполнение этой задачи требует коренных изменений в общественной и социально-экономической системе, и в идеале явилось бы *всеобщей национальной терапией*. Для этого необходимо сплочение всех ранее противостоящих сил (диалог президента с оппозицией). Сегодня важна именно возможность *соединения усилий* по развитию самобытности и жизнеспособности национальной культуры.

5.7.1. Психологические детерминанты и «исторические тормоза»

5.7.1.0. Традиционность

Привязанность этнического национального сознания к *традициям* – одна из национальных черт, тормозящих „очищение“ сознания, языка, культуры от советских стереотипов. С другой стороны, в белорусской истории не произошла абсолютная девальвация национальной истории советского периода, что позитивно, как осознание того, что за это время многое достигнуто. Советская идентичность белорусов расщеплена в меньшей степени, чем у русских.

«Вместе с системой духовных и гражданских ценностей рухнула и советская идентичность. И как при расщеплении атома произошло выделение огромной энергии разрушительной силы.

Вместо отвергнутой гражданской советскости постсоветским гражданам ничего близкого по цементирующей силе не было предложено взамен <...>» (Губогло: 2000: I).

Для русских отрешение от *советского* было болезненно прежде всего из-за *потери власти*. Поиски новой идентичности направили русский народ к *религии*.

5.7.1.1. Досоветская история

Вторым определителем является *досоветская история*: 1) в русском сознании присутствующая как культурный и статусный концепт: царская семья, купечество, дворянство; 2) в белорусском сознании советская идентификация – единственная, *известная для всех* с маркированными и немаркированными коннотатами; но предыдущая, не столь отдалённая история XIX в. – это *история унижения*, т.е. отрицательно маркированная; более ранняя история, на которую надо опираться (в советский период не афишировалась) *была вычеркнута* и зафиксирована на уровне подсознания. Поэтому расщепление советской идентичности у белорусов не произошло в той мере, как у народов с написанной историей (грузины, армяне). А с учётом того, что многие теоретически провозглашённые советские идеалы были тождественны с национальными белорусскими, заложенными в этническом подсознании со времён ВКЛ: *толерантность, терпимость, уважение к другим нациям** и *веротерпимость, уважение к старшим и трудолюбие*, – национальные идеалы слились с теоретически провозглашёнными советскими. Когда в советское время для некоторых народов, в их числе русского, советские идеи способствовали расщеплению сложившейся либо складывающейся национальной идентичности, для белорусов, у которых осознанная идентичность к этому времени была выжата двусторонним давлением, а также расщеплялась в диахронном срезе ещё и социально (верхи становились то польскими, то русскими, низы оставались во внутренней эмиграции «тутэйшасці»), советские идеи были более близки подсознанию нации, заложенному в эпоху ВКЛ.

Расщепление в белорусском национальном сознании в советскую эпоху базировалось не на платформе этико-социальных отношений, нестыковки обнаруживались в области *этнического склада быта*.

* сравним, напр., огромное количество анекдотов о евреях у русских и их отсутствие у белорусов, как и в целом популярность тематики анекдотов о представителях разных национальностей в русском языке и непопулярность данной тематики в белорусском.

5.7.1.2. Национальные идентификаторы

Отсутствие крепостного права в Руси Литовской, в отличие от Руси Московской, обусловило внутреннюю глубокую связь беларусов (украинцев, народов Прибалтики) с землёй. Земля – главный архетип беларусской литературы, в русской – это чаще дорога. Привязанность к земле как к *чему-то личному* не входила в список пунктов идентификационной карты советского гражданина, поэтому советская власть в Беларуси часто ассоциировалась с „москалями“. Восприятие на уровне *этических идеалов*, не сочетавшееся с *социальными запросами*, сформировало в рамках СССР образ беларуса как „работяги“, а страны – как *сельскохозяйственного региона СССР* (идентификаторы: в рамках СССР: *бульбаши, трактор „Беларусь“⁹⁹, синеокая* (Беларусь – страна озёр), в 90-е г. XX в. – *страна огурцов,¹⁰⁰ зайчики* (деньги кусаются), с 2006 г. часто именуется *страной контрастов,¹⁰¹* в 2009 г. сделана

⁹⁹ (БЕЛИКОВ: 2009: I)

«Чтобы собрать богатый урожай с российского рынка сельхозтехники, отечественным машиностроителям нужно пахать, как трактор, и молотить, как комбайн. Пока это у них не слишком хорошо получается. <...> Российское сельхозмашиностроение трудно назвать процветающим: мощности комбайновых и тракторных заводов загружены на 10-15%. <...> Что же касается производства тракторов, то в этом сегменте ситуация куда плачевнее <...>. Отечественные трактористы не обеспечивают и половины потребностей рынка – более 50% рынка занимает Минский тракторный завод со своей знаменитой «Беларусью».

¹⁰⁰ (АРИФДЖАНОВ: 2009: I)

«Огурцами родина белорусского президента испокон веков кормилась. Так и назвали заметку – „Страна огурцов“. По-доброму. И получили ноту МИД Белоруссии. Возмущенные отклики в газетах соседнего государства. Даже мудрый Василь Быков не простил шуток по поводу белорусской независимости (мы еще про деньги их написали – „зайчики“, ну, правда, вдумайтесь: у всех деньги, а там – „зайчики“, разве не смешно?). А не менее мудрый Александр Лукашенко даже нахмурил брови. Мы тогда попробовали вкрапывать в текст белорусские слова. Лукашенко тогда стремился к объединению с Россией, по-белорусски не говорил, кажется, принципиально. В общем, не понял юмора».

Прошли годы. Герб беларусы сменили. Флаг – тоже. В гимне, вы уже знаете, переписали слова. <...> Что еще изменилось за годы в Белоруссии? <...> Вот и стали строить в Белоруссии смешные памятники. Картофелю – в Минске. Букве „ў“ – в Полоцке. Бобру – в Бобруйске. В Бобруйске еще собираются поставить памятник Шуре Балаганову. А в Витебске замахнулись на монумент Хоттабычу. Беларусь подумала-подумала и согласилась с нашим определением, что огурцы – важная составляющая часть ее экономики. В Шклове по этому поводу поставили памятник огурцу. Что происходит в Белоруссии? Что будет с ней? Что говорит Лукашенко? Да все в порядке в стране огурцов. Спокойно, чисто, радостно. Ну и что, что в огурцах нет белков и жиров? Зато они на 95% состоят из воды. И хорошо усваиваются организмом».

¹⁰¹ <http://romanycz.livejournal.com/64625.html>

попытка выделить современные идентификаторы, к ним было отнесено 10 символов: *зубр, Беловежская пуца, картошка, аист, василёк, трясанка, трактор "Беларусь", Лукашенко, Радзивиллы, болота* * (КОБЗИК: 2009: I).

5.8. Беларусь, XXI век.

Как встретить весну или как использовать трясанку, чтобы «язык сердца» превратит в «язык хлеба»

5.8.0. О наметившихся тенденциях

Начиная с 2008 года наблюдается тенденция создания имиджа Беларуси. Необходимость имиджа осознаётся властями, оппозицией, интеллектуалами. Все подходы в некоторых вопросах сходятся на тех же взглядах: *сохранять традиционность, не делать значительных ломок в уже созданном.*

В наличии два течения: *государственное*, которое определяет политику, и *негосударственные* идеи, высказываемые ТБМ и отдельными представителями культуры.

Государственная политика, ставящая целью создание социально-ориентированного государства, не дооценивает аспект, определяющий *национальное государство*: язык и политика. В виду того, что недооценено соотношение: *национальный язык как орудие национальной политики*, упускается из виду *национальный язык как объект национальной политики*. Сегодня власть пропагандирует цель создания *социально-ориентированного государства, государства для народа*. Вербальная незакреплённость для *беларусского народа* опять отбрасывает этот народ в разряд „тутэйшасці“.

Сама Беларусь оставила очень противоречивые впечатления. Самое главное, пожалуй, это её многомерность. С одной стороны – совок совком <...>. С другой стороны – Европа Европой.

* Для сравнения: 10 символов России к 2009 г.: *медведь, матрешка, водка, шапка-ушанка, самовар, балалайка, Спасская башня, березка, тройка, КГБ*. Источник: Журнал «Огонёк» № 4 (5082) от 08.06.2009.

Негосударственные идеи имеют свои векторы и идеи. А. Бурьяк в своём Белорусском проекте «Творить Беларусь» определяет:

«Наша суть – консерватизм. Мы – реакционеры Европы. Мы – традиционисты, хранители духовного наследия арийских предков. Мы являемся ретроgrадами в лучшем смысле этого слова, последним бастионом истинной европейскости, островком лесистой Старой Европы в современном глобализированном болоте. Всемирную роль Белой Руси можно представить <...> как спасение через возврат к старым ценностям» (Бурьяк: 2006: I).

В 2009 г. начал работать сайт www.budzma.org. “Будзьма!” (рус. (императив) Будем!) – общественно-культурная кампания, ставящая цель объединения белорусов на базе идеи самобытности, чувств собственного достоинства и необходимости ясного видения перспектив, среди которых предложены:

- белорусы достойны быть успешным народом;
- успех возможен только в единстве;
- объединить белорусов можно на почве уважения к себе, своей стране, её истории, культуре и языку;
- белорус – это каждый гражданин Беларуси, независимо от национального происхождения;
- знание культуры, истории и языка своей страны делает человека неповторимым среди других народов.

Основной лозунг: **«Будзьма беларусамі – гэта нас аб’ядноўвае і робіць унікальнымі!»** («Будем беларусами – это нас объединяет и делает уникальными!»). Кампания ставит цели: *пробудить у жителей Беларуси интерес к культуре своей страны, стимулировать к осознанию белорусской культуры как собственной ценности; объединить белорусов.*

Реализация кампании заключается в проведении культурных и образовательных мероприятий на территории Беларуси: лекции по белорусской истории и культуре, концерты белорусских музыкантов и групп, выставки, встречи с писателями, презентации книг, журналов и музыкальных проектов.

Большим плюсом является неполитизированность, открытость кампании, участие может принять любой желающий, анонсы всех мероприятий помещаются на сайте www.budzma.org. Сайт, в свою очередь, ставит задачу – *совместными усилиями в одном месте собирать новости общественно-культурной жизни Беларуси и беларусов, создать базу данных общественных организаций, инициатив и персоналий общественно-культурной сферы страны и зарубежья.*

5.8.1. О некоторых возможных подходах к беларусской ситуации

5.8.1.0. Миф и консолидация

Одной из важнейших задач консолидации нации, выдвигаемой многими теоретиками, должен стать МИФ, или, иначе говоря, национальная идея.

Кроме мифов, которых в беларусской истории достаточно, и нет необходимости специально их создавать, на сегодняшний день назрела *необходимость выведения языка из поля политических притязаний между партиями, язык должен стать компетенцией и собственностью народа; в этом же русле, при необходимости примирения всех ранее противостоящих беларусских сторон, на мой взгляд, назрела необходимость создания *новой государственной символики.* Возвращённый после распада СССР герб Погоня и бело-красно-белый флаг надо воспринимать как исторические символы, а современный герб и флаг тяготеют к советской истории, не соответствующей сегодняшним стандартам. Новая идея герба и флага должна символизировать единство всех сил страны, опору на исторические традиции и уверенность в будущем.*

5.8.1.1. Национальная религиозная конфессия

Очень проблематичным, но эффективным может быть создание общепеларусской национальной религиозной конфессии. В силу сложившихся обстоятельств, беларусская веротерпимость разделила верующих на православных и католиков, и прямо вытекающую из этого деления – ориентацию на русских и поляков (и их языки).

Русская православная церковь (РПЦ) в Украине рассматривается как ударная сила украиноцида (Гринів: 2002, 15). Обе конфессии совместными

усилиями способствует разьединению нации. Единая религиозная национальная идея может стать сильным консолидирующим элементом.

5.8.1.2. Субъекты языковой политики

Субъектом языковой политики должна выступать государственная власть в сотрудничестве с лингвистами и пиар-специалистами. В компетенции государственной власти находится языковое законодательство. К субъектам языковой политики должны относиться и независимые корректирующие органы, имеющие право наблюдения и создания рекомендательных документов, как, например, «Таварыства беларускай мовы», «Международная ассоциация беларусистов», лингвистические вузы и др.

Модель языковой политики не должна быть жестким диктатом, должна иметь гибкие методы корректировки национально-языковых интересов различных групп населения (напр., возможность развития полесского микроязыка, который можно рассматривать как источник питания беларусского общелитературного). Необходима выработка механизма котировки языка не только как культурно-исторической ценности, национального идентификатора, но и как реальной необходимости.

5.8.1.3. Базовый набор

А. Бурьяк предлагает *„выстроить визуальный, музыкальный, литературный, архитектурный образы Беларуси: выбрать лучшее и выражающее в наибольшей степени здравый белорусский дух и сказать: это – истинно наше“* (Бурьяк: 2006), автор предлагает составить *Базовый набор произведений культуры* – 100 книг, 100 фильмов, 100 песен, и дефинировать это как НАШЕ, рекомендуемое каждому беларусу.

5.8.1.4. Опора на «Стратэгію развіцця беларускай мовы ў XXI ст» Таварыства беларускай мовы

Опора на выработанный в 2000 г. (*Таварыствам беларускай мовы*) документ о стратегии развития белорусского языка в XXI веке, ориентирующий на “реабилитацию” носителей трясанки, с одновременной констатацией необходимости владения общелитературным кодом, призывающий к языковой толерантности, видится перспективным подходом к сложившейся ситуации.

5.8.1.5. Аспекты взаимоотношений

Обобщая различные мнения, можно назвать следующие факторы, которые необходимо брать во внимание:

1) нужно признать факт неизбежности присутствия русского языка в белорусском национальном пространстве (АРЦЯМЁНАК: 2009, Бурьяк: 2006), но научиться использовать его с пользой для развития национального языка;

2) все противоборствующие стороны должны стремиться к сотрудничеству;

3) необходим новый подход к подготовке учительского персонала, когда восприятие учеников можно базировать на престиже личности учителя (АРЦЯМЁНАК: 2009, 79).

Разумны также идеи о необходимости возрождения белорусской деревни как аутентичного диалектного фундамента (АРЦЯМЁНАК: 2009); отказ от жёстких нормативных подходов в отношении к устной языковой культуре.

«Критику языковых ошибок необходимо заменить всемерным стремлением заинтересовать и помочь тем, кто стремится хотя бы в каких-то ситуациях говорить на белорусском. Лингвистический ригоризм должна заменить лингвистическая толерантность» (АРЦЯМЁНАК: 2009, 79, перевод)¹⁰².

5.8.1.6. Использование ресурсов

Также необходима большая работа непосредственно с языковым уровнем, существующая сегодня вариативность даёт право выбора и может служить основой лингвистического творчества, дублетные варианты и конкурентные кальки дают возможность создания различных видов метафор (что часто использовал дуэт Саша и Сирожа).

¹⁰² (АРЦЯМЁНАК: 2009) «Крытыку маўленчых памылак патрэбна замяніць на ўсямернае заахвочванне і дапамогу тым, хто імкнецца хоць бы ў нейкіх сітуацыях гаварыць па-беларуску. На змену лінгвістычнаму рыгарызму павінна прыйсці лінгвістычная талерантнасць».

« <...> три фактора определяют характер новой лексики языка: собственно лингвистический, социолингвистический и психолингвистический. Последний – психолингвистический – национально специфичен и потому наименее предсказуем. Если собственно лингвистический и социолингвистический факторы допускают рубрикацию и типологию, предсказуемость влияния этих факторов на языковое сознание, способ их осмысления и выводы носителей языка относительно их, а также результаты этого осмысления, проявляющиеся условной компетенцией субъектов и их языковой практикой, то аспекты фактора психолингвистического могут быть исследованы только в соотношении с индивидуальной языковой практикой» (БАРКОВІЧ: 2009, 82, перевод)¹⁰³

Необходимо постоянное стимулирование (либо в некоторых случаях невмешательство в отдельные зоны) различных сфер. *Сферой невмешательства* могла бы быть беларусская эстрада, развлекательные программы, где *языковой туризм* чаще является *фактором сдерживающим*. Такая же тенденция, как у русских и украинских исполнителей – использование в песенном материале сленга, наметилась в беларусском пространстве с трясняжкой, но частично была пресечена сверху (дуэт Саша и Сирожа). Использование трясняжки на эстраде создавало наряду с комическим фоном удачные межъязыковые и культурно-лингвистические метафоры, которые вполне могли работать на коррекцию лингвистических вкусов и национального сознания. Продукция Михалка (дуэт Саша и Сирожа, «Ляпис Трубецкой») – высококачественный продукт, своеобразный микс, объединяющий лучшее из советских традиций, уже подвергнувшееся переоценке, с самым новейшим, популярным в молодёжной среде, а потому может работать на коррекцию лингвосприятия разных поколений.

¹⁰³ (БАРКОВІЧ: 2009) «Такім чынам, тры фактары вызначаюць характар новай лексікі мовы: уласна лінгвістычны, сацыялінгвістычны і псіхалінгвістычны. З іх апошні – псіхалінгвістычны – нацыянальна спецыфічны і па гэтай прычыне найменш прадказальны. Калі ўласна лінгвістычны і сацыялінгвістычны фактары дапускаюць рубрыкацыю і тыпалогію, прадказальнасць уплыву гэтых фактараў на моўную свядомасць, спосаб іх асэнсавання і вывады носьбітаў мовы адносна іх, а таксама вынікі гэтага асэнсавання, якія праяўляюцца ў моўнай кампетэнцыі суб'ектаў і іх моўнай практыцы, то аспекты псіхалінгвістычнага фактара могуць даследавацца толькі ў дачыненні да індывідуальнай маўленчай практыкі».

Украинская литература использует суржик в значительно большей мере. О. Ирванец, характеризуя творческий метод Б. Жолдака, с юмором комментирует его „мудрость“, которая заключается в том, что Жолдак *не стал бороться с суржи́ком, а начал его фиксировать*, но не для того, чтобы суржик был узаконен, а для того, чтобы был сбережён; потому что Жолдак больше всех „борцов“ верит, что когда этот ненавистный для одних и любимый другими суржик будет преодолён, народ заговорит на своём языке – его произведения, таким образом, окажутся своеобразным памятником эпохи; будут непонятными и их должны будут объяснять исследователи, и должны будут переводить будущие интерпретаторы (при этом с большими натяжками) как переводят Шекспира и „Слово о полку Игореве“ (ИРВАНЕЦЬ: 2001, 3).

5.8.1.7. Консолидация

Успех языковой политики в Беларуси зависит от возможности консолидации всего населения Республики. Первый шаг, сделанный властями (языковая реформа), в идеале должен стать импульсом для сотрудничества всех противоборствующих сторон. Вместе с тем, должен быть налажен культурный диалог с беларусами заграничья, т.к. именно им принадлежит роль культурных посредников между странами и языками, но ещё в большей мере – как людей, способствующих созданию имиджа страны за границами Беларуси, который нельзя в каждой отдельной стране скорректировать усилиями беларусских властей или других организаций, т.к. национальные стереотипы устойчивы и разрушить их может только личный опыт знакомства с представителями той или иной культуры.

5.8.1.8. Сферы действия

Корректировке должны подвергнуться все сферы, прежде всего 1) сфера образования.

«Самое важное при этом убедиться в том, что те, кто собирается учиться, уверены в получении действительного преимущества в награду за свои усилия» (ХАУГЕН: 1975, 466)

Затем в этот процесс должны быть вовлечены: 2) периодическая печать, 3) радио и телевидение, 4) театр и кино, 5) художественная и нехудожественная (кухня, мода, полезные советы) литература, 6) религия, 7) туризм, 8) международные фестивали, 9) наука, международные научные конференции, 10) театр и кино, 11) эстрада (развитие различных жанров), 12) рабочий язык белорусского парламента и др. официальных учреждений, 13) интернет-ресурсы, 14) реклама, 15) стандартизация оформления этикеток и упаковки, в т.ч. экспортируемой и импортируемой с обязательным употреблением белорусского языка, 16) вывески, названия государственных и коммерческих предприятий, прейскурант и этикетки товаров в магазинах, чеки, почтовые штампы и другое.

Для реализации инноваций необходима опора на существующий опыт: *«Заинтересованные организации могут разработать систему поощрений и санкций от субсидий и премий писателям до ликвидации потенциальных языковых конкурентов путём официальных декретов»* (ХАУГЕН: 1975, 465-466), вместе с тем необходимо использование новейших средств имиджеологии, различных видов и средств рекламы.

Невозможно создать единую модель языковой политики, тяжело создать идеальную модель для каждой конкретной ситуации, которая бы удовлетворяла всех. Каждое современное государство в разной мере полинационально, инациональные субъекты, относящиеся к разным поколениям, по-разному относятся к национальной культуре-хозяину.

Чтобы „язык сердца“ превратить в „язык хлеба“, государственная политика должна стремиться к тому, чтобы национальный язык превратить в *фактор социальной перспективы*, для этого необходимо поставить его на главную ступень, но одновременно создать альтернативные условия в национальном коммуникативном пространстве для других языков, например, обеспечить возможность активного изучения английского языка на том уровне, на каком сегодня находится русский. Позитивным в общей непростой и противоречивой

ситуации является то, что самоосознание себя как белорусов и признание, хотя и символическое, белорусского языка как родного, живёт в сознании народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная Республика Беларусь – молодое государство, уже достигшее своего совершеннолетия, однако история Беларуси, как известно, намного старше. Смены исторических парадигм привели к тому, что многие воспринимают Беларусь именно как молодое, новое государство на карте Европы. Язык этого государства для многих является загадкой, хотя он совсем не молод, его зарождение не связано с основанием СССР, когда начала писаться история многих языков, объединённых общим советским пространством. В своей истории белорусский язык прожил периоды расцвета и летаргического сна, возрождения и ассимиляции, сегодняшнее его состояние нестабильно.

История развития белорусского языка – констатация факта подвижности границ языков, лабильности положения их статусов в истории. Судьба старой языковой традиции – письменной традиции ВКЛ, когда старобеларусский был языком королевского двора и языком закона крупнейшего государства Центральной Европы, показывает, как непрочны границы государств и языков, но вместе с тем, насколько живучи и гибки языки. Хотя принято считать, что старая белорусская письменная традиция не легла в основу современного языка, что он развивался на основе центральных диалектов, тем не менее, нужно осознавать её генетическое присутствие в эндосферном мире нации, не будь этой традиции, вряд ли белорусская литература XX века смогла бы за столетие создать то, что сегодня имеется в наличии.

Новый белорусский литературный язык (традиция от начала XX века) на протяжении всего своего развития борется за своё существование, его позиция нестабильна. Дестабилизации способствовало противостояние двух правописных стандартов у самых истоков новой традиции, во время образования государства в 1918 году. Этим же противостоянием двух стандартов отмечен и период конца XX – начала XXI вв.

Современный языковой нигилизм в данной работе отразился в цитатах: ориентация авторов на различные письменные стандарты проявляется в употреблении принятой официальной нормы (Н. Мечковская, А. Лукашанец), одновременно употреблением отдельными авторами мягкого знака и других элементов тарашкевицы (Ю. Потюпа, С. Соколов), а также непоследовательным употреблением прилагательного, производного от названия страны: Беларусь – *беларусский, белорусский*.

С названием государства, в современном русском языке не имеющего единого варианта, связана и другая большая проблема. Продолжающаяся трактовка русского языка как основополагающего среди восточнославянских ведёт не только к умалению роли белорусского и украинского языков, но вместе с тем, способствует необъективности многих выводов в русском языкознании. Русская лексикология не замечает заимствований из белорусского, однако словари приводят большое количество заимствований из польского. Беларусь выглядят как инопланетяне, недавно приземлившиеся между Польшей и Россией, и не оказавшие никакого влияния на развитие соседних языков и культур. Примером невосприятия этнической белорусской территории и культуры может послужить биография Станислава Монюшки из “Словаря юного музыканта” Л. Михеевой 2005 года издания:

«Станислав Монюшко (1819 – 1872) – польский композитор, дирижер, музыкально-общественный деятель. Родился в Убеле близ Минска – эти земли входили тогда в состав Польши, бывшей частью Российской империи. < ... > В творческом наследии М. – 15 опер, среди которых самые известные – “Галька” (1848, 2-я ред. 1858) и “Зачарованный замок” (1858). В этих операх проявились наиболее яркие черты таланта композитора – опора на национальный польский фольклор» (МИХЕЕВА: 2005, 190).

Рассмотренный в данной работе этап русско-беларусской языковой интерференции рубежа XX – XXI веков, во многом обусловлен общим контекстом отношений мажоритарный язык – миноритный язык в рамках СССР, одновременно является следствием и более ранних влияний. Работа отражает неустойчивость и негомогенность современной языковой ситуации в

Беларуси, представленной резким дисбалансом между письменной литературной формой и нестандартной разговорной устной. Письменная традиция, устоявшаяся в советское время, нарушается вкраплениями элементов постмодернизма и разрушает тематическую данность литературы ушедшего века. Устная форма, чаще представленная транскодом с разным набором многоуровневых связей, значительно отдалена от стандарта.

Основной причиной **дестабилизации** белорусского и украинского языков, наряду с недостаточной сопротивляемостью внешним влияниям, консервативностью нормы, Х. Гладкова считает *конкуренцию с другим языком* (GLADKOVA: 2006, 162).

На современном этапе проблема белорусского языка – в значительной степени – проблема лингвоэкологическая, как с точки зрения внутри самой нации, так и с точки зрения внешних факторов.

«Не следует забывать, что наш скромный континент окружён куда более разнообразным и более мощным человеческим и языковым универсумом, и что в такой ситуации можно устоять только при взаимной солидарности и безграничном уважении по отношению ко всем со-европейцам и их языкам, несмотря на их величину, происхождение и ли генетическое родство» (MARVAN: 2008, 119).

Подходы лингвоэтики и лингвоэкологии (СКОВОРОДНИКОВ: 1996: I, СКВОРЦОВ: 1996, САВЕЛЬЕВА: 1997, ЦЫХУН: 1998: I, ORTOVÁ: 1999, MARVAN: 2004, ВАЛЕЕВА – БУХАРЕВА: 2009: I), безусловно, необходимы в контексте оказания помощи „проблемным“ языкам, однако в реальном соотношении „малый“ : „большой“ язык, теоретически обоснованные подходы чаще разбиваются о политические амбиции „большого“. Из трёх возможных последствий развития интеграционных процессов – ассимиляция (поглощение), контаминация (пиджинизация, креолизация) и аккомодация (приспособление, адаптация) (ЦЫХУН: 1998: I), – с точки зрения эколлингвистики, последний видится оптимальным. Однако такая аккомодация не имеет шансов развиваться в стихийном русле (как это происходит в Беларуси сегодня – противостояние литературной и разговорной форм, нескольких письменных стандартов, двух языков). Равновесие языковой системы должно поддерживаться

целенаправленной внутренней языковой политикой государства, в основе которой должен лежать лозунг: **«Чем ближе я к своему языку, тем более чувствую себя европейцем»** (MARVAN: 2008, 119).

Современная языковая ситуация, не являющаяся нормальной для национального государства, имела в историческом развитии много предпосылок. Ограничению сферы употребления белорусского языка на разных этапах его развития способствовали: полонизация, русификация, истребление и вывоз фондов белорусских памятников древней письменности и культуры (КАЛУБОВИЧ: 1974-1975)¹⁰⁴, терминологические несоответствия между значениями политонимов и этнонимов: исторических и современных названий государства, языка, народа, сокращение количества носителей языка во время войн, несколько волн эмиграции, существование нации до 1939 г. в двух государствах (Польша и СССР), политические репрессии 30-40-х годов, советская политика слияния в единый “советский народ”, конфессиональное деление белорусов на православных и католиков, авария на Чернобыльской АЭС (1986), превалирующая русскоязычная система советского и современного образования, отсутствие вопроса языковой политики в программе президента

¹⁰⁴ Исследование А. Калубовича рассказывает о белорусских архивах, начало которых относится к XII-XIII вв.; среди причин гибели, кроме естественных, как натуральный износ, пожары, военные действия, автор приводит сведения о вывозе письменных памятников как военных трофеев московскими войсками начиная с XV в.; позднее, в 1656 г. по приказу патриарха Никона из Кутейнского (Куцейнаўскага) монастыря были вывезены книги вместе с монастырским печатным двором (печатными станками), далее такие вывозы повторялись неоднократно: 1662 г. – из Новогрудка архив Главного трибунала, 1669, 1672 гг. – из Смоленска, 1772 г. – из Несвижа библиотека Радзивилов. Систематические и массовые вывозы: запланированные и административно предписанные начались после присоединения Беларуси к Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв.: 1793 – 1794 гг. по приказу Екатерины II на землях Беларуси и Украины собирали родословные наиболее известных дворянских (шляхетских) родов. В 1819 г. по договорённости с русскими властями польский филолог С. Линде – директор Варшавской публичной библиотеки вывез из закрытых белорусских монастырей порядка 50 000 книг. Целые архивы вывозились с 1795 г. (Литовская Метрика) по Указу Сената от 21.11.1794, 1832 г. – архив закрытого Виленского университета, 1845 г. – архив белорусских униатских митрополитов; 1823 г. – библиотека Могилёвского архиепископа Варлаама, 1820 г. – библиотека Полоцкой езуитской академии, 1837 г. – Дзерженская библиотека Сапег, 1835 г. – библиотека Виленской Римо-католической церкви и многие др.; во время Первой и Второй мировых войн многие музеи и библиотеки Беларуси были эвакуированы, но потом не были возвращены (Калубович: 1974-1975).

А. Лукашенко, сохраняющееся по сей день единое информационное пространство.

Наряду с довлеющим прессом русского языка (языковая агрессия, а на переломе двух веков американизация – варваризация (MARVAN: 2008, 118) проблема национального языка отражает и внутригосударственный „тормоз“ – пассивность государства по отношению к имеющемуся капиталу, неумение его использовать – непонятное игнорирование собственных ресурсов, не требующих больших капиталовложений. Беларусам не нужно создавать язык и культуру как таковые, нужно начать пользоваться этим наследством. В отношении к своей культуре и языку беларусы уподобляются скупому хозяину, имеющему полные закрома и отказывающему себе во всём. В отличие от культур небольших по численности народов, беларусская культура, пережив „период летаргического сна“, сохранила многие ценности (культурную эндосферу), созданные в период первого рождения, и в период после летаргии.

Имея богатое *словесное наследие*, лежащее мёртвым грузом: язык, фольклор, литературу, традиции, беларусская культура нуждается в большой уборке и ревизии, последующем целенаправленном использовании всего имеющегося. То есть нет необходимости глобальной работы по созданию национальных культурных артефактов, они существуют, а при условии целенаправленной поддержки со стороны государства, могут быть импульсом для создания новых.

БИБЛІОГРАФІЯ

- АВОРЯН 1985: Аворян, Р. Г., *Значение в языке. Философский анализ*. М.: Высшая школа 1985, с.104.
- АДОНЬЕВА 2002: Адоньева, С. Б., *Коммуникативные коридоры*. In: Материалы конференции "Полевые методы в социальных науках" 2002 [Электронный ресурс] / Доступ: <http://old.eu.spb.ru/press/sitelib.htm>. Дата доступа: [2009-1-20].
- АЙДУКОВИЧ 2008: Айдукович, Ї., *О понятии „трансконцептуализация“*. In: Cognitive Modeling in Linguistics – 2008, Proceedings of the X-th International Conference, Bechichi, Montenegro 2008. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.ptt.rs/korisnici/j/o/joralbgd/Transkonceptualizacija.htm>. Дата доступа: [2009-10-22].
- АКСАМИТАЎ – МАЛАШ 1991: Аксамітаў, А. С., Малаш, Л. А., *3 душой славыніна*. Мінск: Польшыя 1991.
- АКУДОВИЧ 2000: Акудовіч, В. *Уводзіны ў новую літаратурную сітуацыю*. In: Фрагменты [online]. 2000, № 3-4 [Электронный ресурс] / Доступ: <http://frahmenty.knihi.com/9akudovich2.htm>. Дата доступа: [2008-7-20].
- АЛЕКСАНДРОВИЧ 1971: Александровіч, С. Х., *Пуцявіны роднага слова*. Мінск: БДУ імя У. І. Леніна 1971.
- АЛЕКСІУТОВИЧ 1958: Алексютовіч, М., *Скарына. Яго дзейнасць і светапогляд*. Мінск: Выд-ва Акадэміі Навук 1958.
- АМОСОВА 2007: Амосова, Т. В., *Лингвистический капитал: результаты социологического опроса и их анализ*. In: Философия и социальные науки. №2, Минск: Вышэйшая школа 2007, с. 63–68.
- АНДРЕЕВА 2007: Андреева, О., *Мелкорубленный русский // Русский репортёр*. 2007, №2/31. [Электронный ресурс] / Доступ: www.expert.ru/printissues/russian_reporter/2007/02/russky_yazyk/print. Дата доступа: [2007-11-15].
- АНДРЕЙЧИК 2005: Андрейчик, М. *Проза мовної ідентичності*. Пер. з англ. Я. Якуб'як «The Ukrainian Language and Identity in Contemporary Ukrainian Prose: Otherness and Morality». Українсько-польський інтернет-журнал. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.ukraine-oland.com>. Дата доступа: [2005-06-05].
- АНДРУХОВИЧ 2001: Андрухович, Ю., *Кровозмісне дитя двомовності*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://krytyka.kiev.ua>. Дата доступа: [2009-07-3].
- АРЛОЎ – САГАНОВИЧ 2002: Арлоў, У., Сагановіч, Г. *Дзесяць вякоў беларускай гісторыі*. Вільня: Наша будучыня 2002.
- АНТАНЮК 1987: Антанюк, Л. *Беларуская навуковая тэрміналогія*, Мінск: Навука і тэхніка 1987.
- АРИФДЖАНОВ 2009: Арифджанов, Р., *Памятник огурцу*. In: Журнал Профиль № 10, 23.03.2009. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.profile.ru>. Дата доступа: [2009-07-3].

- АРЦЯМЁНАК 2009: Арцямёнак, Г. А., *Камунікатыўная прастора беларускай мовы: сучасны стан і магчымыя шляхі пашырэння*. In: Язык и социум. Материалы VIII Международной научной конференции, Минск: РИВШ 2009, ч. 2.
- БАБУРИН – СОКОЛОВА - ШИПУЛИНА: Бабурин, В.Л., Соколова, Д.В., Шипулина О.А., *Политический разлом Украины*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://geo.1september.ru>. Дата доступа: [2009-10-1].
- БАГДАНКЕВИЧ: 2005: *Интернет-дискуссия: "Что дае мне Беларуская Мова?"*, из высказывания С. Богданкевич. [Электронный ресурс] / Доступ: http://www.mova.by.ru/artykuly/Biel_Mova.doc. – Дата доступа: [2008-04-21].
- БАГИРОКОВ 2004: Багирок, Х. З., *Билингвизм: теоретические и прикладные аспекты (на материале адыгейского и русского языков)*: Монография. Майкоп: Изд-во АГУ 2004.
- БАЛЕЕВСКИХ 2001: Балеевских, К. В. *Писатель-билингв: свой среди чужих?* In: Ярославский Педагогический Вестник № 3-4, 2001. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.yspu.yar.ru>. Дата доступа: [2009-05-1].
- БАРАДУЛІН 2000: Барадулін, Р., *Трасянка*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://arche.bymedia.net/7-2000/t700.html>. Дата доступа: [2009-08-8].
- БАРКОВІЧ 2009: Барковіч, А. А., *Асаблівасці ўзнікнення і выкарыстання новай беларускай лексікі*. In: Язык и социум. Материалы VIII Международной научной конференции, Минск: РИВШ 2009, ч. 2., с.
- БАРТ 1978: Барт, Р., *Лингвистика текста*. In: Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск VIII, Лингвистика текста, М.: Прогресс 1978.
- БАРТОСІК 2004: Бартосік, З., *Фальшывая любоў*. In: Свабода, №1, 2004, с. 12.
- БАТВІННІК 2003: Батвіннік, М., *Азбука на ўсе часы*. Мінск: Беларуская навука 2003.
- БАРШЧЭЎСКАЯ 2004: Баршчэўская, Н., *Беларуская эміграцыя – абаронца роднае мовы*. Варшава: Варшаўскі Універсітэт 2004. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://kamunikat.org>. Дата доступа: [2009-05-1].
- БАХТИН 2003: Бахтин, М. М., *Собрание сочинений, Философская эстетика 20-х годов*, т.1, М.: Изд-во Русские словари Языки славянской культуры 2003.
- БЕЛИКОВ 2009: Беликов, Д., *На чем ты в наш колхоз приехал?* In: Журнал Профиль № 10, 2009.
- БЕРНАЦКАЯ 2003: Бернацкая, А.А., *О трех аспектах экологии языка*. In: Вестник КрасГУ. Гуманитарные науки 2003, №4, с. 122-125.
- БЕРЕЗОВИЧ – ГУЛИК 2002: Березович, Е. Л., Гулик, Д. П., *Ономасиологический портрет "человека этнического": принципы построения и интерпретации*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.ruthenia.ru>. Дата доступа: [2008-12-09].
- БЕРКОВ 1981: Берков, П. Н., *Проблемы исторического развития литератур*. Ленинград: Художественная литература 1981.
- БІРАЛА 1957: Бірала, А. Я. і кал., *Нарысы па гісторыі беларускай мовы*. Мінск: Вучэбна-педагагічнае выдавецтва Міністэрства Асветы БССР 1957.
- БРАГА 1993: Брага, С., *Доктар Скарына ў Маскве*. Менск: Навука і тэхніка 1993.
- БРАЙТ 1975: Брайт, У., *Введение: параметры социолингвистики*. In: Новое в лингвистике. Вып. VII. М.: 1975.

- БУДАГОВ 1976: Будагов, Р. А., *Человек и его язык*. М.: МГУ 1976.
- БУДАЕВ – ЧУДИНОВ 2008: Будаев, Э. В., Чудинов, А. П., *Лингвистическая постсоветология*. In: Политическая лингвистика. Вып. 2(25). Екатеринбург 2008. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://philology.ru/linguistics2/budaev-chudinov-08a.htm>. Дата доступа: [2009-11-19].
- БУЛГАКАЎ 2007: Булгакаў, В. *Злыя дэмань беларускай гісторыі*. In: ARCHE 9, 2007, с. 97–178.
- БУРЛАК 2008: Бурлак, С. А., *Креольские языки и глоттохронология*. In: *Orientalia et Classica XIX*. Труды Института Восточных культур и античности. Аспекты компаративистики 3. М.: 2008. с. 499-508. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://philology.ru/linguistics1/burlak-08.htm>. Дата доступа: [2009-07-14].
- БУРЛАК – СТАРОСТИН 2001: Бурлак, С. А., Старостин, С. А., *Введение в лингвистическую компаративистику*. М.: Эдиториал УРСС 2001.
- БУРЬЯК 2006: Бурьяк, А., *Творить Беларусь*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://bel-project.narod.ru/VP1000.htm>. Дата доступа: [2009-11-24].
- ВАДАЛАЖСКАЯ 2008: Вадалажская, Т., *Як адказаць на пытанне што ўяўляе сабой беларуская нацыя?* In ARCHE 11, 2008, с. 70–72.
- ВАЙНРАЙХ 1972: Вайнрайх, У., *Одноязычие и многоязычие*. In: Новое в лингвистике, Выпуск VI. Языковые контакты, М.: Прогресс 1972.
- ВАЛЕЕВА – БУХАРЕВА 2009: Валеева А. Ф., Бухарева Л. П., *Формирование лингвоэкологической модели образования в Марий Эл*. Научно-теоретический журнал «Успехи современного естествознания» №3, 2009. [Электронный ресурс] / Доступ: http://www.rae.ru/use/pdf/2009/03/2009_03_37.pdf. Дата доступа: [2009-08-11].
- ВИНОГРАДОВ 1990: Виноградов, В., *Интерференция*. In: *Лингвистический энциклопедический словарь* (Гл. ред. Ярцева В. Н.), М.: Сов. Энциклопедия 1990.
- ВИНОГРАДОВ 1978: Виноградов, В. В. *Избранные труды. История русского литературного языка*. М.: 1978.
- ВИНОГРАДОВ 1938: Виноградов, В. В., *Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков*. М.: Высшая школа 1982/1936, 1938.
- ВЕРБИЦКАЯ 2003: Вербицкая, Л. А., *Давайте говорить правильно*. М.: 2003.
- ВЕРЕСОВ 2005: Вересов, Н. Н., *Все схвачено: психологические аспекты и сущность управленческого контроля*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.master-class.spb.ru/art-el-upravkontr>. Дата доступа: [2009-10-14].
- ВЕРЕЩАГИН – КОСТОМАРОВ 1976, 2005: Верещагин, Е., Костомаров, В., *Язык и культура*. Индрик 2005.
- ВИШНЕВСКАЯ 2002: Вишневская, Г. М., *Межкультурная коммуникация, языковая вариативность и современный билингвизм*. In: Ярославский Педагогический Вестник № 1 (2002). [Электронный ресурс] / Доступ: <http://vestnik.yspu.yar.ru>. Дата доступа: [2008-08-3].
- ВОЛОСЕВИЧ 2004: Волосевич, І., *Явище мовної поліфонії в літературі та свідомості*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.ji.lviv.ua/n35texts/volosevych.htm>. Дата доступа: [2009-08-3].

- ВОЎК-ЛЕВАНОВІЧ 1994: Воўк-Левановіч, О. В., *Лекцыі па гісторыі беларускай мовы*, Мінск: Народная асвета 1994 (1927).
- ВОЮШ 2008: Воюш, С., *Што такое трасянка?* [Электронны ресурс] / Доступ: http://pbnf.org/2008/01/03/print:page,1,old_2385.html. Дата доступа: [2008-02-5].
- ВЭКСЛЕР 2004: Вэкслер, П., *Гістарычная фаналогія беларускае мовы*. Мінск: Выд. І. П. Логвінаў 2004.
- ВЭКСЛЕР 2004: Вэкслер, П., Што могуць ідэш, сучасны іўрыт, эсперанта, а таксама сербалужычане палешукі і хазары сказаць пра паходжанне габрэяў-ашкеназі? In: *ARCHE – ПАЧАТАК* (№ 3 (8), 2000.
- ГАПОВА 2005: Гапова, Е., *О политической экономии «национального языка» в Беларуси (Часть I)*. *Ab imperio*, № 3, 2005, [Электронны ресурс] / Доступ: <http://old.belintellectuals.eu/discussions/?id=108>. Дата доступа: [2009-09-07].
- ГАРЭЦКІ 2002: Гарэцкі, Г., *Выбранае*. Мінск: Беларускі кнігазбор 2002.
- ГАСПАРОВ 1996: Гаспаров Б. М., *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. М.: Новое литературное обозрение 1996.
- ГАЧЕВ 2006: Гачев, Г., *Национальные образы мира*. [Электронны ресурс] / Доступ: <http://lib.userline.ru/596?page=20>. Дата доступа: [2006-08-2].
- ГЕНЧЕЛЬ 2008: Hentschel, G. *On the development of inflectional paradigms in Belarusian trasjanka: the example of demonstrative pronouns*. In: *Belarussian trasjanka and Ukrainian Suržyk*. *Studia Slavica Oldenburgensia* Bis-Verlag, Hentschel G., Zaprudski S. (eds.) Oldenburg: 2008, с. 99-133.
- ГЕРД 2005: Герд, А. С., *Введение в этнолингвистику*. СПб.: Изд-во СПб 2005.
- ГЕРМАНОВІЧ 1985: Германовіч, І., *Беларускія мовазнаўцы*. Мінск: Універсітэцкае 1985.
- ГИГЕР 2006: Giger, M., *Otázka aplikace terminu 'diglosie' na předmoderní jazykové situace: (na příkladě situace ve starém Rusku a na Slovensku 17./18. stol.)*. In: *Acta Slavica et Baltica: Sociální aspekty spisovných jazyků slovanských*. UK v Praze: Euroslavica 2006. s. 73-92.
- ГИГЕР 2006: Giger, M., *Jazyk jako symbol a ritual: otazka funkčních domen běloruštiny*. In: *Cesty k národnímu obrození: běloruský a český model*. Sborník příspěvků z konference konané 4.-6.07.2006 v Praze. Praha: UK FHS 2006.
- ГИГЕР – СЛОБОДА 2008: Giger, M., Sloboda, M., *Language management and language problems in Belarus: Education and Beyond*. In: *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*, 11 (3-4), 2008. [Электронны ресурс] / Доступ: <http://www.sloboda.cz/marian/publikace.htm>. Дата доступа: [2009-07-3].
- ГИРУЦКИЙ 2003: Гируцкий, А. А. *Введение в языкознание*. Минск: ТетраСистемс 2003.
- ГЛАДКОВА 2002: Gladkova, H., *Vzestup a krize symbolických funkcí slovanských standardních jazyků*, In: *OBDOBJA 20 – Metode in zvrsti*. Slovenski knjižni jezik – aktualna vprašanja in zgodovinske izkušnje. Ljubljana 2002, с. 227-254.
- ГЛАДКОВА 2003: Gladkova, H., *Symbolické funkce jazyka a národní obrození u Slovanů*. 2005, In: *Přednášky z XLVI. běhu Letní školy slovanských studií*. Praha: Filozofická fakulta UK v Praze 2003. 41-48.
- ГРАЧЁВ 2005: Грачëв, М., *От Ваньки Каина до мафии, Прошлое и настоящее уголовного жаргона*. СПб: Авалон 2005.

- ГРУЗОВСКИЙ 2007: Gruzovský R, *Самая маленькая славянская нация в центре Европы*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.gruzovsky.cz/index.php?ru-serbia>. Дата доступа: [2009-11-3].
- ГУБОГЛО 2000: Губогло, М., *Язык и этническая мобилизация*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.archipelag.ru>. Дата доступа: [2009-10-12].
- ГУБОГЛО – КОЖИН 2007: Губогло, М. Н., Кожин, А. А. *Роль языка средств массовой информации в системе этногосударственных отношений*. [Электронный ресурс] / Доступ: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/society/28_607. Дата доступа: [2009-10-2].
- ДАЙАН АВЕ 2006: Дайан Аве, *Не белорус? Субъективный взгляд на историю*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.proza.ru/texts/2006/12/14-255.html>. – Дата доступа: [2007-02-2].
- ДАЛЬ 1956: Даль, В., *Толковый словарь живого великорусского языка в 5 т., т. 2*, М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, факсимильное, по второму исправленному изданию 1881/1956, с. 373., т. 4, 1882/1956, с. 362.
- ДВАРЧАНІН 1991: Дварчанін, І. С., *Францішак Скарына як культурны дзеяч і гуманіст на беларускай ніве*. Мінск: Навука і тэхніка 1991.
- ДЕЙК, В., КИНЧ 1988: Дейк, В., Кинч, В., *Стратегия понимания связного текста*. In: Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс 1988.
- ДЕРЕВЯНКИН 2009: Деревянкин, Я., *Применение SWOT-анализа для командообразования в проекте. Краткий алгоритм* [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.zubry.ru/articles/2009/04/primenenie-swot-analiza-dlya-komandobrazovaniya-v-proekte-kratkij-algoritm/>. Дата доступа: [2009-08-15].
- ДЕШЕРИЕВ 1977: Дешериев, Ю. Д., *Социальная лингвистика*. М.: Наука 1977.
- ДОВНАР–ЗАПОЛЬСКИЙ 2003: Довнар–Запольский, М., *История Белоруссии*. Минск: Беларусь 2003.
- ДОБРУШИНА 2007: Добрушина, Н.Р., *Многоязычие в Дагестане, или зачем человеку три языка*. In: Социологический журнал, № 1, 2007. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.socjournal.ru/article/681>. Дата доступа: [2009-08-1].
- ДОНІЙ 2003: Доній, О. *Хай живе суржик!* [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.molodaukraina.org>. Дата доступа: [2008-12-2].
- ДОМНИЧ 2002: Домнич, О. В., *Аспекты теории типологии языковых контактов*. In: Вісник ЗНУ, Випуск 1, Філологічні науки 2002.
- ДОРОШЕВСКИЙ 1970: Дорошевский, В., *Элементы лексикологии и семиотики*. Пер. Конновой, В. Варшава: Państwowe Wydawnictwo Naukowe 1970.
- ДЬЯЧОК 2003: Дьячок, М.Т., *Русское просторечие как социолингвистическое явление*. In: Гуманитарные науки. Вып. 21. М.: 2003. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://philology.ru/linguistics2/dyachok-03a.htm> Дата доступа: [2006-09-7].
- ЕВИН 2005: Евин, И. А., *Синергетика мозга*. М: Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика 2005.
- ЕРЕМИН 1978: Еремин, И. П., *Лекции и статьи по истории древней русской литературы*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета 1987.

- ЕРМАКОВА 1994: Ермакова, М. И., *Функционирование серболужицкого языка*. In: Язык. Этнос. Культура. М., 1994. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.philology.ru/linguistics3/ermakova-94.htm>. Дата доступа: [2008-12-6].
- ЕРМАЛОВИЧ 2000: Ермалович, М., *Беларуская дзяржава Вялікае Княства Літоўскае*. Мінск: Беллітфонд 2000.
- ЕРОФЕЕВА 2002: Ерофеева, Т. И., *Понятие "социолект" в истории лингвистики XX века* In: *Изменяющийся языковой мир*. Пермь: 2002.
- ЖАНТО 2001: Жанто, Ж. П., *Статистический способ изучения социолингвистической ситуации в г. Минске*. In: *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы – Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў "Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый"* 2000, Мінск, Беларускі кнігазбор, 2001.
- ЖИРОНКИНА 2007: Жиронкина, О., *Лізла баба по лесніце, упала з драбіны: заметки о языковой ситуации на Украине*. In: «Отечественные записки» № 1(33) 2007. В украинских координатах. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.strana-oz.ru/?numid=34&article=1415>. Дата доступа: [2008-12-3].
- ЖОЛДАК 2001: Жолдак, Б., *Антиклимакс*. К.: Факт 2001.
- ЖУРАЎСКИ 1967: Жураўскі, А. І., *Гісторыя беларускай літаратурнай мовы*. Т. 1. Мінск: Навука і тэхніка 1967.
- ЖЫДОВІЧ 1957: Жыдовіч, М. и кол., *Нарысы па гісторыі беларускай мовы*. Рэд. П. Глебка, Булахаў М., Жыдовіч М. Мінск: Дзяржаўнае вучэбна-педагагічнае выдавецтва Міністэрства асветы БССР 1957.
- ЗАСОРИНА 1974: Засорина, Л. Н., *Введение в структурную лингвистику*. М.: Высшая школа 1974.
- ЗАПРУДСКИ 2005: Запрудскі, С., *Аб дынаміцы узусу беларускай літаратурнай мовы 1920-1930-х гг. (гісторыя адпрыметнікавых назоўнікаў на -істы/-ысты)*. In: *Studia Russica XXII*. Budapest, 2005. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://philology.by>. Дата доступа: [2009-11-5].
- ЗАПРУДСКИ 2008: Запрудскі, С., *Маўленчая акамадацыя і пераключэнне кодаў у працэсе міжкультурнай камунікацыі: выпадак Беларусі*. In *Belarussian trasyanka and Ukrainian Surżyk*. *Studia Slavica Oldenburgensia*. Hentschel G., Zaprudski S. (eds.) Bis-Verlag, Oldenburg, 2008, с. 57-97.
- ЗАПРУДСКИ 2002: Запрудскі, С., *Стратэгія развіцця беларускай мовы ў XX стагоддзі як спосаб палагодзіць моўны канфлікт у Рэспубліцы Беларусь*. In: *Мовні канфлікты і гармонізацыя супольства*. Матэрыялы навуковай канферэнцыі. К.: Выдавничо-поліграфічны цэнтр "Кііўскі ўніверсітэт" 2002.
- ЗЕМСКАЯ 1996: Земская, Е., *Активные процессы современного словопроизводства* In: *Русский язык конца 20 столетия*. М.: 1996.
- ИВАНОВ 2004: Иванов, Вяч., *Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему*. М.: 2004.
- ИВАНОВ 1983: Иванов, В. В., *Историческая грамматика русского языка*. М.: Просвещение 1983.
- ИВАНОВ 1999: Иванов, В., *Парадигматические и синтагматические отношения в фонологической системе русского языка*. In: *Современный русский язык*. Новиков, Л. и кол. авторов под общ. ред Л. Новикова СПб.: Лань 1999.

- ІВАНОВА 2001: Іванова, С., *Наколькі блізкія блізкароднасныя мовы (граматычны кантраст паміж беларускай і рускай мовамі)*. In: Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты і перспектывы, Беларусіка/Albaruthenica, Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў дыялогу цывілізацыі”. Мінск: Беларускі кнігазбор 2001.
- ІВАНОВА – ІВАНОЎ – МЯЧКОЎСКАЯ 1998: Іванова, С., Іваноў, Я., Мячкоўская, Н., *Сацыякультурная прастора мовы: наколькі блізкія блізкароднасныя мовы (да вызначэння лінгвістычнай адлегласці паміж беларускай і рускай мовамі)*. Мн.: Веды, 1998. [Электронны рэсурс] / Доступ: <http://kamunikat.fontel.net>. Дата доступу: [2009-08-5].
- ІВАШИНА – РУДЕНКА 2006: ИВАШИНА, Н. РУДЕНКА, А. *Чешско-белорусские квазипараллели (проблемы межъязыковой омонимии)* In: Die Welt der Slaven 2006, LI, 2. S. 357-371.
- ІРВАНЕЦЬ 2001: Ирванець In: Жолдак, Б., *Антиклимакс*. К.: Факт 2001.
- КАВАЛЕНКА 1989: Каваленка, В., *Эпічная сіла паэтычнага слова*. In: Янка Купала Паэмы. Драматычныя творы. Мінск: Мастацкая літаратура 1989.
- KALITA 2006: Kalita, I., *Literatura jako způsob poznání světa*. In: Sborník z mezinárodního semináře Výuka národní literatury v mezipředmětových vztazích; Ústí nad Labem: PF UJEP 2006.
- KALITA 2007(a): Kalita, I., *Амографы ў беларускай мове*. In: Opera Slavica. Ročník XVII, č. 2, 2007.
- KALITA 2007(б): Каліта, І., *Этымалогія назваў дзяржавы, мовы, народа. Русь, Беларусь і Расія*. In: Balto-Slavicum Pragense (Acta Slavica et Baltica, 7, 2007), Praha, FF UK.
- KALITA 2008(a): Каліта, І., *Нацыянальныя асаблівасці літаратурнай адукацыі. (Беларуская мадэль)* In: Literární výchova jako cesta k četbě, Sborník z mezinárodního semináře, PF UJEP, Ústí nad L. 2008.
- KALITA 2008(б): Каліта, І., *Ментальны кампазіт беларускай парэміі*, In: Parémie národů slovanských IV, Sborník příspěvku z mezinárodní konference, Ostrava, FF, Ostravská univerzita V Ostravě, 2008.
- KALITA 2008(в): Каліта, І., *Несколько заметок о белорусской трясянке*. In: Материалы международной научной конференции “Культура в языке и литературе – язык и литература в культуре”, Вестник Кыргызского Национального Университета, Бишкек КНУ 2008.
- KALITA 2008(г): Каліта, І., *Изучение русского языка как иностранного или способ приобретения социокультурной компетенции*. In: Sborník Sociokulturní složka výuky cizího jazyka a SERR, UJEP Ústí nad L. – Státní odborná škola v Ratiboři 2008.
- КАЛУБОВІЧ 1974-1975, 1978: Калубовіч, А., *Мова ў гісторыі беларускага пісьменства*. ў ч. 2, Ч.1. Мюнхэн – Лондан 1974-1975; ч. 2. Клыўлэнд ЗША 1978.
- КАРСКИЙ 2007: Карский, Е. Ф., *Белорусы в 3 т.*, Минск: Беларуская Энцыклапедыя 2006.
- Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. БелЭн 2007, с. 565.
- Т. 2, кн. 1. Язык белорусского народа. БелЭн 2007, с. 512.
- Т. 2, кн. 2. Язык белорусского народа. БелЭн 2007, с. 456.
- Т. 3. кн. 1. Очерки словесности белорусского племени. Минск: БелЭн 2007, с. 584.

- КАНАПАЦКІ: Канапацкі, І, *Татары ў Беларусі. Іх рэлігія*. Беларуская Палічка: [Электронны рэсурс] / Доступ: <http://www.knihi.com>. Дата доступу: [2009-11-01].
- КАЎКА 1989: Каўка, А., *Тут мой народ*. Мінск: Мастацкая літаратура 1989.
- КЕДРОН 2006: Kedron, K., *Národní obraz světa a národní mentalita – případ Běloruska*. [Электронны рэсурс] / Доступ: <http://www.cepsr.com/clanek.php?ID=285>. Дата доступу: [2009-10-10].
- КЕДРОН 2007: Kedron, K., *Současná jazyková situace v Bělorusku*. In: *Opera Slavica. Ročník XVII, č. 4, 2007, s. 41-48*.
- КЕДРОН 2008: Kedron, K., *Politicko-sociálne aspekty vývoja bieloruského jazyka v 20. Storočí*. In: *Kultúra slova* r. 42, 2008, č. 3. [Электронны рэсурс] / Доступ: <http://www.juls.savba.sk/ks/2008/3/ks2008-3.pdf>. Дата доступу: [2009-07-10].
- КІКЛЕВІЧ – ПАЦЕХІНА 2000: Кіклевіч А., Пацехіна А., *Беларуская літаратурная норма: дынаміка і інавацыі (на матэрыялах сучаснага беларускага друку)*" In: *Slavia Orientalis*, XLIX, Nr 1, s. 93–105. [Электронны рэсурс] / Доступ: <http://mab.org.by/materyjaly/publikacyi/bielaruskaja-litaraturnaja-norma-dynamika-i-inavacyi-pa-materyjalach-sucasnaha>. Дата доступу: [2009-06-12].
- КІПЕЛЬ - КІПЕЛЬ 2003: Кіпель, З., Кіпель, В., *Беларускі і беларусаведны друк на Захадзе*. Нью Ёрк – Менск: БНІМ 2003.
- КЛІМАЎ 2004: Клімаў, І., *Гісторыя складання двух стандартаў у беларускай літаратурнай мове*. In: *Роднае слова* № 6, 2004.
- КЛІМАЎ 2004: Клімаў, І., *Беларуская трасянка і ўкраінскі суржык вачамі навукоўцаў*. In *Бюлетэнь Міжнароднай асацыяцыі беларусістаў*. № 3, 2009.
- КЛИМЕНКО – ЛУЧКОВСКАЯ 2009: Клименко, А., Лучковская, Е., *Лакуны как способ отражения национального и социального в языке*. In: *Язык и социум* Материалы VIII Международной научной конференции, Минск: РИВШ 2009.
- КЛЮЧЕВСКИЙ 1992: Ключевский, В. Ю., *Краткое пособие по русской истории*. М.: Прогресс-Пангрёя 1992.
- КОБЗИК 2009: Кобзик, Л., *10 символов Беларуси*. "TUT.BY", 19.06.2009 [Электронны рэсурс] / Доступ: <http://bp21.org.by/ru/art/a090619a.html>. Дата доступу: [2009-08-3].
- КОЛОДКО 2002: Kołodko, Grzegorz W., *Ekonomiczna trasjanka* In: *Tygrys z ludzka twarza Toruń* 2002. [Электронны рэсурс] / Доступ: <http://www.tiger.edu.pl/kolodko/eseje/nzg/28.htm>. Дата доступу: [2009-11-5].
- КОЛОМИЕЦ 1986: КОЛОМИЕЦ, В. Т. и кол., *Историческая типология славянских языков*. Киев: Наукова думка 1986, с. 287.
- КОЛОСОВА 2007: Колосова, Е. И., *О грамматической синонимии у глаголов книжного характера*. In: В.А.Богородицкий: научное наследие и современное языковедение. Материалы Международной научной конференции. Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. [Электронны рэсурс] / Доступ: <http://kls.ksu.ru>. Дата доступу: [2009.09.09]
- КОНАН 1990: Конан, У., *Боская і людская мудрасць*. Мінск, Голас радзімы 1990.

- КОПЭЦКИ 2002: Корецькы, К., *K podstatě termínu pasivní bilingvismus*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://epedagog.upol.cz/eped4.2002/> Дата доступа: [2007-08-15].
- КОРОБКИНА 2004: Коробкина, И. А., «Свои» или «Чужие»? : лужицкие сербы в истории Германии XIX–XX вв. In: Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 6 (специальный): Материалы международного научного семинара «Свое» и «Чужое» в исследовательском поле «истории пограничных областей». Пятигорск, Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.newlocalhistory.com>. Дата доступа: [2009-05-8].
- КОРЯКОВ 2002: Коряков, Ю., *Кандидатская диссертация "Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций"*. [Электронный ресурс] / Доступ: http://linguarium.iling-ran.ru/ling_geo/belarus/LSB-2.shtml. Дата доступа: [2009-08-5].
- КОРЯКОВЦЕВА 2009: Коряковцева, Е. И., *Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса*. In: *Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*, Siedlce, Akademe Podlaska 2009, с. 179-199.
- КОСЕРИУ 1963: Косериу, Э., *Синхрония, диахрония и история*. In: Новое в лингвистике, выпуск III, М.: Изд-во иностранной литературы, 1963, с. 186.
- КОЧЕРГАН 2006: Кочерган, М. П., *Загальне мовознавство*. Київ: Академія 2006.
- КРАПОТИНА 2007: Крапотина, Т., *Роль вторичной номинации в образовании новых фразеологических единиц*. In: Вестник МГОУ. Серия Русская филология, № 1, 2007, М.: Изд-во МГОУ 2007.
- КРАСНЕЙ 1992: Красней, В.П., *Грані слова*. Мінск, Народная асвета 1992.
- КРАСНЕЙ - ЛАЗОЎСКИ - ШЧАРБАКОВА 1984: Красней, В. П., Лазоўскі, У. М., Шчарбакова, І. М., *Сучасная беларуская мова*. Мінск: Універсітэцкае 1984.
- КРЫВІЦКІ 1967: Крывіцкі, А. А., *Наша родная мова*. Мінск: Народная асвета 1967.
- КРЫЛОВА 2006: Крылова, О. А., *Лингвистическая стилистика*. М.: Высшая школа 2006.
- КУЗНЕЦОВ – ШЕЛКОПЛЯС 1998: Кузнецов И.Н., Шелкопляс В.А., *История государства и права Республики Беларусь*. Учебное пособие. Минск.: 1998.
- КУНОЎСКАЯ: Куноўская, М., *Вазьму ўрокі трасянку*. [Электронный ресурс] / Доступ: http://www.pravapis.org/art_trasianka1.asp. Дата доступа: [2009-01-09].
- КУРГАНСКАЯ 1999: Курганская, В. *Казахстан: языковая проблема в контексте межэтнических отношений*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.cac-s.org/journal/cac-06-1999/kurganskaja.shtml>. Дата доступа: [2008-03-10].
- КУРС: Курс, С., *Интервью Сергей Михалок: "трасянка" мне нравится, а колдырится я не буду*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://ricksy.net>. Дата доступа: [2008-08-2].
- ЛАБОВ 1975: Лабов, У., *Отражение социальных процессов в языковых структурах*. In: Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социолингвистика. М.: Прогресс 1975.
- ЛАБЫНЦАЎ 1990: Лабынцаў, Ю. *Пачатак Скарынам*. Мінск: Мастацкая літаратура 1990.
- ЛАБЫНЦАЎ 1990: Лабынцаў, Ю. *Скарынаўскі каляндар*. Мінск: Мастацкая літаратура 1990.
- ЛАСТОЎСКИ 1992: Ластоўскі, В., *Кароткая гісторыя Беларусі*. Мінск: Універсітэцкае, 1992 (факсимл. Вільня, 1910).

- ЛЕЙЗЕРОВ 2002: Лейзеров, А., *Национальная политика в Беларуси в первые годы советской власти (1920-1939)*. In: Беларусь У XX стагоддзі. Вып. 1, 2002 [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.homoliber.org/ru/xx/xx010112.html>. Дата доступа: [2008-09-13].
- ЛЕШКА 2003: Leška, O., *Jazyk v strukturním pojetí*. Praha: Euroslavica Slovanský ústav 2003, с. 478.
- ЛИСКОВЕЦ 2002: Лисковец, И., *Позиция исследователя: взгляд снаружи или изнутри?* In: Материалы конференции "Полевые методы в социальных науках" 2002 [Электронный ресурс] / Доступ: <http://old.eu.spb.ru/cfe/conf/05.htm>. Дата доступа: [2009-10-15].
- ЛИСКОВЕЦ 2002: Лисковец, И., *Трасянка: происхождение, сущность, функционирование*. In: Антропология. Фольклористика. Лингвистика. Сборник статей. Вып. 2. СПб.: 2002.
- ЛИТВИН 2002: Литвин, А., *К вопросу о количестве людских потерь Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)*. In: Беларусь У XX стагоддзі. Вып. 1, 2002 [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.homoliber.org>. Дата доступа: [2008-09-14].
- ЛИТОВ 2008: Литов, А., *Партизанская легенда* Народная газета, 5.07.2008, с. 8.
- ЛИХАЧЁВ 1973: Лихачёв, Д. С., *Развитие русской литературы X – XVII веков*. Ленинград: Наука 1973.
- ЛОЙКА 1989: Лойка, А. А., *Гісторыя беларускай літаратуры. Дакастрычніцкі перыяд*. У 2 ч., 2-е выд., Мінск: Вышэйшая школа 1989.
- ЛОЙКА 2001: Лойка А. А., *Старабеларуская літаратура*. Мінск: Вышэйшая школа 2001.
- ЛУКАШАНЕЦ 2004: Лукашанец, А., *Беларуская мова на пачатку XXI ст.* In: Роднае слова, №11, 2004.
- ЛУКАШАНЕЦ 2009(а): Лукашанец, А., *Сацыяльная стратыфікацыя беларускай мовы*. In: Язык и социум. Материалы VIII Международной научной конференции, Минск, РИВШ 2009.
- ЛУКАШАНЕЦ 2009(б): Лукашанец, А., *Працэсы інтэрнацыяналізацыі ў беларускай мове канца XX – пачатку XXI стст.* In: Przejawy internacjonalizacji w językach słowiańskich, Siedlce: Akademia Podlaska 2009.
- ЛЫЧ 1994: Лыч Л. М., *Назвы зямлі беларускай*. Мінск: Універсітэцкае 1994.
- МАКМІЛІН 2003: Макмілін, А., *Чым адрозніваюцца і хто вінаваты. Нина Мечковская. Беларускі язык: Соціолінгвістычныя очеркі. / Specimina Philologiae Slavicae, 138. – München: Verlag Otto Sagner, 2003.* In: ARCHE, № 6, 2003.
- МАКМІЛІН 2007: Макмілін, А., *Прыгажосць у малым*. In: ARCHE, № 4, 2007.
- МАЛЬДЗІС 1982: Мальдзіс А. І., *Беларусь у лютэрку мемуарнай літаратуры XVII стагоддзя* Мінск: Мастацкая літаратура 1982.
- МАЛЬДЗІС 1980: Мальдзіс А. І., *На скрыжаванні славянскіх традыцый*. Мінск: Навука і тэхніка 1980.
- МАРВАН 2000: Marvan, J., *Jazykové milénium. Slovanská kontrakce a její český zdroj*. Praha: Academia 2000.

- МАРВАН 2004: Marvan, J., *Brána jazykem otvíraná aneb o češtině světové*. Praha: Academia 2004.
- МАРВАН 2008: Marvan, J., *Introducing Europe to Europeans through their language*. Praha: UK FF 2008.
- МАРПЛЗ - ПАДГОЛ 2008: Марплз, Д., Падгол, У., *Палітыка новай памяці ў другой расійскамоўнай дзяржаве*. In: ARCHE 11, 2008, с. 91–100.
- МАРТОС 2003: Мартос, А., *Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.orthedu.ru>. Дата доступа: [2007-04-08].
- МАСЕНКО 2004(a): Масенко, Л., *Суржик як соціолінгвістичний феномен*. In: Культурологічний часопис «І» №35, 2004. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.ji.lviv.ua/n35texts/masenko-surzhyk.htm>. Дата доступа: [2009-04-08].
- МАСЕНКО 2004(б): Масенко, Л., *Мова і політика*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://ruthenia.info/txt/masenkol/movpol/index.html>. Дата доступа: [2009-04-08].
- МАСЕНКО 2008: Масенко, Л., *Суржик історія формування, сучасний стан, перспективи функціонування*. In: *Belarussian trasjanka and Ukrainian Suržyk*. *Studia Slavica Oldenburgensia* Bis-Verlag, Hentschel G., Zaprudski S. (eds.) Oldenburg: 2008, с. 1-37.
- МАСЕНКО 2002: Масенко, Л., *Стає маразмом “навіки разом” (про лінгвокультурне змішування)*. In: *Мовні конфлікти і гармонізація суспільства*. Матеріали наукової конференції. К.: Видавничо-поліграфічний центр “Київський університет” 2002.
- МАСЛОВА 2007: Маслова, В. А., *Лингвокультурология*. 3-е изд., испр. М.: Издательский центр Академия 2007.
- МАЦЮК 2001: Мацюк, Р. *Суржик для інтелігенції. Довідник з історії найновішого поступу 1998–2001*. Львів: 2001. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://westukr.itgo.com/Zmist.html>. Дата доступа: [2008-14-07].
- МЕЧКОВСКАЯ 1998: Мечковская, Н., *Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий*. Москва: "ФАИР" 1998.
- МЕЧКОВСКАЯ 2000: Мечковская, Н., *Структурная и социальная типология языков*. Минск: Алмафея 2000.
- МЕЧКОВСКАЯ 2003: Мечковская, Н., *Белорусский язык: Социолингвистические очерки*. (*Specimina philologiae slavicae*, Bd. 138). München: Verlag Otto Sagner 2003.
- МЕЧКОВСКАЯ 2006: Мечковская, Н. Б., *Гендерный аспект этноязыковых коллизий: развитие языковой ситуации в Беларуси XX в. и женская речь*. *Entwicklung slawischer Literatursprachen, Diglossie und Gender: Literalität von Frauen und Standardisierungsprozesse im slawischen Areal* / Hrsg. von J. Leeuwen-Turnovcová und Nicole Richter (*Specimina philologiae slavicae*, Bd. 143). München: Verlag Otto Sagner 2006. с. 9–46.
- МЕЧКОВСКАЯ 2009: Мечковская, Н., *Белорусская трасянка и украинский суржик: о культуре речи и лингвистической толерантности у восточных славян в постсоветское время*. In: *Язык и социум*. Материалы VIII Международной научной конференции, Минск, РИВШ, 2009.

- МЕЧКОВСЬКА 2006: Мечковська, Н., *Об'єкти і напрями в соціолінгвістичних дослідженнях (Досвід систематизації)*. In: Вісник Львів. Ун-ту, Серія Філол. 2006., Вип. 38. Ч. II. с. 13-20.
- МИСЬКОВА 2000: Миськова, Е., *Вопиюще противоречит конституции. Северные просторы*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.severprostor.ru>. Дата доступа: [2007-02-06].
- МИТИНА 2007: Митина, О., *Суржик и трясанка как основное блюдо*. Интервью с А. Волковым, завкафедрой общего и сравнительного языкознания МГУ. In: Русский репортёр №2, 31 мая 2007.
- МИХЕЕВА 2005: Михеева, Л., *Словарь юного музыканта*. М. СПб: СОВА 2005.
- МУКАРЖОВСКИЙ 1966: Mučářovský, J., *Studie z estetiky*. Praha: Odeon 1966.
- МУКАРЖОВСКИЙ 2007: Mučářovský, J., *Studie* [1]. Brno: Host 2007, 556 с.
- МУЛЛАГАЛИЕВА 2006: Муллагалиева, Л. К., *Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации*. М.: Ладомир 2006.
- МУСОРИН 2000: Мусорин, А. Ю., *Церковнославянский язык и церковнославянизмы*. In: Материалы Первой научной конференции. Новосибирск: Наука. Университет. 2000. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.philology.ru>. Дата доступа: [2008-01-06].
- МУСТАЙОКИ 2004: Мустайоки, А. *Знание общества как элемент коммуникативной компетенции. К вопросу соотношения языка и действительности*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.helsinki.fi/%7Emustajok/pub/publications.html>. Дата доступа: [2008-01-06].
- МУСТАЙОКИ – ВЕПРЕВА: Мустайоки, А. Вепрева, И. Т., *Какое оно модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.helsinki.fi>. Дата доступа: [2008-01-06].
- МЯЧКОЎСКАЯ 2001: Мячкоўская, Н., *Сацыялінгвістычны погляд на чыннікі, тармазы і прыярытэты нацыянальнага адраджэння*. In: Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы – Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый” 2000, Мінск: Беларускі кнігазбор 2001.
- НАБЕЛКОВА – СВОБОДА 2005: Nábělková, M., Sloboda, M., *"Aj ja som išiel do sveta a donášel jsem své lásce nejkrásně kvety..." (Podoby bilingválného diskurzu a "českoslovenčina")*. In: Individuálny a spoločenský bilingvizmus. Bratislava: Univerzita Komenského 2005. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.sloboda.cz/marian/publikace.htm>. Дата доступа: [2009-07-3].
- НАБЕЛКОВА – СВОБОДА: I: Nábělková, M., Sloboda, M., *‘Trasianka’ and ‘českoslovenčina’ (Czechoslovak) as discursive folk categories: their history and present-time uses*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.sloboda.cz/marian/publikace.htm>. Дата доступа: [2009-07-3].
- НЕВЗОРОВ 2004: Невзоров, А., *Пиджин-рашен становится основным разговорным языком СНГ*. In: Русский журнал [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1083220980>. Дата доступа: [2005-01-06].

- НЕКВАПИЛ 2000: Nekvapil, J., *Sociolingvistika v systému encyklopedických hesel*. In: *Češtinář* 11, 2000/2001, s. 15-24. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://ulug.ff.cuni.cz/sylaby/sociolng.htm>. Дата доступа: [2009-08-2].
- НЕЩИМЕНКО 2006: Нещименко, Г., *Оппозиция «носитель – пользователь» языка и языкового идиома как прогностический фактор в развитии языковой культуры социума*. In: *Acta Slavica et Baltica Sociální aspekty spisovných jazyků slovanských, Volumen VI - Annus 2006 – Slavistika 2006, UK, Praha, 2006*.
- НИКОЛЬСКИЙ 1976: Никольский, Л. Б., *Синхронная социолингвистика*, М.: Наука 1976.
- НОВИКОВ 1999: Новиков, Л. А. и кол., *Современный русский язык*. СПб.: Лань 1999.
- НОГОЙБАЕВА 2005: Ногойбаева, Э., *О проблемах национальной идентификации современного кыргызского общества*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.analytika.org/artikle>. Дата доступа: [2008-12-10].
- НОРМАН 2007: Норман, Б., *Славянские паремии: архаика и новации, мудрость и алогизм*. In: *Opera Slavica*. 2007, XVII. № 2, 1-12.
- ОНДРЕЙОВИЧ 1996: Ondrejovič, S., *Jazyková ekológia ekológia lingvistiky*. In: *Jazykovedný časopis*, č 1., 1996, s. 3-23.
- ОРГШ 2008: Оргш, В., *Прыўшоў час сыходзіць з барыкад*. In: *Беларусь сегодня*, № 238, 239, 19.12.2008. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://sb.by/post/78560/>. Дата доступа: [2009-05-3].
- ОРЛОВ 1934: Орлов, А. С., *Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII-XVII веков* Ленинград: Издательство АН СССР 1934.
- ОРТОВА 1999: ORTOVÁ J. *Kapitoly z kulturní ekologie*. Praha: UK Karolinum 1999, 142 с.
- ПАВЛОВСЬКИЙ 2008: Павловський, А. *Суржик – перший крок десовковізації суспільства*. 27.04.2008. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.kavkazcenter.com>. Дата доступа: [2008-06-13].
- ПАЗЬНЯК 2006: Пазьняк, З., *Симвалы*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.zianonpazniak.de/publications/publications.htm>. Дата доступа: [2007-10-26].
- ПАНАМАРОУ 2008: Панамароу, В., *Фэнамэналёгія нацыі*. In: *ARCHE* 11, 2008, с. 73-76.
- ПАНОВ 2002: ПАНОВ М.В.: *История русского литературного произношения XVIII-XX в.в.* М. Едиториал УРСС 2002.
- ПАРХОМЕНКО – РАДУГИН 2001: Пархоменко, И. Т., Радугин, А. А., *Языки и символы культуры* In: *Культурология в вопросах и ответах*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.countries.ru/library/theory/cultlang.htm>. Дата доступа: [2008-11-13].
- ПАХЛЬОВСЬКА 2008: Пахльовська, О., *Російська «регіональна» – як дірка від швейцарського сиру, «Застряг у дитинстві»*. In: газета День, №147, 19 серпня 2008, №148, 2008.
- ПАЦЮПА 2009: Пацюпа, Ю., *Беларуская мова ў часе*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://nation-sos.info>. Дата доступа: [2009-11-20].
- ПЕТЕРСОН: 1927 Петерсон, М. Н., *Язык, как социальное явление*. In: *Ученые записки Института языка и литературы РАНИОН (Лингв. секция)*, 1927, № 1, стр. 5-21.
- ПОГОДИН 2001: Погодин, А. Л., *Язык как творчество. Происхождение языка*. М.: Едиториал УРСС 2001.

- ПЛОТНИКАЎ – АНТАНЮК 2003: Плотнікаў, Б. А., Антанюк, Л. А.: *Беларуская мова. Лінгвістычны кампендыум* Мінск: Інтэрпрэссэрвіс 2003.
- ПОМИАН 2001: Pomian K., *Evropa a její národy*. Mladá fronta 2001.
- ПОТАПОВ 1997: Потапов, В.В., *К современному состоянию проблемы вымирающих языков в некоторых регионах мира*. In: Вопросы языкознания № 5, 1997.
- ПУШКІН 200: Пушкін, І., Нацыянальныя меншасці БССР у грамадска-палітычным жыцці. 1920-я гг. In: Беларусь У XX стагоддзі. Вып. 3, 2004. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.homoliber.org>. Дата доступа: [2008-09-14].
- РАДЧУК 2006: Радчук, В., *Параметри і взаємодія мов*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://experts.in.ua> Дата доступа: [2006-05-20].
- РАМЗА 2006: *Навукі без з’рыстыкі, без нейкіх, хоць маленькіх, але адкрыццяў, проста не існуе*. Інтэрв’ю Т. Рамзы з А. Я. Міхневічам. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://mab.org.by/materials/interview/michnievic.php>. Дата доступа: [2009-01-09].
- РОЗЕНТАЛЬ 2005: РОЗЕНТАЛЬ Д. Э.: *Русский язык. Справочник-практикум* М.: ООО Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Мир и образование 2005.
- РОЗЕНЦВЕЙГ 1972: Розенцвейг, В. *Основные вопросы теории языковых контактов*. In: НОВОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ, выпуск VI, Языковые контакты, М.: Прогресс 1972.
- РОМАНОВА - ФИЛИПОВ 2006: Романова Н.Н., Филипов А.В.: *Стилистика и стили* М.: Флинта 2006.
- РУДЕНКО – ЧЕРНЯВСКАЯ 2003: Руденко Е. Н., Чернявская Ю. В., *Концепт “свобода” и этнокультурное самосознание белорусов*. In: *Jezyk w kręgu wartości*. Lublin, 2003. с. 383-404.
- РУДЕНКО 2004: Руденко Е. Н., *Категориальная семантика славянского глагола*. In: *Opera Slavica. Slavistické rozhledy* 2004. Roč. XIV. Č. 4. S. 1-8.
- РУДЕНКО 2004: Руденко Е. Н., „Хроника Быховца”: лексико-семантический аспект. In: *Slavia Orientalis* 2004. R. LIII. № 1. с. 93-106.
- РУДКОЎСКИ 2008: Рудкоўскі, П., *Беларускае адраджэнне паміж пагромам і гіпермаркетам*. In: *ARCHE* 11, 2008, с. 34–43.
- РУДКОЎСКИ 2008: Рудкоўскі, П., *Этыкеткавая аргументацыя*. In: *ARCHE* 11, 2008, с. 60–69.
- РУСАК 2003: Русак, В. П., *Марфаналогія сучаснай беларускай мовы*. Мінск: Беларуская навука 2003.
- РЫЛЮК 1997: Рылюк Г. Я., *Истоки географических названий Белоруси с основами общей топонимики*. Минск: Веды 1997.
- САГАНОВІЧ 2001: Сагановіч, Г., *Нарыс гісторыі Беларусі (ад старажытнасці да канца 18 стагоддзя)*. Мінск: Энцыклапедыкс 2001.
- САДОЎСКИ 2001: Садоўскі, П., *Інавацыі 90-х гадоў у мове беларускіх недзяржаўных выданняў* In: Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы – Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый” 2000, Мінск: Беларускі кнігазбор 2001.
- САЛАМЕВІЧ 1972: Саламевіч, Я., *Міхал Федароўскі*. Мінск: Вышэйшая школа 1972.

- САНХОРОВА 2003: Санхорова, Г. Н., *Ситуация диглоссии и языковая ассимиляция (к постановке проблемы)*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://sitim.sitc.ru/conferences/ntfe/clauses/1/cgn.html>. Дата доступа: [2005-12-3].
- САЎКА 2008: Саўка, З., *Мазайчыная артаграфія. З нагоды прыняцця Правапіснага закону – 2008*. In: ARCHE 11, 2008, с. 13–22.
- СВАТОНЬ 2003: Svatoň, V., *Mezi okrajem a centrem – venkovem a městem* In: Okraj a střed v jazyce a literatuře, Sborník z mezinárodní konference, Ústí nad L. 2003.
- СЕПИР 2001: Сепир, Э., *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. М.: Прогресс 1931/2001, с. 656.
- СЕМАШКЕВИЧ 1971: Семашкевіч Р. М., *Беларускі літаратурна-грамадскі рух у Пецярбурзе (канец XIX –пачатак XX ст.)*. Мінск: Выдавецтва БДУ імя У.І.Леніна 1971.
- СІЎКОВІЧ 2005: Сіўковіч, В., *Сучасная беларуская мова. Даведнік*. Мінск: УніверсалПрэс 2005.
- СИПКО 2008: Сипко, Й., *В поисках истинного смысла Hľadanie ozajstného zmyslu*. Прешов 2008.
- СКАЦЕЛ – ШВАРНЫ – ЗИМА 1982: Skácel J., Švarný O., Zima P., Rok 2000. *Jazyk jako most a propast*. Praha: Mladá fronta 1982.
- СКОВОРОДНИКОВ 1996: Сковородников, А.П. *Лингвистическая экология: проблемы становления*. In: Теоретические и прикладные аспекты речевого общения : науч.-метод. бюл. Выпуск 1(1).Краснояр. ун-т.Ред. А.П. Сковородников. Красноярск - Ачинск: 1996. с. 5-9.
- СЛАВИНСКИЙ 2009: Славинский, С., *Введение в «лакшери»*. Роскошь как продукт*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.zubry.ru>. Дата доступа: [2009-09-6].
- СЛАВИНСКИЙ 2009: Славинский, С., *Русские “понты” и гипертрофированное потребление. Пара слов в защиту отечественного потребителя luxury*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.zubry.ru/> Дата доступа: [2009-09-6].
- СЛАВИНСКИЙ 2009: Славинский, С., *Новая роскошь для среднего класса*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.zubry.ru>. Дата доступа: [2009-09-6].
- СЛОВОДА 2003: Sloboda, M., *Běloruština a ruština v Bělorusku z perspektivy jazykového managementu*. Diplomová práce 2003. [Электронный ресурс] / Доступ: http://www.sloboda.cz/marian/publikace/bel-ru_dipl.pdf. Дата доступа: [2009-04-8].
- СЛОВОДА 2007: Sloboda, M., *Běloruština – jazyk pro zvláštní příležitosti*. In: Plav - měsíčník pro světovou literaturu, III (4), 2007, s. 2–5 [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.sloboda.cz/marian/publikace.htm>. Дата доступа: [2009-04-8].
- СМАЛЯНЧУК 2002: Смалянчук, А., *Нацыянальная структура насельніцтва Беларусі у XX ст*. In: Беларусь У XX стагоддзі. Вып. 1, 2002 [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.homoliber.org>. Дата доступа: [2008-09-14].
- СОССЮР 2007: SAUSSURE, DE F. *Kurz obecné lingvistiky*. Překlad Čermak, F. Praha: Academia 2007.
- СРЕЗНЕВСКИЙ 2006: Срезневский, И. И., *Мысли об истории русского языка*. М.: КомКнига 2006.

- СТАВИЦЬКА 2001: СТАВИЦЬКА, Л. *Суржик: суміш, мова, стиль?* In: Динамизм социальных процессов в постсоветском обществе. Вып. 2. Ч. 1: Филологические науки. Луганск, 2001. с. 102-119. 2001/2008 [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.rastko.rs/rastko/delo/11935>. Дата доступа: [2008-08-6].
- СТАВИЦКАЯ 2007: Ставицкая, Л., *Рвущийся канат над бездной, или кровосмесительное дитя постмодернизма* (попытка лингвософской интерпретации суржика), 2007. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.textology.ru/article.aspx?ald=78>. Дата доступа: [2009-07-6].
- СТАВИЦКАЯ – ТРУБ 2007: Ставицкая, Л., Труб, В., [Электронный ресурс] / Доступ: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/23523>. Дата доступа: [2009-07-6].
- СТАЙГЕР 2008: STAIGER, E., *Poetika, interpretace, styl*. Praha: Triáda 2008.
- СТАНКЕВИЧ 1994: Станкевич, С., *Русифікація беларускае мовы ў БССР*. Мінск: Навука і тэхніка 1994.
- СТАНЮТА 2003: СТАНЮТА, Д., *В поисках масс-медиа*. In: Медиа Эксперт, № 3, 2003.
- СУПЕРАНСКАЯ 2009: Суперанская, А.: *Человек – фамилия – национальность*. In: Наука и жизнь № 7, 2009. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.gramota.ru>. Дата доступа: [2007-07-14].
- СУПРУН 1969: Супрун, А. Е., *Русский язык советской эпохи* М.: Просвещение 1969.
- СЦЯЦКО 2002: Сцяцко, П., *Культура мовы*, Мінск: Тэхналогія 2002.
- СЫСОЕВ 2004: Сысоев, П. В., *Обучение культурному самоопределению и диалогу культур посредством иностранного языка* (на материале курса по культуроведению США для языковых вузов). [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.prof.msu.ru/publ/omsk2/o35.htm>. Дата доступа: [2008-07-3].
- ТАРАШКЕВИЧ 1991: ТАРАШКЕВИЧ Б.: *Беларуская граматыка для школ*, выд 5-е, Вільня: 1929/факсімільнае выданне. Мінск: Народная асвета 1991.
- ТЕР-МИНАСОВА 2000: Тер-Минасова С. Г., *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: 2000.
- ТОПОРКОВ – ИВАНОВА – ЛАПТЕВА – ЛЕВКИЕВСКАЯ 2002: Топорков, А., Иванова, Т., Лаптева, Л., Левкиевская, Е., *Рукописи, которых не было*, М.: Ладомир 2002.
- ТРОСТ 1995: Trost, P., *Studie o jazycích a literatuře*, Praha: Torst 1995.
- ТРЕСТЕРОВА 2007: TRÖSTEROVÁ, Z. *K pojetí spisovnosti, hovorovosti a knižnosti v ruské lingvistické tradici*. In: *Co všechno slovo znamená. Sborník příspěvků věnovaných profesorce PhDr. Marii Čechové, DrSc.* Ústí nad L.: PF UJEP 2007, 382 s., s. 339-344.
- ТУМАНЯН 1985: Туманян, Э., *Язык как система социолингвистических систем*. М.: Наука 1985.
- УАЙТ 2003: Уайт, С., *Еўрапейскі ці славянскі выбар?* In: ARCHE № 06(29) 2003.
- УЛЬЯНОВ 2004: Ульянов, А., *Суржик – язык нации или свинопасов?* [Электронный ресурс] / Доступ: <http://proza.com.ua/print/?242>. Дата доступа: [2008-01-06].
- ФАРІОН 2002: Фаріон, І., *Мова як духовно-національний феномен*. In: Мовні конфлікти і гармонізація суспільства. Матеріали наукової конференції. [Электронный ресурс] / Доступ: http://www.ukrlife.org/main/tribuna/confa_7farion.htm. Дата доступа: [2009-01-06].

- ФЕЛЛЕР 2002: ФЕЛЛЕР М., *Схожість і відмінність мов української та ідиш в аспекті суржика*. In: Мовні конфлікти і гармонізація суспільства. Матеріали наукової конференції. К.: Видавничо-поліграфічний центр "Київський університет" 2002.
- ФЛАЕР 2008: Flier, M., *Suržyk or suržyks?* In: *Belarussian trasjanka and Ukrainian Suržyk. Studia Slavica Oldenburgensia* Bis-Verlag, Hentschel G., Zaprudski S. (eds.) Oldenburg: 2008, с. 39-56.
- ФОРТУНАТОВ 1956: Фортунатов, Ф., *Избранные труды*. т. 1, М.: Госучпедиз Министерства просвещения РСФСР 1956.
- ФУКО: Фуко, М., *Слова и вещи*. Археология гуманитарных наук. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://culture.niv.ru>. Дата доступа: [2008-02-03].
- ФУРС 2008: Фурс, У., *Структурныя прынцыпы альтэрнатывнага нацыятварэння*. In: *ARCHE* 11, 2008, с. 85-90.
- ХАЙМС 1975: Хаймс Д. Х., *Этнография речи*. In: Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социолингвистика. М.: Прогресс 1975.
- ХИМИК 2000: Химик, В. В., *Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен*. СПбГУ 2000.
- ХРОМОВ-БОРИСОВ 2008: Хромов-Борисов, С. Н., *Инструменты стратегического менеджмента*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.zubry.ru>. Дата доступа: [2009-02-08].
- ЦІТОЎ 2001: Цітоў, В. С., *Этнаграфічная спадчына Беларусь. Краіна і людзі*, Мінск: Беларусь 2001.
- ЦІТОЎ 2001: Цітоў, В. С., *Этнаграфічная спадчына Беларусь. Традыцыйна-бытавая культура*, Мінск: Беларусь 2001.
- ЦІШЧАНКА 1986: Цішчанка, І. К., *Да народных вытокаў* Мінск: Навука і тэхніка 1986.
- ЦЫХУН: Цыхун Г. А., *Крэалізаваны прадукт. Трасянка як аб'ект лінгвістычнага даследавання*. In: *ARCHE* № 6, 2000. [Электронный ресурс] / Доступ: arche.bymedia.net/6-2000/cychu600.html. Дата доступа: [2007-11-11].
- ЦЫХУН 1998: Цыхун Г. А., *Славянскія мовы ў святле экалінгвістыкі*. In: XII Міжнародны з'езд славістаў. Доклады. Мн.: Беларускі камітэт славістаў 1998.
- ЧАМЯРЫЦКІ 1969: Чамярыцкі, В. А., *Беларускія летапісы як помнікі літаратуры*. Мінск: Навука і тэхніка 1969.
- ЧЕРМАК 2004: Čermák, F., *Jazyk a jazykověda*, Praha: UK, Karolinum 2004.
- ЧЕРНЫ 1998: Černý, J., *Úvod dod studia jazyka*. Olomouc: Rubico 1998.
- ЧЕРНЫХ 1956: Черных, П. Я., *Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период*. М.: Изд-во Моск. Университета 1956.
- ЧУБРЫК 2008: Чубрык, А., *Ці патрэбны Беларусі рэформы?* In: *ARCHE* 11, 2008, с. 112 - 127.
- ШАБАТОВА 2007: Šabatová, A., *Jak odříznout nemocnou nohu I. Obraz Slováků a Slovenska v českém tisku před patnácti lety*. In *Listy* 5, 2007.
- ШАБАТОВА 2007: Šabatová, A., *Jak odříznout nemocnou nohu II. Obraz Slováků a Slovenska v českém tisku před patnácti lety*. In *Listy* 6, 2007.

- ШАДУРСКИЙ 1999: Шадурский, В., *Развитие культурных связей Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1985-1991 гг.)*. In: Белорусский журнал международного права и международных отношений. № 1, 1999 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.beljournal.evolutio.info>.
- ШАРУХО 2006: Шарухо, И. Н., *Формирование территории Беларуси как процесс взаимодействия с соседями*. № 3. Псков: ПГПУ, 2006, с. 158-171.
- ШАРУХО 2008: Шарухо, И. Н., *Белорусы в антропологическом и этническом пространстве*. Псковский регионологический журнал. № 6. Псков: ПГПУ, 2008, с. 142-153.
- ШВЕЙЦЕР, А. Д. *Вопросы социологии языка в современной американской лингвистике*. Ленинград: Наука 1971, 104 с.
- ШВЕЙЦЕР 1990: Швейцер, А. Д., *Социоллингвистика*. In: Лингвистический энциклопедический словарь. М.: 1990. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.philology.ru/linguistics1/shveytser-90.htm>. Дата доступа: [2009-08-3].
- ШЕВЦОВ 2008: Шевцов, Ю., *Брестская идеологическая вертикаль, вроде, раз в неделю стала говорить по-белорусски* Блог Юрия Шевцова, 14.10.2008 [Электронный ресурс] / Доступ: <http://guralyuk.blogspot.com>. Дата доступа: [2008-12-1].
- ШЕСТОПАЛОВ 2008: Шестопалов О., *Менеджмент: краткий словарь заблуждений*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.zubry.ru>. Дата доступа: [2008-12-1].
- ШИМОВ: Шимов, Я. *Белоруссия: восточноевропейский парадокс*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/sh11-pr.html>. Дата доступа: [2008-12-1].
- ШКЛОВСКИЙ 1983: Шкловский, В., *О теории прозы*. М.: Советский писатель 1983.
- ШКРАБА 2004: Шкраба, I. P. *Варыянтнасць у сучаснай беларускай мове*. Мінск: Асар 2004.
- ШПЕРБЕР 1972: Шпербер, В., *К соотношению между лужицкими и немецкими топонимами в двуязычной Лужице*. In: НОВОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ, выпуск VI, Языковые контакты, М.: Прогресс 1972.
- ШТЭЙНЕР 2002: Штэйнер, I. Ф., *Шматмоўная літаратура Беларусі XIX стагоддзя*. Мінск: Беларуская навука 2002.
- ШТЭФАНИК 2008: Štefánik, J. *Bilingvizm*. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.staryweb.fphil.uniba.sk/~stefanik/index.html#monografie>. Дата доступа: [2007-06-3].
- ШЧАБЛОЎСКИ: Шчаблoўскі, Я., *Беларуская правінцыя больш нацыянальная за сталіцу*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://news.tut.by/126020.html>. Дата доступа: [2009-08-15].
- ЩЕРБА 1974: Щерба, Л. В., *К вопросу о двуязычии*. In: Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: 1974.
- ЩОРС 2008: Щорс, Ю., *Украинскому языку – суржик не помеха*. In: Аргументы и факты (Украина), № 39, 2008. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://smi.liga.net/articles/IT085455.html>. Дата доступа: [2008-12-2].
- ЭКО: Эко, У., *Отсутствующая структура*. [Электронный ресурс] / Доступ: http://belpaese2000.narod.ru/Teca/Nove/eco_struttura.htm#_Toc35762985. Дата доступа: [2008-02-05].

- ЮРЧАНКА 1998: Юрчанка, Г. Ф., *Сучасная народная лексіка*, Мінск: Беларуская навука 1998.
- ЮРЬЕВА 2008: Юрьева, Т.В., Билингвизм как социокультурный феномен развития общества. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.nbu.gov.ua>. Дата доступа: [200-10-2].
- ЮРЭВІЧ 1998: Юрэвіч, У., *Слова жывое, роднае, гаваркое*, Мінск, Мастацкая літаратура, 1998.
- ЯКЛОВА – СМОЛКА 2003: Jaklová, A., – Smolka, V., *Jazyk současných čchoamerických žurnalistických textů*, In: Okraj a střed v jazyce a literatuře. Sborník z mezinárodní konference, Ústí nad L. 2003.
- ЯНОВЕЦ 2004: Janovec, L., Nina B. *Mečkovskaja: Bělorusskij jazyk: Sociolinguističeskije očerki*. München: Verlag Otto Sagner, 2003. 156 pp. Slovo a slovesnost [Praha], vol. 65, 2004, № 3. S. 223 – 231.
- ЯСКЕВІЧ 2001: Яскевіч, А. А., *Старабеларускія граматыкі*. Мінск: Беларуская навука 2001.

СБОРНИКИ

- БАЦЬКАЎШЧЫНА *Штогоднік гістарычнай літаратуры*. Мінск: Юнацтва 1990.
- БЕЛАРУСКАЯ ЛІТАРАТУРА ХІХ СТАГОДДЗЯ. *Хрэстаматыя*. Склад. Лойка А., Рагойша В.П., 2-е выд., Мінск: Вышэйшая школа 1988.
- БЕЛАРУСКІЯ ПІСЬМЕННІКІ. *Бібліяграфічны слоўнік ў 6 т., т. 4. Л – П*, Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі 1994.
- ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ ХХ СТАГОДДЗЯ ў 4-х ТАМАХ/1901-1920, НАН Беларусі, Аддз-не гуманіт. Навук і мастацтваў, Ін-т літаратуры імя Я. Купалы. 3-е выд., Мінск: Беларуская навука 2003.
- ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. Составитель Прокофьев, Н. И. М.: Просвещение 1980.
- З ГЛЫБЫ ВЯКОЎ * Наш край Гісторыка-культуралагічны зборнік. Мінск: Крок уперад 1992.
- ІМЯ ТВАЁ БЕЛАЯ РУСЬ, укладальнік Сагановіч, Г. М. Мінск: Польша 1991.
- ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 4 Т., коллектив авторов, под ред. Лихачёва Д.С., Ленинград, Наука, 1980.
- КАЛАСЫ РОДНОЙ МОВЫ. Уклад. Анічэнка, У. В., Усовіч К. С. Мінск: Універсітэцкае 1990.
- КРЫЖОВЫ ШЛЯХ. Гістарычныя сшыткі, Сшытак першы. Мінск: Згода 1993.

- МАТЭРЫЯЛЫ ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ. Складальнік Шарова, Н. С. Мінск: Эксперспектыва 2000
- НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА БЕЛАРУСІ. Энцыклапедычны даведнік. Мінск: Беларуская Энцыклапедыя 2002.
- НАВУЧАЛЬНЫ ДАПАМОЖНІК ПА ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ кал.аўтараў, рэд. Каханоўскі, А. Г., Яноўскі, А. А. Мінск: Фінансы, улік, аудыт 1997.
- НОВОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ, выпуск III. Типологическое изучение языков, М.: Издательство иностранной литературы 1963.
- НОВОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ, выпуск IV. М.: Прогресс 1965, с. 592.
- НОВОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ, выпуск VI, Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972.
- Новое в лингвистике. Выпуск VII. Социолингвистика. М.: Прогресс 1975.
- НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. Выпуск VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс 1978.
- НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. Выпуск X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс 1981.
- НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. Выпуск XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. М.: Прогресс 1982.
- НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. Выпуск XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988.
- НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. Выпуск XXI. Новое в современной индоевропеистике, М.: Прогресс 1988.
- НОВОЕ В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ. Выпуск XX. Теория литературного языка в работах учёных ЧССР. М.: Прогресс 1988.
- ПАДАРОЖНАЯ КНІЖКА СКАРЫНЫ. Зборнік прысвечаны 500-годдзю. Мінск: Юнацтва 1990.
- ПАЧЫНАЛЬНІКІ. 3 гісторыка-літаратурных матэрыялаў 19 ст. Мінск: Беларуская навука 2003.
- РУССКИЙ ЯЗЫК КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ, коллективная монография под ред. Земской Е.А., М.: «Языки русской культуры» 1996.
- СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК. СИНТАКСИС ПУНКТУАЦИЯ СТИЛИСТИКА, под ред. Шубы П. П. Минск: ПЛОПРЕСС 1998.
- СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК. ФОНЕТИКА ЛЕКСИКОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ, под ред. Шубы П. П. Минск: ПЛОПРЕСС 1998.
- СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ МОРФОНОЛОГИЯ МОРФОЛОГИЯ, под ред. Шубы П.П. Минск, ПЛОПРЕСС 1998.
- СКАРЫНІЧ Літаратурна-навуковы гадавік, выпуск 1 Мінск Мастацкая літаратура 1991.
- СКАРЫНІЧ Літаратурна-навуковы гадавік, выпуск 2 Мінск Мастацкая літаратура 1993.
- СТАРАЖЫТНАЯ БЕЛАРУСКАЯ ЛІТАРАТУРА. Зборнік, уклад. Курбека Л.С., Мінск: Юнацтва 1991.
- СТАРОНКІ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ кал. аўтараў пад рэдакцыяй Міхнюк У.М., Шадыры В.І. Мінск Навука і тэхніка 1992.
- СЫНЫ І ПАСЫНКІ БЕЛАРУСІ, укладальнік Барыс С. В. Мінск: Польша 1996.

ТИПОЛОГИЯ ДВУЯЗЫЧИЯ И МНОГОЯЗЫЧИЯ В БЕЛАРУСИ, кол. Авторів, под ред Булько А.Н., Крысіна Л.П. Минск: Беларуская навука 1999.

ФРАНЦЫСК СКАРЫНА. Зборнік дакументаў і матэрыялаў. Мінск: Навука і тэхніка 1988.

ФРАНЦИСК СКОРИНА И ЕГО ВРЕМЯ. Энциклопедический справочник. Минск: БелСЭ, 1990.

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, сост. Гудзий Н.К., М.: Учпедгиз 1955.

ШЛЯХАМ ГАДОЎ Гісторыка-літаратурны зборнік. Рэд. калегія: Кісялёў Г. і інш. Мінск: Мастацкая літаратура 1994.

ЭНЦЫКЛАПЕДЫЯ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ, т. 1, Мінск, БЕЛАРУСКАЯ ЭНЦЫКЛАПЕДЫЯ імя П. Броўкі 1993.

ЭТНАГРАФІЯ БЕЛАРУСІ Энциклопедыя Минск, БЕЛАРУСКАЯ ЭНЦЫКЛАПЕДЫЯ імя П. Броўкі 1989.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ. Sborník z mezinárodního semináře VIII. Brno: Masarykova univerzita 2007, 188 s.

БЕЛАРУСІКА /ALVARUTHENICA кн. 2 Фарміраванне і развіццё нацыянальнай свядомасці беларусаў (Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі Маладзечна 19-20 жніўня 1992) Мінск: Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны 1993.

БЕЛАРУСІКА /ALVARUTHENICA кн. 19 *Беларуская мова: шляхі развіцця, кантакты, перспектывы* (Матэрыялы III Міжнароднага Кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый”) Мінск: Беларускі кнігазбор 2001, с. 308.

БЕЛАРУСІКА/ALVARUTHENICA кн. 6, ч. 2 *Беларусь паміж Усходам і Захадам. Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу.* ((Матэрыялы II Міжнароднага Кангрэса беларусістаў Мінск, май, 1995 Беларусь паміж Усходам і Захадам), Мінск: Нацыянальны навукова-асветны цэнтр імя Ф. Скарыны 1997, ч. 2., с. 362.

BELARUSSIAN TRAJANKA AND UKRAINIAN SURŽYK. *Studia Slavica Oldenburgensia.* Hentschel G., Zaprudski S. (eds.) Bis-Verlag, Oldenburg, 2008, с. CESTY K NÁRODNÍMU OBROZENÍ: BĚLORUSKÝ A ČESKÝ MODEL. Sborník příspěvků z konference konané 4.-6.7.2006 v Praze, UK FHS, 2006.

БЕЛАРУСКАЯ МОВА: ШЛЯХІ РАЗВІЦЦЯ, КАНТАКТЫ, ПЕРСПЕКТЫВЫ – Матэрыялы III Міжнароднага кангрэса беларусістаў “Беларуская культура ў дыялогу цывілізацый” 2000, Мінск: Беларускі кнігазбор 2001.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА № 1, Серия «Русская филология». М.: Издательство МГОУ 2007, с. 208.

VÝUKA NÁRODNÍ LITERATURY V EVROPSKÉM KONTEXTU Sborník z mezinárodního semináře II. Ústí nad Labem: PF UJEP 2004, 201 s.

VÝUKA NÁRODNÍ LITERATURY V MEZIPREDMETOVÝCH VZTAŽÍCH. Sborník z mezinárodního semináře III. Ústí nad Labem: PF UJEP 2006, 182 s.

ДЕРЖАВНА ЕТНОНАЦІОНАЛЬНА ПОЛІТИКА: ПРАВОВИЙ ТА КУЛЬТУРОЛОГІЧНИЙ АСПЕКТИ В УМОВАХ ПІВДНЯ УКРАЇНИ. Збірник наукових праць VI Всеукраїнської науково-

- практичної конференції 6–8 жовтня 2005 року. Під заг. ред. М. В. Дедкова. – Запоріжжя: Облдержадміністрація, ЗНТУ, 2005. [Електронний ресурс] / Режим доступу: <http://www.zntu.edu.ua/base/i4/gf/k3/konf.pdf>. Дата доступу: [2008-12-2].
- ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ НАУКОВО-ДОСЛІДНОГО ІНСТИТУТУ УКРАЇНОЗНАВСТВА. За заг. ред. П. П. Кононенка, Київ: Українське агентство інформації та друку «Рада» 2008. – Т. XXII.
- INTERKULTURNÍ DIMENZE V CIZÍCH JAZYCÍCH II, Sborník z mezinárodní konference. Univerzita Pardubice, 17.–19.09.2007, FF Univerzita Pardubice 2007, 260 с.
- COGNITIVE MODELING IN LINGUISTICS – 2008, Proceedings of the X-th International Conference, Bechichi, Montenegro, September 06–13, 2008, Vol. 1, Kazan State University Press, 2008: 21–30. Йован Айдукович (Белград)
- ЛІНГВІСТИКА. ЗБІРНИК НАУКОВИХ ПРАЦЬ. № 1(16)2009. Луганськ: ДЗ „ЛНУ ім. Т.Шевченка” 2009, с. 257.
- LITERÁRNÍ VÝCHOVA JAKO CESTA K ČETVĚ. Sborník z mezinárodního didaktického semináře IV. Ústí nad Labem: PF UJEP, 2008, 174 с.
- МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 1145-ЛЕТИЮ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ. КНУ им. Ж. Баласагына 23.–24.05.2008. Вестник Кыргызского Национального Университета, Бишкек: КНУ 2008, 252 с.
- МАТЕРИАЛЫ VIII. МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ЛИЧНОСТЬ – СЛОВО – СОЦИУМ, 28.–29.04.2008, в 2 ч., ч. 1. Минск: Паркус плюс 2008, 256.
- МОВА І ЛІТАРАТУРА У СЯРЭДНЯЙ І ВЫШЭЙШАЙ ШКОЛЕ АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ ВЫКЛАДАННЯ: Матэрыялы Рэсп.наук. канферэнцыі. Пад рэд. М. У. Мікуліча. Гродна: ГрДУ 2000, 334 с.
- МОВНІ КОНФЛІКТИ І ГАРМОНІЗАЦІЯ СУСПІЛЬСТВА. Матеріали наукової конференції: 28–29.05.2001, К.: Видавничо-поліграфічний центр “Київський університет” 2002.
- НАШ РАДАВОД (Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі “Царква і культура народаў Вялікага Княства Літоўскага і Беларусі XIII – пач. XX стст.”) кн. 4 (ч. 1, 2); кн. 5 (ч.1, 2) Гродна: 1992.
- OKRAJ A STŘED V JAZYCE A LITERATUŘE. Sborník z Mezinárodní konference. Ústí nad Labem, PF UJEP, 2003, 503 с.
- PARÉMIE NÁRODŮ SLOVANSKÝCH IV. Sborník z Mezinárodní konference. FF, Ostravská univerzita V Ostravě, 20.–21.11.2008, Ostravská univerzita 2009, 286 с.
- PŘEDNÁŠKY Z XLVI. BĚHU LETNÍ ŠKOLY SLOVANSKÝCH STUDIÍ. Praha: FF UK 2003, 310 с.
- PRZEJAWY INTERNACJONALIZACJI W JĘZYKACH SŁOWIAŃSKICH, Ed. Коряковцева, Е. И., Siedlce: Akademe Podlaska 2009, 205 с.
- ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ под ред. Карпова, В. П. М.: МГУ 1968, с. 161.
- PROSTOR V JAZYCE A V LITERATUŘE. Sborník z mezinárodní konference. PF UJEP, Ústí nad Labem 2007, 418 s.,
- РУССКИЙ ЯЗЫК, КУЛЬТУРА – ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА. Sborník z mezinárodní konference Cizí jazyky VIII, Západočeská Univerzita v Plzni, 2007, 118 s.

- SLAVICA HELSINGIENSIA 24 Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Ред. А. Мустайоки, Е. Протасова [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.slav.helsinki.fi/eng/publications/sh.htm>. Дата доступа: [2009-07-15].
- SLOVO O SLOVE. Ročník 13, Zborník Katedry komunikačnej a literárnej výchovy Pedagogickej fakulty Prešovskej univerzity, Prešov, 2007, s. 344.
- SOCIÁLNÍ ASPEKTY SPISOVNÝCH JAZYKŮ SLOVANSKÝCH. Sborník příspěvků ze zasedání Komise pro spisovné jazyky při Mezinárodním komitétu slavistů v Praze 16. a 17. září 2005. Praha: FF UK – Euroslavica 2006, 174 c.
- SOCIOLINGUISTICA SLOVACA 2. *Sociolingvistika a areálová lingvistika*. Ed. Ondrejovič, S. Bratislava: VEDA Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie Vied 1996. [Электронный ресурс] / Доступ: http://www.juls.savba.sk/ediela/sociolingvistica_slovaca/. Дата доступа: [2009-09-15].
- SOCIOLINGUISTICA SLOVACA 3. *Slovenčina na konci 20. storočia, jej normy a perspektívy*. Ed. Ondrejovič, S., Bratislava: VEDA Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie Vied 1997.
- SOCIOLINGUISTICA SLOVACA 4. *Slovenčina v kontaktoch a konfliktoch s inými jazykmi*. Ed. Ondrejovič, S. Bratislava: VEDA Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie Vied 1999.
- SOCIOLINGUISTICA SLOVACA 5. *Mesto a jeho jazyk*. Ed. Ondrejovič, S. Bratislava: VEDA Vydavateľstvo Slovenskej Akadémie Vied 2000.
- ТЫ, Я́ А ОНИ В ЯЗЫЦЕ А ЛИТЕРАТУРЕ. Sborník z mezinárodní konference 2.–4.09.2008. Ústí nad Labem, PF UJEP 1. díl, 424 c.
- ТЫПАЛОГІЯ І ўЗАЕМАДЗЕЙННЕ СЛАВЯНСКІХ МОЎ І ЛІТАРАТУР. Тэзісы дакладаў ІІ рэспубліканскай канферэнцыі 17 – 19.05.1973. Мінск: Універсітэцкае 1973, с. 234.
- CO VŠECHNO SLOVO ZNAMENÁ, Sborník příspěvků věnovaných profesorce PhDr. Marii Čechové, DrSc., PF UJEP, Ústí nad Labem, 2007, 382 c.
- ČAS V JAZYCE A V LITERATUŘE. Sborník z mezinárodní konference. PF UJEP, Ústí nad Labem 2005, 466 c.
- ČLOVĚK – JAZYK – TEXT. Sborník z mezinárodní konference. České Budějovice 18.–22. 09.2009, Jihočeská univerzita v Českých Budějovicích 2008, c. 380.
- ЯЗЫК И СОЦИУМ. Материалы VIII Международной научной конференции. Минск: РИВШ 2009.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- АБРЮТИН 2007: Абрютин, Ф., *Памяти моей бабушки*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.severprostor.ru>. Дата доступа: [2007-11-09].
- АКУДОВІЧ 2006: Акудовіч, В. *Дыялогі з богам*. Мінск: Логвінаў 2006.
- АКУДОВІЧ 2004: Акудовіч, В. *Разбурыць Парыж*. Менск: Логвінаў 2004.
- АНДРЕЕВ 2009: Андреев, Л., *Иуда Искариот*. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.klassika.ru>. Дата доступа: [2009-01-09].
- Бядуля 1977: Бядуля, З., *Сярэбраная табакерка*, Мінск: Мастацкая літаратура 1977.
- ДУНІН-МАРЦІНКЕВІЧ 1984: Дунін-Марцінкевіч, В., *Творы*. Мінск: Мастацкая літаратура 1984.

КУПАЛА 1989: Купала, Я., *Паэмы. Драматычныя творы*. Мінск: Мастацкая літаратура 1989.

РОБСКИ 2007: Робски, О. *Casual 2 Пляска галавой і ногамі*. М.: Астрель 2007.

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Аргументы и факты в Беларуси

ARCHE

Беларус

Беларускі гістарычны часопіс

Беларускі час

Дзеяслоў

Наша ніва

Народная Воля

РОДНАЕ СЛОВА Штомесячны навуковы і метадычны часопіс, ISSN 0234-1360, Мінск, Выд-ва Беларускі Дом друку № 1 - 12, 2002 - 2008, № 1 - 9, 2009.

Рэспубліка

Свабода

Советская Белоруссия (Беларусь сегодня)

Царква

- ПРИМЕРЫ в части **2.6.1. Особенности языка независимых изданий 90-х годов XX - начала XXI вв.** приведены из следующих источников:

«AVE MARIA»: “Ave Maria” – штомесячны рэлігійны часопіс. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://media.catholic.by>. Дата доступа: [2007-09-15].

АСТРАВЕЦ 2005: Астравец, С., Прыватны дзёньнік. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.svaboda.org/PrintView.aspx?Id=794605>. Дата доступа: [2007-09-15].

БАРТОСІК 2004: Бартосік, З., *Фальшывая любоў*. In: Свабода. №1, 2004. с. 12. [Электронный ресурс] / Доступ: <http://http://kamunikat.org>. Дата доступа: [2007-09-15].

ГАЎРЫЛІНА С., ЛЯШКЕВІЧ, МАЖЭЙКА, П. In: газета День, № 1 (190). – 26.05.2005.

МАКСІМЮК: МАКСІМЮК, Я., *Слова рэдактара*. In: Літаратурна-Мастацкі Часопіс Правінцыя [Электронный ресурс] / Доступ: <http://pravincyja.republika.pl>. Дата доступа: [2007-09-15].

МАКУШЫНА Н. *Нам бы дзень прастаяць, ды ноч пратрымацца*. In: газета День, № 1 (190). – 26.05.2005.

РУСЕЛІК: 2005 *Горадня падае SOS*. In: Наша ніва № 39, 2005, с. 12.

ШЫКУЦЬ 2006: Шыкуць, А., *У сталіцы – час кірмашоў* [Электронный ресурс] / Доступ: <http://www.zvyazda.minsk.by> Дата доступа: [2007-09-15].

ДОКУМЕНТЫ

БЕЛАРУСЬ В ЦИФРАХ. СТАТИСТИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК, Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2009, [Электронный ресурс] / Доступ: <http://belstat.gov.by>. Дата доступа: [2009-09-13].

Вучэбная праграма для агульнаадукацыйных устаноў з беларускай і рускай мовамі навучання. Беларуская літаратура V – XI класы. Мінск: Нацыянальны інстытут адукацыі 2009, 128 с.

Закон Республики Беларусь от 23.07.2008 № 420-3 «ПРАВИЛЫ БЕЛАРУСКАЙ АРФАГРАФІ І ПУНКТУАЦЫІ». Минск: 2008.

КОНСТИТУЦИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). Минск: Амалфея 2006.

УСТАНОЎЧЫ З'ЕЗД ТАВАРЫСТВА БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ ІМЯ ФРАНЦІШКА СКАРЫНЫ. Менск: Навука і тэхніка 1992, 80 с.

СЛОВАРИ

АКСАМІТАЎ 2002: Аксамітаў, А., *Прыказкі і прымаўкі*. Тлумачальны слоўнік. 2-е выданне, Мінск: Беларуская навука 2002.

БАЙКОЎ, М., НЕКРАШЭВІЧ 1926: Байкоў, М., Некрашэвіч, С., *Беларуска-расійскі слоўнік*. Менск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі 1926.

БАРДОВІЧ – ШАКУН 1989: Бардовіч, А. М., Шақун, Л. М., *Марфемны слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Вышэйшая школа 1989.

БАХАНЬКОЎ – ГАЙДУКЕВІЧ – ШУБА 1990: Баханькоў, А. Я., Гайдукевіч, І. М., Шуба, П. П., *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Народная асвета 1990.

БІЛОНОЖЕНКО – ГНАТЮК – ДЯТЧУК – НЕРОВНЯ – ФЕДОРЕНКО 2003: Білоноженко, В., Гнатюк, С., Дятчук, В., Неровня, Н., Федоренко, Т., *Словник фразеологізмів української мови*. Київ: Наукова думка 2003.

БІРЬЛА 1992: Бір'ла, М. В., *Слоўнік націску ў беларускай мове*. Мінск: Народная асвета 1992.

БРИЛЁВА 2006: Брилёва, И. С. и кол., *Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий*. Отв. ред. Телия, В.Н. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА 2006.

БУЛЫКА 1993: Булыка, А., *Слоўнік іншамоўных слоў*. Мінск: Народная асвета 1993, 143 с.

БУСЕЛ 2004: Бусел, В.Т., *Великий тлумачний словник сучасної української мови*. Уклад. и гол. ред. Бусел В.Т., Київ: ІРПНЬ: ВТФ Перун 2004, 1217 с.

БУФФА 1998: Buffa, F., *Frazeologický slovník pol'sko-slovenský*. Prešov: Náuka 1998.

ВАРДОМАЦКИЙ – НЕСЦЯРОВІЧ, 1994: Вардомацкі, Л. М., Несцяровіч, В. І., *Адваротны слоўнік беларускай мовы*. Мінск: Народная асвета 1994.

ВАРДОМАЦКИЙ 1988: Вардомацкий, Л. М., *Особенности ударения в русском, белорусском и украинском языках*. Минск: Вышэйшая школа 1988, с. 127.

- ВОЙНИЧ 1985: Войнич, И. В. и кол., *Белорусско-русский паралексический словарь-справочник*. Минск: Народная асвета 1985.
- ГОРОДЕЦКАЯ – ЛЕВАШОВ 2003: Городецкая, И. Л., Левашов, Е. А., *Русские названия жителей. Словарь-справочник* М.: Русские словари Астрель АСТ 2003, с. 363 (5).
- ГРАБЧЫКАЎ 1994: Грабчыкаў, С. М., *Слоўнік паронімаў беларускай мовы*. Мінск: Народная асвета 1994, 478 с.
- ДАЛЬ 1956: Даль, В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка в 5 т.*, М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, факсимильное, по второму исправленному изданию 1881/1956.
- ЗУБКОВ 2004: Зубков, М., *Українська мова. Універсальний довідник*. Х.: Школа 2004.
- ИВАШИНА – РУДЕНКО – ЯНОВЕЦ 2006: ИВАШИНА, Н. В., ЯНОВЕЦ, Л., РУДЕНКО, Е. Н., *Falešní přátelé překladatele*. Praha: UK v Praze, Pedagogická fakulta 2006. 122 s.
- КАЎРУС 1994: Каўрус, А. А., *Дакумент на беларуску*. Мінск: Беларусь 1994, с. 160.
- КИСЕЛЁВ 1991: Киселёв, И., *Русско-белорусский фразеологический словарь*. Минск: Народная асвета 1991.
- ЛЕПЕШАЎ 2008: Лепешаў, І., *Слоўнік фразеалагізмаў у 2 т.* Мінск: Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі 2008.
- ЛЕПЕШАЎ – ЯКАЛЦЭВІЧ 2002: Лепешаў, І., Якалцэвіч, М., *Слоўнік беларускіх прыказак*. Мінск: Беларуская навука 2002.
- ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ 1990: *Лингвистический энциклопедический словарь*. ред. Ярцева, В.Н. М.: Советская Энциклопедия 1990, 685 с.
- ЛЬВОВ 2002: Львов, М. Р., *Словарь антонимов русского языка*. изд. 7-ое, М.: АСТ-пресс книга 2002.
- МАХАЧОВА – ПОНЦЗОВА 2004: Macháčová, E., Ponczová, R., *Lidské tělo v české a polské frazeologii a idiomatice*. FF Ostravské univerzity, Nakladatelství Tilia 2004
- МУЛЛАГАЛИЛЕВА 2006: Муллагалилева, Л. К., *Концепты русской культуры в межкультурной коммуникации*. Словарь. М.: Ладомир 2006, с. 234.
- НАСОВІЧ 1983: НАСОВІЧ, І., *Слоўнік беларускай мовы*. Мінск: БелСЭ 1983/ факсимильное СПб 1870.
- ОЖЕГОВ 1990: Ожегов, С. И., *Словарь русского языка*. М.: Русский язык 1990.
- ПЕТРАЧКОВА – КРАУС 1995: Petráčková, V., Kraus, J. a kol., *Akademický slovník cizích slov*. Praha: Akademia 1995, с. 835.
- ПЛОТНИКАЎ – ТРАЙКОЎСКАЯ 2004: Плотнікаў, Б., Трайкоўская, В., *Слоўнік цяжкасцяў беларускай мовы*. Мінск: Кніжны дом 2004.
- ПРЫГОДЗІЧ 1994: Прыгодзіч, М., *Асобна, разам, праз дэфіс. Слоўнік-даведнік*. Мінск: Народная асвета 1994.
- РУССКО-БЕЛОРУССКИЙ СЛОВАРЬ 1994: *Русско-белорусский словарь в 3 томах*. Под ред. Я. Коласа и кол., изд-е 5-е, испр., Минск: Беларуская энцыклапедыя 1994.
- РУССКО-ЧЕШСКИЙ СЛОВАРЬ 1978: *Русско-чешский словарь в двух томах под ред. Копецкого, Л. В. и Лешки, О. М.*: Русский язык 1978.
- РЭЙЗЭК 2001: Rejzek, J., *Český etymologický slovník*. LEDA 2001, s. 752.

- САНЬКО 1991: Санько, З., *Малы руска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем*. Мінск: Навука і тэхніка 1991.
- СТАНКЕВІЧ: Станкевіч, Я., *Белорусско-русский (Великолитовско-русский) словарь*. Lew Sapieha Greatlitvan (Byelorussian) Foundation New York.
- СТАНКЕВІЧ 1992: Станкевіч, Я. *Маленькі маскоўска-беларускі (крывіцкі) слоўнічак*. 3-е выд., Менск: Навука і тэхніка 1992.
- ТЛУМАЧАЛЬНЫ СЛОЎНІК БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ 1977: *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы ў 5-ці тамах пад рэд. Атраховіча, К. К. і кал.* Мінск: БелСЭ 1977.
- ТЛУМАЧНИЙ СЛОВНИК-МІНІМУМ УКРАЇНСКОЇ МОВИ 2004: *Тлумачний словник-мінімум української мови* Уклад. Ващенко, Л., Єфимов, О. Київ: ДОВІРА 2004.
- ХВАЛЕЙ, Я., ШАРПЛА, У. *Слоўнік лексічных формаў*. Мінск: Парадокс 2004, с. 416.
- ЧЕРМАК – ХОЛУБ – ХРОНЕК 1994: Čermák, F., Holub, J., Hronek, J. a kol., *Slovník české frazeologie a idiomatiky*. Praha: Akademia 1994, 1. díl 759 с., 2. díl – 634 с.
- ШАНСКИЙ – ЗИМИН – ФИЛИППОВ 1987: Шанский, Н. М., Зимин, В. И., Филиппов, А. В., *Опыт этимологического словаря русской фразеологии*. М.: Русский язык 1987, 240 с.
- ШУБА 1993: Шуба, П., *Тлумачальны слоўнік беларускіх прыназоўнікаў*. Мінск: Народная асвета 1993.
- ЮРЧАНКА 2002: Юрчанка, Г., *Народнае мудраслоўе. Слоўнік*. Мінск: Беларуская навука 2002.
- ЯНКОЎСКИ 2004: Янкоўскі, Ф., *Беларускія прыказкі, прамыўкі, фразеалагізмы*. Мінск: Беларуская навука 2004, 494 с.

СЛОВАРИ В ИНТЕРНЕТЕ

- СЛОВАРЬ МЕТОДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ [Электронный ресурс] / Доступ: <http://gramota.ru/slovari/>
- РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ [Электронный ресурс] / Доступ: <http://slovari.yandex.ru>